ТРУДЫ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Miser sum miseris succurrere disco.

1819 ГОДЪ.

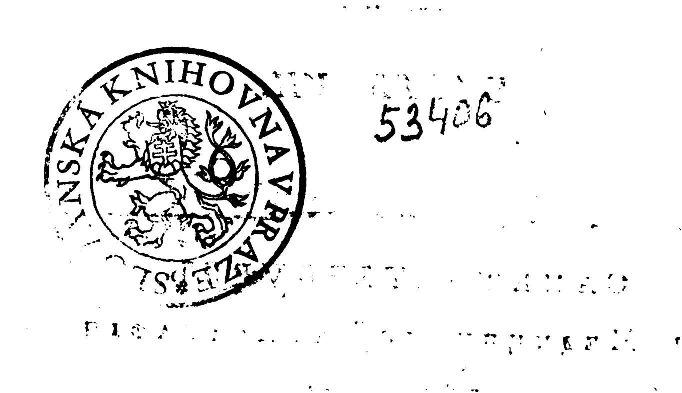
ЧАСТЬ VII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
въ Медицинской типографіи
1819 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Апрѣля 14 дня 1819 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Гр. Яценковъ.

ПРОЗА.

АЛЕКСАНДРЪ.

Осьмый Славянскій вечеръ (*).

Багряное солнце разлило сквозь густое облако последніе лучи по земле туманной, и погрузило злашые власы свои въ море крови человеческой!

Кто воздвигъ шакъ мгновенно на равной долине сіи холмы высокіе, взгроможденные изъ шруповъ пораженныхъ? Вчера еще украшалась она нивами волнисшыми, древами плодоносными! какой ужасный вихрь изшоргъ благословеніе полей и вертоградовъ, насеялъ землю расшерзанными членами и одождилъ ее кровію ближнихъ?

(*) Смотри книжку IX Соревновашеля Просвещенія и Благотворенія 1818 года.

Клубомъ вьется дымъ отъ огней ночныхъ, мѣшается съ сизымъ туманомъ и густымъ паромъ свѣжей крови. Сквозь сію, едва проницаемую сѣть, вдали, подобно озеру безбрежному, мелькаетъ въ сумракѣ древняя столица Галловъ, нѣкогда шумная, тщеславная, нынѣ безмолвная, неутѣшная. — Тѣни сраженныхъ сыновъ ея, познавшія тщету киченія своего, черными щолпами носились надъ нею, и изъ кровавыхъ мрачныхъ взоровъ сѣяли на сѣдую главу ея стыдъ, горесть и раскаяніе.

Отъ высокихъ стѣнъ сея столицы, на пространствѣ необозримомъ лежали трупы Галловъ и коней ихъ, подобно снопамъ пшеницы, падшимъ на землю подъ косою селянина. Жадная смерть, съ улыбкою восторга, покрыла ихъ дланію тлѣнія. Легкій вѣтръ наносилъ со страны ихъ ночныя крики врановъ, устремленныхъ на свою добычу.

На ближнихъ холмахъ сихъ, у безчисленныхъ огней, возлежали сыны Рускіе, исторгнушые изъ предѣловъ земли благословенныя, изъ Отечества страстно любимаго, да поразятъ вѣроломныхъ Галловъ, нарушителей мира, измѣнниковъ противу Царей земныхъ

и Царя горнягo, да истребять ихъ въ самомъ сердцѣ ядовитагo гнѣздилища! — Россіяне припекали у огней раны свои тяжелыя, и въ тихихъ молитвахъ возносили благодарность Богу и своему Повелителю, положившимъ конецъ ихъ подвигамъ славнымъ, конецъ блистательный!

Глубокая полночь раскинула надъ воинствомъ черныя крылія. Мало по малу огни сокращаясь, угасли. — Сонъ благотворный кроткою дланію смѣжилъ очи ратоборцевъ, и въ сладкихъ видѣніяхъ наполнялъ сердца ихъ всѣми утѣхами побѣды. Улыбка украшала уста ихъ, и они — возлегая на сырой землѣ, обрызганной ихъ потомъ и кровію — покоились. Мѣсяцъ раздравъ на конецъ завѣсу облачную, открылъ робкое чело свое и разсыпалъ власы сребристые по волнамъ воздушнымъ.

Но кто два Витязя сіи, медлѣнно шествующіе по долинѣ? Величественна поступь ихъ и благородна. Они приближась къ дубу древнему, на полы раздробленному ударами ядръ громоносныхъ, остановились, и предшествующій изъ нихъ погрузился въ думу глубокую. Въ туманныхъ взорахъ его

изображалось нѣкое недоумѣніе. Устремленный на свѣтлый мѣсяцъ и звѣзды мерцающія взоръ его прояснился; умиленіе разливалось по высокому челу его, и кротость въ Ангельской улыбкѣ. Но обратясь къ столицѣ Галловъ, взоръ его мгновенно покрывался пѣнію негодованія, сбирался громъ на устахъ его и изъ груди вылеталъ вздохъ тяжелый.

„Видишь ли, воззвалъ онъ къ другому, положа длань свою на отторгнутую вершину дуба, — „Видишь ли древо сіе? до сего утра было оно украшеніемъ долины, убѣжищемъ путника во время бури, прохладою его во время зноя. Можетъ быть прошло столѣтіе пока достигло оно до высоты своей; тщетно ревѣли надъ нимъ громы небесные, оно уцѣлѣло; но раздался громъ преисподній — и оно обезглавлено, оно — сдѣлалось остовомъ."

„Воззри, Сподвижникъ мой, на древнюю Лютецію вдали синѣющуюся! Сколько протекло вѣковъ отъ ея рожденія! Сколькіе роды родовъ въ стѣнахъ ея благоденствовали! Сколько великихъ Царей и полководцевъ отличалось въ ней мудростію правленія и побѣдами! Но настанетъ утро — и по манію

перста моего раздадутся новые громы, падутъ твердыя стѣны и гордыя башни, раздастся плачь и вопль — и сего града не станетъ!" Пройдетъ малое время, и путникъ съ трудомъ отыщетъ мѣсто бытія его, отыщетъ по однимъ развалинамъ, обитаемымъ зміями ядовитыми. Вопроситъ потомство отдаленное: — Кто произвелъ гибель сію, сіе опустошеніе ужасное? Александръ, будетъ отвѣтъ Исторіи. О! какъ ужасаюсь я мысли, столько для другихъ обольстительной, мысли, если присовокупятъ къ тому: Сей повелитель Сѣвера предалъ на жертву мечу и пламени тысячи тысячь мужей, женъ и младенцовъ, дабы удивленные, устрашенные народы, къ прочимъ титламъ его придали и титло Великаго!"

Рекъ — и свѣтлая слеза заблистала въ небесныхъ очахъ его. Мѣсяцъ погрузилъ въ ней лучи свои и отразилъ ее въ зерцалѣ своемъ предъ взорами Всевѣчнаго!

Долго длилось глубокое, священное молчаніе. „Повелитель! вѣщалъ наконецъ вождь дружинъ Рускихъ: въ полной мѣрѣ чувствую всю благость небесной души твоей, и раздѣляю съ тобою всю прелесть того вели-

чія, которое творитъ тебя единственнымъ изъ Вѣнценосцевъ. Сладостно быть не завоевателемъ, но благотворителемъ народовъ. — Но, Монархъ, какъ ни благотворно солнце, сіе сердце природы, отъ дѣйствій коего все раждается, растетъ, цвѣтетъ и плодъ приноситъ, но не самое ли сіе солнце, извлекая изъ нѣдръ земли и водъ обильныя испаренія, даетъ имъ время совокупиться воедино, составить тучу черную и низринуться ей на устрашенную землю въ дождѣ, громѣ и молніи?"

„Такъ, отвѣтствовалъ Самодержецъ: знаю обязанность сана моего къ моему Отечеству, съ которымъ соединенъ я священными узами любви взаимной! Счастіе моихъ народовъ выше для меня моего собственнаго счастія, и — клянусь великимъ Сердцевѣдцемъ — никогда позорная мысль: отдѣлить одно отъ другаго — не очерняла души моей! знаю все право свое, по коему ополчился я бранію противу дерзкаго нарушителя обѣтовъ Царскихъ, хищника спокойствія земли Русскія! Я изторгъ мечь — и безчисленная рать его разсыпалась, какъ разсыпается легкій прахъ предъ лицемъ вихря.

Рука Вышняго покрывала щитомъ мое вojнство. — Не узнавъ столь долговременно обязанности Царя, я познаъ и обязанности подвластныхъ ему народовъ!"

„Судить такъ, и покорять стремленія сердечныя, отвѣтствуетъ вождь мудрый, научила и утвердила тебя помощь Вышняя. Не какъ подданный предъ Повелителемъ, но какъ человѣкъ предъ сочеловѣкомъ повѣдаю: чувство сіе, въ тебѣ господствующее — одно — безъ столькихъ вѣнцовъ твоихъ и скипетровъ, удобно привлечь всѣ народы къ стопамъ твоимъ; наречь тебя своимъ Самодержцемъ, и обожая въ душахъ своихъ твои велѣнія, любить тебя. Соберу я всю гордость вѣковъ протекшихъ, все киченіе вѣковъ грядущихъ, и ничего не найду столько для нихъ лестнаго, какъ мысль: и Александръ смертенъ!"

„Сіе-то чувство, вѣщалъ Монархъ съ довѣріемъ друга, — сіе чувство, столько для другихъ владыкъ земли ужасное, есть верьхъ моего величія, источникъ душевнаго моего счастія!"

„Такъ! знаю я, увѣренъ, что вѣнцы на главѣ моей блестящіе, полученные отъ пред-

ковъ въ наслѣдіе, и иные пріобрѣтенные померкнутъ, разсыплются, изчезнутъ, и къ горсти праха моего еще горсть прибавятъ. Но кто сниметъ тѣ вѣнцы, кто уничтожитъ ихъ, коими увѣнчаютъ истиннаго Александра, а не тлѣнный образъ его, сію часть земли, на время оживленной? Тѣ украшенія возьму я съ собою въ предѣлы вѣчности.

Такъ, величіе сана, облекающаго меня по волѣ Провидѣнія, велитъ мнѣ любить Россіянъ, какъ дѣтей своихъ. Тебѣ извѣстно, сколько любовь сія въ душѣ моей безпредѣльна! Они дѣти мои, участники моея славы, моихъ трудовъ, моего спокойствія! Но почему же семейство мое осудитъ меня, если я хочу для его же пользы, его славы, усыновить еще постороннихъ, только бы они были того достойны? Любовь моя хощетъ, жаждетъ принять въ объятія свои всѣ племена и народы земные, благословить ихъ родительскимъ благословеніемъ, и воззвать къ нимъ: Дѣти! никогда не уклоняйтесь отъ закона правды — и вы благополучны!"

Едва произнесъ онъ слова сіи, румяная заря озлатила небосклонъ свѣтлый и первые лучи свои разлила на ланитахъ Александра. „Привѣтствую тебя, предвѣстница дня великаго! Онъ будешь для меня всегда шнимъ источникомъ радости, или горести неизлѣчимой!“

Мгновенно раздается громовой звукъ изъ мѣдныхъ жерлъ. Не стада орловъ быстротечныхъ оставляютъ вѣтьви дубовъ древнихъ и ущелія горныя, подъемлется воинство Александрово съ сырой земли; оно собирается въ ряды пространные и потрясаетъ копьями въ знакъ нетерпѣнія къ битвѣ и побѣдѣ. Бурные кони ихъ ржатъ и копытами ударяютъ о землю непріязненную! Страшныя орудія, поглащающія малыми гортанями цѣлыя тысячи ратоборцевъ, движутся, и звукъ ихъ движенія, смѣшавшись съ говоромъ людей и бурнымъ ржаніемъ коней, достигаетъ до стѣнъ Лютеціи. Она покрыта глубокимъ гробовымъ молчаніемъ, и изрѣдка пролетающій надъ вершинами башенъ ея вранъ зловѣщій, плачевнымъ крикомъ своимъ прерываетъ мертвое безмолвіе вождей и народа.

Востекло солнце свѣтозарное. Возсѣлъ Александръ на коня своего бурнаго; вожди полковъ его ему последовали. — Онъ пролетѣлъ ряды свои безчисленные и ставъ по срединѣ, вѣщалъ: воины, непобѣдимые на брани кровопролитной, неподражаемые въ великодушіи по днямъ побѣды! Вижу рвеніе ваше непреодолимое отверзть врата гордаго града и пригвоздить къ вершинѣ башенъ его орловъ Русскихъ! Пройдите безъ препоны стогны града великаго, и въ жилищахъ крамолъ и гибели воспѣть громко пѣснь побѣды! Хвала воинству Россійскому, хвала вождямъ его! — Но я вопрошу васъ: какую судьбу наренемъ мы древней столицѣ всея Галліи? Какъ встрѣтимъ мы жалкихъ ея обитателей?"

Подобно страшному реву грозной Миссисипи, когда низвергаетъ она необозримые валы свои съ высоты поднебесной въ пропасть преисподнюю, раздался гласъ воинства:

„Смерть и оковы Галлу измѣннику; смерть лютая, оковы тяжкія клятвопреступному! „Да сокрушится сей вертепъ крамольни-

ковъ и хищный пламень да поясть корысти ихъ неправыя!

„Да падутъ подъ мечами нашими мужи ихъ свирѣпые, жены ихъ вѣроломныя, старцы ихъ безбожные!

„Да воздымятся храмы ихъ и дворы Царскіе; да разсыплются угліе на стогнахъ окровавленныхъ!

„Да обрушится все и будетъ прахомъ прахъ!

„Сего требуетъ отъ насъ мать святая Русь! О семъ молитъ насъ Москва бѣдовъвшая!"

Монархъ пребылъ въ недоумѣніи. Раны Москвы сѣдовласыя и Смоленска—любимаго ея дѣтища, близко прилегли къ сердцу Царскому. Среди свѣта небеснаго, предъ очами солнца лучезарнаго, въ кристаллѣ сердца его представился видъ ужасный, поражающій. Зритъ онъ:

Отъ Вислы до Немена, до самыя Оки быстротечныя, разстилались хищныя стаи звѣриныя: то были злобныя полчища вождя кровожаднаго; алчная смерть видна во взорахъ; пѣна клубится изъ устъ ненасытимыхъ! Гдѣ дѣлись вы громы Небесные?

Текутъ они изъ поля въ дебрь, текутъ они изъ дебри въ весь, ведутъ они за собою смерть! Храмы Бога Вышняго преданы во снѣдь пламени всепожирающему. Служители олтарей окованы цѣпями тяжкими; презрѣна дань почтенія ко власамъ сѣдымъ; попраны законы стыда и совѣсти! Подобія Херувимовъ исказились, и міру представились образы Ангеловъ бездны возмутительныхъ!

Почто медлите вы молніеносныя стрѣлы Всевышняго?

Разлилось ядовитое Галловъ дыханіе по лицу всея земли Славенскія; коснулись дерзкія длани ихъ до ребръ Москвы первопрестольныя; преклонила она главу свою вѣнчанную; слезы ея обильныя оросили запекшіяся уста тигровъ ненапоимыхъ!

Духъ злобы и киченія, въ лицѣ хищнаго опустошителя воззвалъ въ трубу звучную: ,,Да преклонитъ Москва предъ стопами моими выю свою; да поклонится мнѣ, владыкѣ своему державному; да принесетъ мнѣ дани богатыя въ знакъ своего служенія; да пріиметъ изреченія воли моей, яко законы священные! Тогда простру я взоръ мило-

сти; тогда сопричту ее къ державѣ моей блистательной!"

Потрясла Москва главою вѣнчанною; воззвала она къ звѣрю лютому:

"Пройдетъ гроза ужасная, проглянетъ къ намъ солнце красное! Воззри ты къ небесамъ: тамъ есть великій Богъ! Воззри во кругъ себя: къ намъ близокъ Русскій Царь! Возгремитъ единъ дланію молніеносною, и ваши полчища превратятся во прахъ! Повелитъ другой орламъ своимъ, и прахъ сей развѣется по лицу земли! Не огорчитъ Москва Бога небеснаго; не измѣнитъ она Царю Рускому. Подъ сѣнію престола родилась она, колыбель ея было лоно Царское; возмужала она въ вѣнцѣ блистательномъ, состарѣлась подъ багряницею; умретъ Москва матерью вѣрною къ чадамъ своимъ добродѣтельнымъ, но не поклонится владыкѣ адскому, не дастъ дани ненасытному."

Тяжело, подобно камню твердому, легла рѣчь сія на сердце кровожаднаго. Махнулъ злодѣй чародѣйнымъ жезломъ своимъ — и стѣны Москвы воздымились; затрещали ребра гранитныя и разсыпались, твердыя башни потряслись и рухнулись; пала во прахъ гла-

на вѣнценосная, не видно Москвы первопрестольныя!

„Я воздвигну тебя — возвалъ Александръ гласомъ, подобнымъ ярому удару грома; — я воздвигну тебя, Москва златоверьхая; — я припеку раны твои тяжелыя — пылающими углями обломковъ вѣроломной Лютеціи; освѣжу замершія уста твои — горячею кровію Галла преступнаго; упещу померкшій взоръ твой и огнемъ и дымомъ и пепломъ столицы Содомскія; воскрещу тебя дѣломъ мщенія достойнаго, мщенія безпримѣрнаго!“

Вѣщалъ — и ряды его возшумѣли, подобно крику орловъ и соколовъ при видѣ добычи кровавой; заблистали мечи булатные и копья тяжелыя; развѣялись знамена освященныя; возгремѣли бубны и трубы бранныя; возблистали взоры огненные; напряглись мышцы неодолимыя; — возвысилъ Александръ жезлъ повелительный; двинулись вожди и воинство — и се!

На твердыхъ вереяхъ зазвучали врата желѣзныя града гордаго и разверзлись. Медлѣнно, подобно тѣнямъ изъ гробовъ выходящимъ, извлеклись граждане Лютеціи. Старцы и мужи, жены и дѣвы и юно-

ши — съ поникшими главами, съ помертвѣлыми ланитами, трепещущими стопами шествовали во срѣтеніе Царю Русскому и его воинству.

Удержалъ Царь за бразды коня ратнаго; вожди и воинство остановились. — „Повелитель Сѣвера неодолимаго, владыка земли Русскія! вѣщалъ старѣйшина Галловъ, простерши къ Александру трепещущія длани свои: ужасно для насъ пришествіе твое на брега Сены; но во власти твоей содѣлать его вожделѣннымъ! Кто удержитъ ударъ грома разящаго? Кто остановитъ шествіе Александра — Царя доблестнаго мужей великихъ? предъ тобою, въ лицѣ нашемъ, лежитъ Столица осиротѣлая, и въ ней поверженъ щитъ цѣлой Галліи!“

„Отъ манія десницы твоей подниметъ она согбенную выю свою, или на вѣки погрузитъ ее во прахѣ, и время истребитъ имя ее изъ памяти человѣческой. —

„Кто исчислитъ зерна песка морскаго? Кто измѣритъ глубину Океана? Кто соразмѣритъ неправды и беззаконія, совершенныя сынами и дщерями земли Галльскія? Обагрены руки ихъ святою кровію Царя невин-

наго! Они плавали въ море слезъ своихъ соотчичей. Олтари Бога вышняго испровергнуты, и святое имя Его поругано устами нечестивыхъ! невинность и правосудіе отягчены цѣпями тяжкими. Беззаконіе возсѣло на престолѣ, и черные духи бездны осѣнили его своими крыліями." —

„Глубоко низпали сыны Галліи въ пропасть неизмѣримую, и кто озаритъ потемнѣлые взоры ихъ свѣтомъ истины? кто простретъ къ нимъ десницу сострадания? кто извлечетъ ихъ изъ юдоли плачевныя?"

„И се явился къ нимъ сынъ скалъ Корсиканскихъ въ вѣнцѣ обманчиваго величія. Онъ вѣщалъ языкомъ льстивымъ, обманчивымъ, и милліоны жертвъ отечественныхъ пали у подножія престола его. — Онъ поднялъ мечь, — и Цари и царства низринулись къ ногамъ его. Онъ возвысилъ чело, и безстыдные рабы суеты ничтожныя украсили его діадимою. Онъ возвысилъ гласъ, и половина ужаснувшейся Европы нарекла его полубогомъ! — Колико новыхъ слезъ, колико новой крови стоило дѣтское заблужденіе сіе сынамъ и дщерямъ Галліи!"

„Сей властитель мрачное око свое простеръ въ пучины ада, и обратилъ тускло-огненный взоръ свой на чело владыки геенскаго, избражденное древле перунами небесными, во вѣки неисцѣлимое. Возсидѣлъ Абадона на высокой скалѣ, составленной изъ кипящей сѣры и пепла и дыму: то былъ престолъ свѣтоносца! тмы темъ послушныхъ ему духовъ коварства и злобы и хищенія возлежали окрестъ престола владыки своего, и ожидали повелѣній!“ —

„Онъ воздвигъ поникшую къ персямъ главу свою; кинулъ взоръ, стократно разительнѣйшій стрѣлъ молніиныхъ; проникъ имъ непроницаемыя для всѣхъ заклепы ада; обратилъ его къ сыну скалъ Корсиканскихъ и гласомъ, подобнымъ клокоту Океана, когда онъ наполнясь сѣры и селитры горитъ и кипитъ, вѣщалъ къ нему: „Сынъ любви моей, достойный наслѣдникъ моей власти и величія! познаю скорбь духа моего любимаго, возсѣдающаго въ тебѣ до времени, скорбь, украшающую изчадіе ада преисподняго! ты приходишь въ уныніе, что не всѣ еще народы на землѣ твоей познали твое могущество; что есть еще страны и области,

гдѣ могутъ улыбаться съ веселіемъ; гдѣ люди находятъ еще радости; гдѣ дражайшая матерь твоя — смерть — не зритъ себѣ жертвъ обильныхъ! не смущайся, великій сынъ мой! я шлю къ тебѣ духовъ моихъ, достойнѣйшихъ моего избранія. Они вновь воспламенятъ умы и сердца Галловъ твоихъ своими чарами. Забудутъ отцы потерю сыновъ своихъ, и сами станутъ подъ бранными твоими знаменами. Шагни, и прежде всѣхъ презорливая Россія да познаетъ силу меча твоего, и тяжесть оковъ, тобою налагаемыхъ!"

„Вселенная свидѣтель, колико посланникъ Аббадона послушенъ былъ сему велѣнію и колико малодушные Галлы удобопреклонны ко внушеніямъ духовъ бездны Геенскія!"

„Тако, о Александръ, о великодушнѣйшій изъ владыкъ земныхъ! тако Галлы совершали судьбу свою; но, ты самъ былъ свидѣтель неслыханнаго злополучія, постигшаго ихъ въ предѣлахъ твоего владычества. Они пали, какъ пали нѣкогда кичливые духи свѣта въ пучины Геенскія, пали и невостанутъ до скончанія вѣковъ."

„По толикихъ подвигахъ трудныхъ, по толикихъ битвахъ кровопитныхъ, нога твоя стоитъ у вратъ гордаго града, конечно достойнаго всякаго отмщенія, но и безмѣрно несчастнаго. — Александръ! открой душу твою ко внушенію милосердія; изреки помилованіе къ преступнымъ несчастливцамъ; дай имъ время горькими, обильными слезами омыть пятны беззаконій съ душъ ихъ; дай намъ облобызать неодолимую десницу твою; дозволь преклонить колѣна во прахѣ ногъ твоихъ, простерть подъ мечемъ выи свои и во услышаніе цѣлыя вселенныя со слезами благодарности, умиленія, надежды жизни лучшія, воззвать: Александръ сѣверный есть непобѣдимѣйшій, но вкупѣ съ тѣмъ и великодушнѣйшій изъ всѣхъ вѣнценосцевъ подъ солнцемъ!“

Вѣщалъ старѣйшина Галловъ и преклонилъ свои колѣна; мужи и жены, старцы и дѣвы, и юноши столицы Галліи пали во прахѣ, подобно лѣсу дремучему, исторгнотому въ едино мгновеніе вихремъ изъ нѣдръ матернихъ; тяжкіе стоны ихъ поколебали воздухъ; слезы горькія, слезы кровавыя оросили чело земли отеческой. —

Безмолвіе простерло крылія свои между вождями, воинствомъ и народомъ. Царь обратилъ очи къ своимъ тысячамъ и зритъ: улыбка осклабила уста, доселѣ угрожавшіе мщеніемъ и злобою; и слезы умиленія, слезы сладкія, исторгаясь изъ очей ихъ, струились по новымъ кровавымъ рубцамъ на ихъ ланитахъ. Они поникли ихъ долу, стыдясь прежняго своего стремленія ко мщенію; ужасаясь быть недостойными своего повелителя.

Въ сіе святое мгновеніе любезныя наперстницы неба, Вѣра, Надежда и Любовь, невидимо божественными устами облобызали чело Александрово. — Онъ обратилъ ко звѣздному престолу Царя царствующихъ взоры полные благоговѣнія, и простерши къ нему десницу свою, вѣщалъ:

„Благодарю Тебя, о существо великое, благотворное! Ты — въ сіе мгновеніе, даровало мнѣ радость предвкусить блаженство, обѣщанное тобою всѣмъ, неуклоняющимся отъ путей, тобою предписаныхъ! Душа моя во всей полнотѣ чувствуетъ благо быть владыкою — благотворителемъ народовъ! —“

Ребъ, опустилъ въ ножны мечь свой, быстро низшелъ съ коня своего, и простря десницу къ старѣйшинѣ Галловъ, вѣщалъ: „возстаньте всѣ отъ лица земли, и воззрите паки на солнце небесное!—“

„Неисчетны жертвы вашего безумія; но чей взоръ проникнетъ завѣсу судебъ Вышняго? и вы познали во чреду свою, колико несчастенъ дѣлающій другихъ несчастными! возстаньте! течемъ во градъ осиротѣлый, и тамо во храмахъ, принесемъ благодарственныя мольбы Богу кротости и милосердія, Богу небесному, милующему съ отеческою благостію грѣшныхъ сыновъ земли, приносящихъ къ престолу его вздохи сердечнаго покаянія.“

Вѣщалъ — и потекъ ко граду; Галлы и Россіяне, забывшіе купно и мрачное недовѣріе и вопль мщенія, ему послѣдовали. Кроткое умиленіе озлащало взоры каждаго. Судьба нѣсколькихъ народовъ опочила тихо на устахъ Александровыхъ. — Съ воплями радостными приняли граждане гостей своихъ въ стѣны Парижскія, и тамъ, гдѣ нѣкогда пролилась святая кровь Людовикова, тамъ — по мановенію Александра

державнаго, воздвигся олтарь священный,—
и примиренные имъ народы совокупно про-
стерли къ небу мольбы благодарности!—

В. Нарѣжный.

О ВООБРАЖЕНІИ.

(*Изъ Dzien. Wilensk.*)

Совокуплять въ одинъ образъ разсѣянныя по всей природѣ красоты; воскрыляться за предѣлы положенныя чувствамъ и въ мечтахъ очарованія творить міръ умственный; учреждать въ ономъ нѣкое согласіе и порядокъ, или воспѣвать дѣянія его обитателей; украшать добродѣтель свойственными ей прелестями; посредствомъ обворожительныхъ мечтаній находить наше благоденствіе въ настоящемъ, или, оживотворяя прелестной образъ надежды, открывать блаженство въ будущемъ; придавать силу истинѣ, представляя оную во всемъ блескѣ, въ чертахъ великихъ, разительныхъ; управлять сердцемъ, волею, умомъ смертнаго, распространять область самаго разума и возносить его даже надъ собственною силою: — вотъ дѣйствіе *Воображенія*.

Способность сія самая дѣятельная, богатѣйшая изъ всѣхъ способностей ума, беретъ начало отъ памяти, заимствуя отъ нее и предметы для своего дѣйствія; все, что можетъ поразить чувства, занять умъ, все побуждаетъ ее къ подвигамъ; самое молчаніе, тишина пустынная есть то время, въ которое она преимущественно бодрствуетъ.

Мечты и заблужденія остались бы ея удѣломъ, а буйство и отчаяніе, или только призракъ нашего благополучія ея слѣдствіемъ, если бы разумъ не управлялъ ею. Но когда порывы оной не обузданы, тогда разумъ въ опасности, какъ корабль въ бунтующемъ морѣ: тогда она подобна бурѣ, которая, воздымая волны къ облакамъ, ударяетъ въ корабль, гонитъ его по морямъ, пока приведетъ въ тихую пристань или погрузитъ въ бездны ярости́ныхъ водъ. Напротивъ того въ союзѣ съ разумомъ, увлекая его за собою, она удѣляетъ ему часть силъ своихъ, содѣлывая его проницательнымъ, выспреннимъ, неистощимымъ; утружденнаго изысканіемъ истины подкрѣпляетъ, успокоиваетъ на время его любо-

пытство, чтобы потомъ снова приступить къ труду, ниспровергнуть все мечтательное, и на сихъ развалинахъ вознести одобряемое истиною зданіе.

Изобрѣтать и *Украшать* есть первое свойство воображенія. —

По сему работа ума и рукъ человѣческихъ, управляемая воображеніемъ, отличается знакомъ изящности и красоты, которыхъ не можетъ сообщить ей глубокое познаніе искусства. Но перо, кисть или рѣзецъ слабы, принуждены, если писатель или художникъ чуждъ воображенію: безъ помощи его дарованіе и искусство никогда не можетъ съ успѣхомъ подражать естественнымъ прелестямъ красоты; ибо прелести сіи, разсѣянныя по всей природѣ, ожидаютъ вѣрнаго съемка, въ дивномъ сліяніи видовъ безконечно разнообразныхъ. Критика, вызывая предъ судъ свой твореніе искусства, прибѣгаетъ сама къ помощи воображенія, или — произноситъ приговоръ, достойный посмѣянія; возстаетъ на все прекрасное, проникая до храмовъ повсюду оному посвященныхъ. Критикъ безъ воображенія напрасно ищетъ въ произведеніяхъ искуствъ истинно

изящнаго: оно сокрыто отъ него тамъ, какъ и въ источникѣ своемъ — въ природѣ.

Новость и разнообразіе есть второе свойство воображенія. —

Чувства наши, сердце, встрѣтивъ пріятное, скоро пресыщаются единообразіемъ предмета; журчаніе ручья, зеленый лугъ украшенный цвѣтами, великолѣпный видъ восходящаго солнца, все это порознь взятое, доставляетъ наслажденіе скоро преходящее. Одно только воображеніе, посредствомъ своихъ представленій, пробуждая всѣ способности души, и открывая цѣлый рядъ противуположностей, даетъ работу уму столь продолжительную, сколько разнообразны созерцаемые виды, за коими мысли одна за другою въ длинной цѣпи стремятся.

Мы любимъ читать въ бытописаніяхъ и находить въ свѣтѣ такія дѣянія, гдѣ одною чертой изображается посрамленный порокъ и торжество добродѣтели. Тамъ, на примѣръ, мстительный, неумолимый Ахиллъ проливаетъ слезы надъ умирающимъ Патрокломъ, отказывается отъ славы любимыхъ побѣдъ для того только, чтобы вполнѣ предаться горести; въ другомъ

мѣстѣ война междоусобная, въ предшествіи ужаса, въ сопровожденіи пожаровъ, подобно исторгшемуся изъ нѣдръ земныхъ вулкану, обращаетъ въ развалины великолѣпные города; а тутъ же благодатной миръ, въ образѣ величественнаго юноши; глава его въ лаврахъ, на лицѣ сіяетъ свобода и счастіе. Но вотъ сей юноша, огорченный враждою междоусобія, стоитъ унылъ и печаленъ; полныя слезъ очи его поникли, блѣдность покрываетъ лице, онъ кладетъ руки на сердце и склоня голову выходитъ изъ града. Никогда не престанетъ трогать сердца наши повѣствованіе о дѣлахъ Римскаго героя, котораго слава и добродѣтели такъ тѣсно соединены съ любовію къ народу. Правленіе свое ознаменовалъ онъ мудростію и мужествомъ; кротость была украшеніемъ великой души его. Мы чувствуемъ сколь безмѣрна любовь къ отечеству сего мужа, Брута, въ сердцѣ коего пламенная любовь къ отечеству восторжествовала надъ естественною любовію отца къ дѣтямъ. Раскройте бытописанія народовъ всѣхъ вѣковъ, найдите другой примѣръ, столь сильный, столь разительный!.... Злодѣяніе и

смерть преступников никогда не сделали бы въ насъ такъ сильнаго впечатлѣнія, если бы приговоръ смертный, приговоръ противъ дѣтей своихъ произнесъ не самъ отецъ великодушный!... Что такое преклоняетъ состраданіе наше къ убійцѣ Оресту, если не рѣзкія черты его добродѣтелей, столь противоположныя злодѣянію? Утрата Кастро (Castro) для насъ горестна по добродѣтелямъ Царя, и по вѣроломству Министровъ: они устремили дрожащую руку лучшаго изъ Монарховъ подписать смертный приговоръ — противъ невиннаго! —

Корнель и Расинъ оставили намъ совершенные образцы счастливаго соединенія таковыхъ изображеній; а Рафаэль, Апеллесъ, Корреджій начертали дивныя картины, которымъ воображеніе сообщило безсмертіе. Знатоки всегда находятъ въ нихъ новыя красоты, и слава великихъ мастеровъ съ теченіемъ временъ возрастаетъ.

Третіе свойство воображенія есть *Очарованіе*, нѣкое тихое изступленіе души, которое, воскрешая память прежнихъ впечатлѣній, пробуждаетъ различныя страсти: печаль, страхъ, отчаяніе, скорбь; воспламе-

няетъ насъ гнѣвомъ, вооружая къ оборонѣ невинности и добродѣтели; мысленно переноситъ въ разныя мѣста, живописуетъ образъ будущей жизни; вводитъ въ битвы, одерживаетъ побѣды, вѣнчаетъ лаврами, подаетъ скиптръ, да правимъ вселенною, — словомъ, какъ въ сонныхъ грезахъ, творитъ призракъ изъ самихъ насъ. И такъ въ рѣшительную минуту на что не могутъ подвигнуть насъ Ораторъ, Поэтъ, Законодатель, Философъ, употребивъ орудіемъ силу воображенія, когда оно само собою съ такою легкостію покоряетъ насъ могуществу своему?...

Цицеронъ возглашаетъ въ Сенатѣ Римскомъ: мѣсто, тишина, торжество собранія, важный санъ Оратора, все воспламеняетъ воображеніе, предупреждая сердца. — Слушатели въ восторгѣ: тѣмъ онъ пользуется, именуетъ изъ предстоящихъ мужей славныхъ по добродѣтелямъ и любви народной; указываетъ на Капитолію, на стогны градскіе; взываетъ къ домашнимъ Богамъ, къ добродѣтелямъ предковъ, — и съ быстротою молніи, покоряетъ сердца и умы: спасаетъ осужденнаго, или призываетъ мще-

ніе на главу злодѣя, или вооружаетъ къ обо-роиѣ народъ, устрашенный опасностію свободы....

Дѣйствіе силы воображенія удобнѣе видѣть можно на сценѣ трагической, которую поэтъ исполняетъ всѣми прелестями очаровательнаго обмана: сближаетъ времена, обычаи народовъ, вводитъ насъ въ тѣ же самыя обстоятельства; вымыслы превращаетъ въ истину, вселяя въ сердце ужасъ, радость, надежду, отчаяніе, словомъ: сообщаетъ намъ тѣ же страсти, которыми исполненъ умъ и поражено сердце его. Заблужденіе — у дѣлъ нашъ, дѣйствіе на насъ онаго — вѣнецъ поэта. Мудрый Законодатель, убѣжденный въ господствѣ воображенія надъ разумомъ, прибѣгаетъ къ наружному блеску и посредствомъ пышныхъ обрядовъ воспламеняетъ погасшую любовь къ отечеству, даетъ народу благородный характеръ и съ непобѣдимою силою очарованія кладетъ краеугольный камень могущества его и славы. — О Греція! великолѣпныя развалины величія твоего погребены во прахѣ подъ тяжкимъ ярмомъ гнуснаго рабства; но еще свидѣтельствуютъ

о вольности и добродѣтеляхъ народовъ, населявшихъ нѣкогда твои области. Памятники, надгробія—справедливая дань героямъ твоимъ — были для гражданъ наставниками въ мужествѣ и любви къ отечеству. Гробы предковъ, освященныя любовію и благоговѣніемъ потомства; игры въ честь героевъ и мужей, подвизавшихся за права обожаемаго народа, сводили народъ на общественныя игры, гдѣ каждый научался быть полезнымъ гражданиномъ, познавалъ добродѣтельныхъ Правителей, горѣлъ любовью къ своимъ правамъ и вольности, и въ душѣ своей произносилъ обѣтъ чуждаться своекорыстія, ибо каждый находилъ себя частію тѣла политическаго. — Такъ, Греки хранили законы для пользы общественной, и правила оныхъ, признанныя собственнымъ уваженіемъ, отцы передавали дѣтямъ, домашнимъ; описывали имъ блестящую пышность обрядовъ, которая, возрастая въ пламенномъ воображеніи, поражала сердца и умы, направляя ихъ къ цѣли законодателя и общаго благоденствія. Побѣдоносные лавры, вѣнцы, изображенія побѣдъ, выставленныя на публичныхъ галлереяхъ, вливали въ серд-

ца зрителей необоримое желаніе славы и великихъ подвиговъ, и такимъ образомъ уготовляли новыя побѣды. Публичныя награды отечественныхъ добродѣтелей; народныя пѣсни, празднество земледѣлія, памятники изобрѣтеній; рощи, лѣса, рѣки, озера, посвященныя въ честь покровительствующихъ Боговъ: вотъ что, говоря чувствамъ, посредствомъ воображенія вѣщало сердцу, преклоняло волю, утверждало въ любви къ добродѣтели. —

Что вмѣсто сего находимъ въ вѣки позднѣйшіе въ сихъ странахъ, облагодѣтельствованныхъ дарами природы?—Гордость, фанатизмъ, варварство — соорудили тамъ вертепъ неприступный, изъ коего исходитъ окрестъ буйство и ужасъ. Тамъ смятенное сердце гражданина, платя принужденную дань, невольно сознается съ чувствами низкими, или, чуждое милыхъ мечтаній, не увѣренное въ собственномъ достоинствѣ, падаетъ жертвою мстительныхъ мучителей.

Законы, начертанные въ книгахъ и только малому числу людей извѣстные, обнародываются съ мечемъ въ рукахъ правосудія:

эшафоты, пылающіе костры, удары бичей и мученія всякаго рода: вотъ что возвѣщаетъ о существованіи законовъ! И сіи законы должны возбуждать любовь къ добродѣтели!...

Вотъ заблужденіе въ вѣкахъ закоренѣлое, позорище противное естеству человѣка! Сіи установленія, опредѣляющія только оскорблять чувственность нашу, никогда не сообщатъ сердцу любви къ добродѣтели, никогда не замѣнятъ намъ установъ Ликурга и Солона, кои направляли народъ свой къ той цѣли другими средствами, и никогда, никогда не уподобятся божественнымъ законамъ вдохновеннаго Моисея, которой подаетъ оные своему народу на каменныхъ скрыжаляхъ при блескѣ молній небесныхъ, знаменующихъ волю самого Бога! — Рабы-Мусульмане бѣдствуютъ: фанатизмъ писалъ законы ихъ, мечь оградилъ и блюдетъ; страдая подъ жезломъ жестокой судьбы, они свидѣтельствуютъ міру, что подлость сушь дочь рабства, и что всѣ злодѣянія суть слѣдствія народнаго порабощенія, унижающаго человѣка до степени неразумныхъ тварей... Но отвратимъ взоры

отъ сихъ кровавыхъ листовъ бытописанія, обратимся къ нашему предмету.

Въ Исторіи вообще, въ баснословной и истинной, сила воображенія повсюду оказывается во всей важности. —

Боссюэтъ и Флешье, великіе живописцы сердца человѣческаго и дѣяній народовъ, предавая истину потомству, какъ содѣлали ее столь намъ любезною? Откуда происходитъ это удовольствіе, съ которымъ читаемъ бытописанія народовъ, тысячами лѣтъ отъ насъ отдаленныхъ, чуждыхъ по языку, обычаямъ, Вѣрѣ? — По дѣйствію воображенія: оно, все украшая, обольщаетъ наше сердце; переноситъ на мѣсто совершенныхъ событій; пробуждаетъ собственныя наши страсти вмѣстѣ съ страстями другихъ народовъ; тогда судьба ихъ становится нашею судьбою, — и мы съ жадностію предаемся изысканіямъ о ихъ существованіи, будто собственно о нашемъ.

Какъ обширна власть воображенія, находимъ тому примѣръ въ басняхъ, гдѣ добродѣтели и пороки представляются подъ покровомъ иносказанія, изъ подъ коего добродѣтель и истина, т. с., улыбаются человѣ-

вѣку: ибо невинность агнца, трудолюбіе журавья, вѣрность пса, терпѣніе вола, не напоминаютъ ли намъ объ обязанностяхъ нашихъ? Между тѣмъ все это сколько сообщаетъ намъ пріятныхъ мыслей, способствуя при томъ къ нашему исправленію! Боязнь изобрѣла родъ сего сочиненія; но одному воображенію предоставлено было распространить и усовершить его. Басни Езоповы все еще жестко напоминаютъ намъ о порокахъ: Ла-Фонтенъ и Красицкій (*), по врожденной своей веселости, соединили пріятное съ глубокимъ нравоученіемъ.

Между тѣмъ, какъ во всѣхъ почти наукахъ, гдѣ нужно украшать, помощь воображенія благотворна, въ Философіи однакожь бываетъ она виною важныхъ заблужденій. Понятіе о Первой Причинѣ не что иное было, какъ внутреній голосъ человѣка, оставленнаго одной природѣ. Все видимое, отразясь въ сердце, утвердило его въ семъ естественномъ чувствѣ. Сама природа служила ему

(*) Полякъ. — Читатель, безъ сомнѣнія, вспомнилъ уже о знаменитыхъ баснописцахъ нашихъ, Дмитріевѣ, Крыловѣ, Хемницерѣ.— *Пер.*

въ томъ убѣжденіемъ и образцемъ, по которому получилъ онъ идеалъ о существѣ Первой Причины. Человѣкъ, прежде всего заботясь только о самомъ себѣ въ немногихъ потребностяхъ и въ простѣйшихъ способахъ удовлетворять онымъ находилъ свое счастіе, и разсуждалъ о Творцѣ какъ о источникѣ всѣхъ благъ; но воображеніе скоро низвергло его въ бездну заблужденія и преступленій. Бѣдствія и нужды—слѣдствія жестокихъ страстей—тяготѣя на земли, довели наконецъ человѣка до убожества,—человѣка, который наконецъ добродѣтели свои и злодѣянія переноситъ въ самое небо, и соорудивъ олтари заблужденію и слѣпотѣ своей, падаетъ на колѣна со страхомъ передъ плодами собственнаго воображенія. Уже злодѣй, проклинаемый въ жизни, боготворимъ по смерти; уже на одномъ и томъ же олтарѣ, гдѣ курится оиміамъ благодарности, отцы закалаютъ собственныхъ дѣтей, полагая въ изступленіи своемъ, что жертва сія Богу пріятна. Тамъ ввергается въ пламень жена: фанатизмъ славитъ ея подвигъ, и заблужденіе совершаетъ жертву въ память усопшаго супруга. Въ иномъ мѣстѣ цѣлые сонмы народа

устремляются на пылающіе костры, чтобы своею гибелью, почтить память жестокаго владыки!...Сердце мерзитъ такою жертвою, отвергаетъ ее разумъ, одобряетъ же одно воображеніе по закону своихъ мечтаній.

Если обратимся теперь къ страннымъ и жестокимъ изобрѣтеніямъ воображенія въ обрядахъ язычества, то найдемъ, что люди, увлеченныя онымъ въ заблужденія, въ важныхъ сомнѣніяхъ ищутъ совѣтовъ во внутренности воловъ, въ полетѣ птицъ, въ дуновеніи вѣтра, и что ужаснѣе отвергаютъ священнѣйшія чувства правосудія и любви ближняго, повинуясь гласу коварныхъ жрецовъ, возбуждающихъ къ безумному человѣкоубійству во имя боговъ, и хитрыми, вѣроломными устами повѣдающихъ о сообщеніи ихъ съ ликами безплотныхъ.

Мы видимъ также примѣры жестокихъ страстей, свирѣпствующихъ подъ покровомъ Вѣры. Они воздвигнули кровавое судилище ненавистное сердцу, противное совѣсти и уму; тамъ заключаютъ людей въ темницы, тайно истязуютъ, нерѣдко отымаютъ члены; живыхъ сожигаютъ на кострахъ;

лишают имѣнія, подвергают посрамительному покаянію, преслѣдуют дѣтей, цѣлый родъ, — тревожат кости усопшихъ; и сію-то божественную Вѣру, основанную на человѣколюбіи и снисхожденіи, святотатцы превращают въ орудіе варварства и жесточайшихъ злодѣяній (*)!..

Къ такимъ же заблужденіямъ ведетъ воображеніе при изъясненіи начала всѣхъ вещей. — „Въ началѣ былъ Хаосъ" вѣщаетъ оно устами Гезіода: „черный Еребъ и тартаръ, когда еще время не было и вѣчная Ночь на тяжкихъ крыліяхъ носилась въ пространствѣ міровъ; незапно воспарила она надъ Еребомъ, положила яйцо, изъ котораго Еребъ произвелъ плодъ, любовь, а изъ нее начало всего." Таково происхожденіе свѣта по мнѣнію сего Греческаго мудреца, увлеченнаго воображеніемъ. Небо и земля предвѣчны, утверждаетъ Философъ Лао; что шестнадцать планетъ земныхъ подчинены нашей, и самыя отдаленныя суть счастливѣйшія; что чрезъ 36 тысячь лѣтъ, пла-

(*) Histoire critique de l'inquisition d'Espagne par Jean Antoine Llorente 300 vol. 1817.

мень, изверґшійся изъ бездны фирмамента, окружая землю, превращаетъ ее въ воду; что Геній съ выспреннѣйшаго неба ожи-вотворяетъ ее снова, и что пособіемъ его земля получаетъ первой свой видъ. — Вотъ начала Философіи, основанной на одномъ воображеніи; таковы же успѣхи всѣхъ тѣхъ, которые кромѣ воображенія ничего не имѣли, но кои съ помощію его посягали изъяснять начало, теченіе и порядокъ естества.

Однакожъ безъ помощи воображенія могъ ли безсмертный Невтонъ, въ смѣломъ полетѣ мыслей своихъ, проникнуть все пространство міровъ, вдругъ сообразить такое множество различныхъ дѣйствій, и то обращаясь къ важнѣйшимъ явленіямъ Природы, то уступая слабости чувствъ человѣческихъ - согласить всѣ случаи и под-весть ихъ подъ одинъ общій законъ? Открытіе сего закона, даннаго рукою Творца всему естеству, составляетъ важнѣйшій и послѣдній періодъ усилій человѣческаго разума, восшедшаго на высочайшую степень благородства и силы, - степень, на коей первоначально сіяетъ геній Невтона,

увѣнчанный цвѣтами воображенія.—Заблужденія Картезія, которыя суть обманъ воображенія, не умоляя славы его, принесли пользу въ послѣдствіи: воспламененные имъ умы устремились на тѣ же препятствія, и найдя много уже побѣжденныхъ трудностей, на прочномъ основаніи вознесли храмы, достойные удивленія. То же разумѣть должно и о многихъ другихъ открытіяхъ, въ коихъ воображеніе, по видимому, само блуждая, показало однакожь путь уму и привело человѣка въ святилище истины.

Папк....

ПИСЬМО ИЗЪ УКРАЙНЫ.

Человѣкъ существуетъ для дѣятельности: это его стихія. Онъ всегда ищетъ разнообразія; при каждой перемѣнѣ воображаетъ достигнуть новаго благополучія, и хотя часто ошибается въ расчетахъ своихъ, но всегда почти слѣдуетъ простой пословицѣ: „Тамъ лучше, гдѣ насъ нѣтъ.“ Доставте ему всякаго рода удовольствія и заключите въ тѣсные предѣлы единообразія; онъ увядаетъ, какъ цвѣтокъ, лишенный свѣжаго воздуха.

Теперь, любезный другъ! посмотри на сего же человѣка съ другой стороны. Ты знаешь, какъ пріятны для него предметы, къ которымъ сдѣлалъ онъ привычку, какъ тягостна разлука съ ними и съ какимъ восхищеніемъ онъ воспоминаетъ объ нихъ. Всякой случай, приводящій ему на память что-либо изъ прошедшей жизни, каждое мѣсто, дерево, кустарникъ, ручей, свидѣ-

шели забавъ, занятій и даже огорченій бываютъ драгоцѣннѣйшими для него предметами. Какъ же согласить сіи противоположности и какою чудесною силою они соединены вмѣстѣ? Представляю вопросъ сей на разрѣшеніе Философамъ.

Знаю только то, что я испыталъ подобныя чувствованія въ самомъ себѣ. Приглядѣвшись къ единообразной жизни, смотрѣлъ я на приближающійся отъѣздъ мой, какъ на самый пріятный случай. Приходитъ время—и сердце стѣсняется какимъ-то непонятнымъ чувствомъ; съ горестію оставилъ я любимые предметы и разлучаясь съ друзьями; но нѣтъ я умолчу о разлукѣ сей: ты былъ ея свидѣтелемъ; я боюсь, чтобы злые люди не причли меня къ зараженнымъ сентиментальностію.

Но приступимъ къ самому дѣлу. И такъ ты путешествуешь? спросилъ я самаго себя, садясь въ дорожную повозку. Да, отвѣчалъ я же съ поспѣшностію, но вскорѣ одумался, и узналъ, что заблуждаюсь. Тутъ вниманіе мое обратилось на то, что ѣду по обязанности; слѣдовательно не имѣю права располагать времянемъ; такого права

которое составляетъ необходимость путешественника. Потомъ невольно посмотрѣлъ я вокругъ себя — и увы! замѣтилъ, что у меня не достаетъ важнѣйшей принадлежности для путешественника ..... Наконецъ по очереди обратился къ своимъ познаніямъ; но тутъ не смѣлъ ожидать достаточныхъ принадлежностей для путешественника. Послѣ этого, должно было признаться, что путешествіе мое есть только простая поѣздка; а какъ на Рускомъ языкѣ нѣтъ слова, которое бы совершенно выражало дѣйствующее лицо въ семъ смыслѣ, то я и назвалъ себя путешественникомъ по необходимости. За первымъ вопросомъ непосредственно слѣдовалъ другой: на какой предметъ особенно будешь ты обращать свое вниманіе во время пути? Здѣсь пришло мнѣ на мысль послѣднее наше свиданіе съ ученымъ пріятелемъ N. Онъ представился мнѣ будто на яву, когда со всемъ усиліемъ ума и тѣла доказывалъ намъ трудныя обязанности наблюдателей. Ты помнишь, какъ сверкали глаза его, когда онъ повторялъ намъ нѣсколько разъ, что путешественникъ-наблюдатель,

кромѣ множества наукъ, долженъ знать, какъ самаго себя, всю ученую древность, начиная отъ Юстиніановыхъ Пандектовъ до Апулеева осла. Признаюсь, я смѣялся тогда сему мнѣнію, а теперь вижу, что пріятель нашъ былъ нѣсколько правъ. Разсуждая болѣе, увидѣлъ я, что многіе изъ путешественниковъ сего рода, заразившись духомъ злобы, чернятъ все, что ни попадается имъ на встрѣчу и подобно Виландовой гусеницѣ извлекаютъ изо всего одно только худое. При всей ихъ славѣ и при неизвѣстности моей, я никогда бы не хотѣлъ быть въ одномъ разрядѣ съ ними, и въ этомъ случаѣ держусь правила честнаго Лафатера. „Весьма трудно, говоритъ онъ, написать самое безпристрастное путешествіе, „не выставивъ образцомъ неосторожной не„скромности." Но я уже сказалъ, что главная цѣль поѣздки моей есть исполненіе обязанности; слѣдовательно, если пренебрегши всѣ препятствія буду замѣчать предметы достойные вниманія, то это отъ того, что я, какъ мыслящее твореніе, не могъ во время пути моего быть въ такомъ состояніи, какъ терпѣливой че-

модант мой. И такъ, я вторично путешественникъ — по необходимости!

Я уже проѣхалъ нѣсколько сотенъ верстъ, видѣлъ много деревень, селеній, городовъ, но не стану тебѣ вычислять ихъ; ежели ты любопытенъ, то можешь найти ихъ по порядку на каждой почтовой картѣ Россіи. Да и къ чему могутъ служить одни имена? Какая польза для тебя знать, что такой-то городъ лежитъ при такой рѣкѣ и имѣетъ Гимназію, а такой-то построенъ въ такомъ году и въ окружности его находятся вѣтренныя мельницы; это все видѣть можно изъ землеописанія. Лучше разскажу тебѣ о томъ чувствѣ, которое испыталъ я, оставляя отчизну мою, благословенную Украину. Мы достигли границъ ея, сердце билось у меня сильно; извощикъ, казалось, ѣхалъ слишкомъ скоро и я оглядывался безпрестанно, пока наконецъ густые облака скрыли отъ глазъ моихъ страну родную. Сколько достоинъ уваженія безсмертный Стихотворецъ нашъ, сказавшій: и дымъ отечества сладокъ! Какъ напротивъ презрѣнны въ глазахъ моихъ космополиты, повторяющіе непростительное для каждаго

гражданина выраженіе: ubi bene, ibi patria. Но оставимъ ихъ думать такъ, какъ хотятъ они. Люди всегда были и будутъ людьми, и мнѣ ли давать имъ наставленія? Проѣзжая Украину не могъ я оставить безъ замѣчанія образа жизни и нравовъ ея обитателей. Малороссіянинъ въ необразованномъ состояніи, отъ природы добръ, чистосердеченъ, но много уступаетъ Великороссіянину въ прилежаніи, бодрости и дѣятельности. — Тамъ, гдѣ первый едва находитъ для себя занятіе, послѣдній изъ того доставляетъ себѣ выгоду, состояніе. Между многими сему причинами, важнѣйшая безъ сомнѣнія есть разность климатовъ и земли, на которой сынъ Сѣвера, рожденный въ недостаткѣ, воспитанный въ нуждѣ и возросшій среди утесовъ, работаетъ и долженъ трудиться болѣе, нежели счастливый житель благорастворенннаго климата, о которомъ печется сама природа. Впрочемъ я разумѣю здѣсь одни Сѣверныя страны Великой Россіи: ты знаешь, что нѣкоторыя области ея какъ плодородіемъ земли, такъ и климатовъ нимало не уступятъ Малороссіи. — Разсмотри на пр. жителя Олонецкой или Архангель-

ской Губерніи и сличи его съ землякомъ переведеннымъ изъ тѣхъ же мѣстъ на Екатеринославскія или Херсонскія степи, какое различіе найдешь между ними, со стороны дѣятельности, расторопности и даже образованія? Но мы не долженъ упускать изъ виду, что мое сужденіе относится только до простаго народа и нимало не должно касаться прочихъ состояній.

Къ отличительнымъ свойствамъ Малороссіянъ должно причислить натуральную простоту въ обхожденіи, опрятность въ домашнемъ быту и охоту переселяться, которая осталась у нихъ, вѣроятно, отъ прежнихъ временъ. Народъ сей сколько склоненъ къ веселости, столь же легко переходитъ изъ сего состоянія къ мрачной меланхоліи, — неотъемлемое свойство пылкихъ сангвиниковъ! Малороссіяне любятъ музыку и пѣсни, изъ которыхъ многія имѣютъ печать унынія; въ нихъ прославляютъ они походы, рыцарскіе подвиги, а иногда и несчастія своихъ предковъ. Вообще они склонны къ музыкѣ и стихотворству, но не большіе знатоки въ рукодѣліяхъ. Главный порокъ, въ которомъ упрекаютъ Малороссіянъ

есть лѣность; но при распространеніи между ними поселенія, порокъ сей уменьшается, и, я увѣренъ, когда заглянетъ къ нимъ мать трудолюбія — нужда, то онъ и совершенно истребится.

До сихъ поръ говорилъ я тебѣ вообще о Малороссіянахъ, теперь скажу что нибудь въ особенности объ Украинѣ или Слободско-Украинской губерніи. Будучи еще пустою, незаселенною землею, она отдѣляла Малороссію отъ владѣній Татарскихъ Ордъ. Для преграждения набѣговъ неспокойнаго народа сего, построены въ степяхъ ея крѣпости, а для защиты оныхъ поселены Малороссійскіе козаки слободами, отъ чего вся страна получила названіе Слободской-Украины. Земля губерніи сей состоитъ болѣе изъ плоскихъ и плодородныхъ равнинъ. Особенныхъ кряжей горъ она не имѣетъ, но содержитъ довольно возвышенностей, а особенно по берегамъ рѣкъ, которыя большею частію опушены прекраснымъ чернымъ лѣсомъ. Металлы въ ней по сіе время не открыты, изъ минераловъ же содержитъ она селитру, поваренную и горькую соль и признаки каменнаго уголья. Зна-

чительныхъ фабрикъ губернія сія не имѣетъ, а изъ заводовъ важнѣйшіе въ ней селитроваренные и винокуренные; послѣдніе составляютъ главный промыселъ и занятіе жителей Украины.

Произведенія, которыя она за собственнымъ продовольствіемъ можетъ выпускать въ торговлю: разнаго рода скотъ, хлѣбъ, горячее вино, селитра, сушеные плоды и пр. Значительные въ ней по торговлѣ города: Сумы и Харьковъ, который съ учрежденія Одесскаго порта сдѣлался центромъ транзитнаго торга въ полуденномъ краю и складкою товаровъ, идущихъ отъ помянутой пристани во внутренность Россіи. Но за всѣмъ тѣмъ, мнѣ кажется, что дѣйствительная торговля сей Губерніи не соотвѣтствуетъ богатымъ ея произведеніямъ, и это потому, что она не имѣетъ никакого водянаго сообщенія.

Говоря вообще, Слободско-Украинская губернія составляетъ сколько изобильную, столько и пріятную страну. Обширныя поля, покрытыя разнаго рода хлѣбомъ, лѣса не дремучіе, но довольно пространные и состоящіе большею частію изъ дубовыхъ и дикихъ плодо-

витыхъ деревьевъ, образуютъ въ ней прелестные виды. На каждыхъ десяти верстахъ, путешественникъ находитъ или не большой хуторъ (деревушка), или густую рощу, изъ которой выглядываютъ чистенькіе домики, покрытые соломою. Какія семейственныя картины видѣлъ я, любезный другъ, подъ сими кровлями? Сколько разъ въ восторгѣ говорилъ себѣ: здѣсь-то должно учиться истинной житейской Философіи, а не изъ толстыхъ фоліантовъ! Проѣхавши верстъ тридцать или сорокъ, встрѣтишь не большой городокъ и въ немъ найдешь гостепріимныхъ жителей, изрядное училище, а не рѣдко и городскаго Поэта, котораго муза попеременно занимается, то брачными Эпиталамами, то торжественными Одами на случай рожденія, именинъ, и т. п.; доставляетъ любовницамъ Элегіи, а умершихъ, смотря по наградѣ прославляетъ долгими или краткими Эпитафіями. Однимъ словомъ, Поэтъ сей исправляетъ всѣ должности, которыя въ большихъ городахъ раздѣлены между многими Стихотворцами. — Не имѣя соперниковъ, онъ покойно владѣетъ маленькимъ своимъ Парнасомъ и хотя слава его не перелетаетъ

за городскія стѣны, однакожъ онъ не боится ни рецензіи, ни журналистовъ: живетъ безъ Авторской зависти, и умирая оставляетъ въ наслѣдство даръ стихотворенія любимому своему сыну. Теперь, любезный другъ, я приглашаю тебя посмотрѣть со мною на тѣ сельскія картины, которыя безпрестанно видимъ и которыми безпрестанно любуемся. Смотри, какъ подъ тѣнію дубовой рощи пестрѣютъ стада овецъ, а тамъ на зеленомъ холмѣ стоитъ гордый конь — краса природы; но вотъ — онъ примѣтилъ вдали своего соперника, оставляетъ свѣжую траву и распустивъ по воздуху волнистую гриву, летитъ къ нему по полю; всѣ члены его дрожатъ, глаза пылаютъ огнемъ и пѣнистые токи катятся по жилистому хребту. Взгляни на эту ниву, покрытую зрѣлыми колосьями, подулъ вѣтерокъ и она волнуется, какъ золотое море. А тамъ въ глубокой долинѣ, молодые косцы, одинъ другаго статнѣе, одинъ другаго проворнѣе, — вытянувшись рядомъ, подымаютъ въ ладъ блестящія косы — и сочная трава стелется у ногъ ихъ. Но вотъ! послѣдній лучь

солнца заблестѣлъ на сельской колокольнѣ; все перемѣняется: новыя картины, новыя удовольствія для зрителя. — Прощай, любезный другъ! Въ слѣдующемъ письмѣ надѣюсь тебѣ сказать что нибудь по существеннѣе.

Е. Ковалевскій.

О КАЛЕНДАРЪ ГРЕКОВЪ.

Астрономія или Физика небесныхъ тѣлъ была важнѣйшею наукою древнихъ. Начало ея и успѣхи происшекаюшъ ошъ земледѣлія. Не возможно усовершенсшвовать сего искусшва, не обращая вниманія на небо: все кажешся ушверждаешъ неразрывную связь Астрономіи съ земледѣліемъ у древнихъ народовъ.

Календари ихъ были вмѣстѣ и Астрономическіе и земледѣльческіе. Гдѣ говоришся о сельскихъ рабошахъ, о удобреніи земли, тамъ не забышы и созвѣздія, шѣла небесныя.

Съ другой сшороны самая Религія древнихъ была Астрономическая: Боги были планешы; двѣнадцашь главнѣйшихъ произошли изъ двѣнадцаши изображеній Зодіяка; созвѣздія почишались за полубоговъ, прочіе получили начало свое ошъ подраздѣленій Зодіяка: ихъ подвиги представлены въ Планис-

ферѣ, и даже тамъ видѣнъ *Олтарь*, на коемъ онѝ многократно произносили ужасныя заклинанія. Астрономическая Религія была въ тоже время и земледѣльческою. Календари и языческія празднества древнихъ отличаются сими двумя свойствами. Божество ихъ взято отъ звѣздъ; торжественные обряды принаровлены къ сельскимъ занятіямъ; уставы Религіи относятся къ симъ двумъ предметамъ нераздѣльно.

Когда люди оказали нѣкоторые успѣхи въ Астрономіи и дошли до того, что могли опредѣлить съ точностію круги, чтобы представить воображаемые, кои умственно начертили они на небѣ, тогда уже были инструменты, которые служили дополненіемъ къ простому наблюденію. Когда былъ начертанъ для глазъ ходъ звѣздъ, когда сдѣлано было точное раздѣленіе вымышленнымъ кругамъ сферы; тогда Астрономія получила свое начало.

Однакожъ древніе наблюдатели, разсматривая звѣзды, имѣли понятіе о ихъ нераздѣлимости. Мысль сія была естественна и необходима. Многія созвѣздія, по видимому, были такъ расположены самою природою,

что составляли фигуру. Никому никогда не приходило въ мысль отдѣлить одну изъ звѣздъ *Плеядъ*, или изъ *большой Медвѣдицы*, или изъ *Треугольника*, или изъ *Вѣнца*? — Начертанныя рукою природы, они представляютъ каждому человѣку совершенно определительную фигуру, отъ которой невозможно было ничего отдѣлить.

Народы, занимавшiеся скотоводствомъ, замѣтили таковыя фигуры, и воспользовалися ими въ своихъ странствiяхъ для наблюденiя Востока и опредѣленiя ночнаго времени. Дикiе Канадцы дали нѣкоторымъ созвѣздiямъ имена, и наша *Медвѣдица* есть таже *Медвѣдица* и для нихъ. Наши пастухи имѣютъ Астрономической языкъ имъ собственно принадлежащiй; звѣзды, служащiя имъ для точнаго познанiя полночи и приближенiя дня, имѣютъ у нихъ особенныя имена. Пастушескiе народы, мирные наблюдатели, должны были возводить взоры на небо и тамъ искать примѣтъ, которыя бы имъ служили путеводителями.

Находятся нѣсколько и другихъ причинъ, требующихъ представлять на небѣ фигуры такимъ образомъ а не инымъ. Группы звѣздъ,

расположенныя природою, никогда не были отдѣляемы. Сіе подало мысль привести и прочія подъ нѣкоторыя фигуры, и наконецъ нужда, которая убѣдительнѣе и сильнѣе любопытства, принудила людей исчертить и все небо фигурами. Здѣсь нѣтъ никакихъ догадокъ: фигуры мы видимъ отъ времени отдаленной древности; они служили для указанія Востока, для познанія пути, для опредѣленія сельскихъ работъ. Постоянное и долговременное наблюденіе увѣряетъ, что древніе народы занимались изслѣдованіемъ ихъ и отношенія фигуръ къ именамъ, которыя были имъ даны, доказываютъ, что сіи имена были присвоены имъ съ намѣреніемъ.

Когда расцвѣтало земледѣліе, тогда болѣе прилагали точности, болѣе Философіи въ выборѣ фигуръ, которыя должны имѣть соотношеніе съ сею самонужнѣйшею наукою, болѣе всѣхъ уважаемою, въ то время, когда еще не существовали самопроизвольныя нужды.

Не произвольно *Вѣсамъ*, имѣющимъ двѣ равныя чаши, дано сіе названіе; ибо въ то время года день равенъ ночи и *Раку*, когда солнце, повидимому, идетъ подобно оному,

возвращаясь назадъ; создѣздіе *Козерогъ* (по имени пресмыкающагося живошнаго) находишся на шой шочкѣ, когда солнце восходишъ на самую высошу Еклипшики. *Водолей* выливаешъ свой сосудъ на небѣ, въ шомъ мѣсяцѣ, когда дожди напояюшъ землю; а *Скорпіонъ* жалишъ ядомъ, когда свирѣпсшвуюшъ болѣзни. *Кентавръ*, кошораго сперва изображали получеловѣкомъ и быкомъ, былъ предзнаменованіемъ хлѣбопашесшва. Надобно думашь, чшо и прочіе знаки Зодіяка имѣли шакже видъ и названіе сходсшвенно земледѣлію, пошому чшо земледѣліе было причиною наблюденія оныхъ; слѣдовашельно земледѣльцы были и наблюдашели и живописцы.

Наконецъ все содѣлалось причиною къ созерцанію, и пошому все небо было украшено фигурами.

Греки, получившіе просвѣщеніе съ Восшока, углубились въ Асшрономію. Гимны, приписываемые Гомеру и Орфею, имѣюшъ ошношеніе къ созвѣздіямъ, особеннож къ планешамъ. Всѣ древніе поэмы совершенно Асшрономическія: здѣсь корабль *Арго*, на кошоромъ находишся пяшьдесяшъ два человѣка, пушешесшвуешъ по небу; шамъ *Гер-*

кулесъ идетъ съ Востока на Западъ, поставляетъ два столба у Тропика, одерживаетъ побѣду надъ чудовищами неба; тутъ *Бахусъ* или *осеннее солнце* течетъ къ Востоку, и покоряетъ оный съ собирательницами винограда, которыя не имѣютъ другаго оружія, кромѣ тычинъ (des Echalas); здѣсь *Ѳивы* съ семью вратами, или небесной *Корабль*, который носитъ на себѣ двѣ планеты, окруженныя созвѣздіями.—Городъ *Троя*, осажденной пятидесятью двумя вождями, который окруженъ при поворотѣ *солнца во время лѣта*, и который тогда только можетъ быть взятъ, когда конь извержетъ изъ себя воиновъ. Тѣ изъ стихотворцевъ, которые менѣе пристрастны были къ баснословнымъ сказаніямъ, не могли обойтись безъ Астрономіи. Гезіодъ въ поэмѣ *труды и работы*, всѣ Трагическіе поэмы Грековъ, также Аратій, Аполлоній, Овидій, Виргилій, Манилій, Клавдіянъ говорили языкомъ Астрономіи. Ежели ихъ Религія была Астрономическая, ежели всѣ преданія были таковы, то удивительна ли, что они не могли не допустить изъ понятія въ своихъ сочиненіяхъ.

Чтенiе древнихъ Греческихъ Стихотворцевъ убѣждаетъ насъ, что они, говоря о созвѣздiяхъ, почти всегда представляли ихъ въ одушевленныхъ фигурахъ. Симъ фигурамъ приписывали дѣйствiе, жизнь, теченiе и цѣль, и описывали теченiе и дѣйствiе ихъ какъ настоящее событiе.

Слѣдуя понятiямъ древнихъ не будемъ удивляться, что сiи народы поставляли блуждающiя планеты на колесницахъ. У нихъ планеты должны были проходить разные пути въ Зодiякѣ; созвѣздiя, составленныя изъ неподвижныхъ звѣздъ, текутъ вмѣстѣ со всѣми звѣздами величественнаго неба и не имѣютъ нужды въ сихъ принадлежностяхъ.

Но созвѣздiя также имѣютъ теченiе: *Овенъ*, который идетъ впереди всѣхъ знаковъ Зодiяка, или предъ стадомъ солнца, какъ овенъ предъ нашими паствами, предводительствуется Меркурiемъ, который нѣкогда былъ пастухомъ съ Аполлономъ, коему и посвященъ. Ихъ называютъ: dux gregis, princeps armentis, *предводитель стада*. Древнiе представляли ихъ какъ побѣдителей моря, куда они погружаются, скры-

вались отъ глазъ смертныхъ, и думали, что они выходили торжествующими, когда опять бываютъ видимы, спустя шесть мѣсяцевъ на Востокѣ. Греки воспѣвали Гимны о семъ торжествующемъ овнѣ, который побѣдилъ море и переправился чрезъ Геллеспонтъ; они завидовали счастію Фрикса, котораго златорунной овенъ благополучно перевезъ по морю, оплакивали несчастіе дѣвы, которая погружалась въ воду когда возтекалъ онъ на горизонтъ.

Телецъ слѣдовалъ за *Овномъ*; его астрономическое теченіе есть родъ странствованія и когда онъ исчезаетъ въ лонѣ водъ, то и странствованіе превращается въ морское. Хребетъ его окруженъ облаками и онъ представляется только съ передней части. Древніе не знали какого онъ пола; но говорили, что онъ или быкъ, похитившій Европу, или телица Іоа, которая преплываетъ море, чтобъ также достичь Европы, оба будучи жертвою ненависти Юнониной.

Звѣзды *Близнецы* расположены такимъ образомъ, что когда одна возходитъ, другая скрывается. *Близнецы* называются *Касторъ* и *Полуксъ*; они происходятъ отъ Юпите-

ра и бывают по перемѣнно то въ аду, то на небѣ.

А какъ созвѣздія при возхожденіи и захожденіи, представляются глазамъ какъ бы выходящими изъ моря и туда же погружающимися, то въ фигуральномъ слогѣ говорится: что утекаютъ и погружаются въ морѣ, какъ о нѣкоемъ странствованіи или какъ о случаѣ, который ихъ туда низвергаетъ. Почти нѣтъ ни одного изъ созвѣздій о которомъ не упоминалося бы что нибудь сему подобное. Однакожъ изъ сего надобно изключить звѣзды ближайшія къ Полюсу, которыя обращаясь около своей оси, никогда не погружаются въ нѣдро Ѳетиды.

Въ такомъ же смыслѣ принимаются созвѣздія, которыя скрываются въ морѣ и переходятъ въ другую Гемисферу; ибо, по мнѣнію древнихъ, они низходятъ въ тартаръ—жилище мрачнаго Плутона или зимняго солнца.

Сей фигуральной языкъ придалъ много прелести астрономическимъ истинамъ, когда еще во зло его не употребляли, и никто еще онаго не презиралъ. *Каллисто,* или прекраснѣйшая, никогда не погружается въ море, и ея блистательная колесница всегда

на горизонтѣ, употребленіе коей запрещено ей отъ Ѳетиды, или, лучше сказать, отъ Юноны, которая ревновала ее къ Юпитеру, получивъ сію милость отъ Нептуна, а по мнѣнію другихъ, отъ Діаны или Луны, которая купаясь съ своими подругами, не удостоена Калистою быть вмѣстѣ въ ваннѣ, за что богиня сія начала ее преслѣдовать.

Слѣдствіемъ сего слога, повсюду принаровленнаго ко всѣмъ предметамъ, было то, что минута, когда фигура выходитъ изъ моря, дабы возтечь на горизонтъ, стала — минутою рожденія, а минута, когда она изчезала отъ взоровъ — минутою смерти. Гигантическіе герои, коихъ странствованія и подвиги восхищаютъ наше воображеніе, должны въ свою очередь также погибнуть, слѣдуя законамъ природы. Они сходили, подобно прочимъ смертнымъ, въ мрачной тартаръ, но вышли изъ сего ужаснаго жилища, и потомъ въ память ихъ мужества, присоединены къ числу звѣздъ. Животныя неба были порабощены сему же закону. Когда Фриксій увелъ овна въ Колхиду, онъ принесъ его въ жертву Юпитеру; сокрытый отъ взоровъ телецъ былъ

умерщвленъ Геркулесомъ; Левъ претерпѣлъ ту же участь; ужасная Гидра пронзена стрѣлами, а Кентавръ принесенъ въ жертву справедливому мщенію Алкида. —

Фигуры, которыя исчезали при появленіи другихъ, были умерщвлены иногда оными. Оріонъ погружался въ тартаръ въ то время, когда хвостъ Скорпіона поднимался; онъ уязвленъ въ пяту симъ опаснымъ животнымъ и умеръ отъ раны.

Часто близость созвѣздій и отношеніе, которое они имѣли между собою, снабжали матеріялами Физическую Исторію, гдѣ вообраҗеніе все передѣлывало по своему; но оно украсивъ истину не преобразовало ее. Согласное соединеніе созвѣздій, которыя одно, послѣ другаго появляются и всегда находятся вмѣстѣ въ отличныхъ видахъ, и которыя мало по малу наконецъ исчезаютъ— сіи фигуры имѣютъ между собою связь родства и коихъ цѣпь произшествій также соединяетъ. Ихъ рожденіе всегда небесное, подвиги всегда героическіе и кровавые, ихъ трагической конецъ жестокъ; исторія ихъ наполнена чудесами. —

Наконецъ сіи созвѣздія въ природѣ ничто иное, какъ собраніе звѣздъ, но въ смыслѣ фигуральномъ онѣ были олицетворенныя существа. Геній древнихъ зналъ совершенно сіи отношенія; они любили лучше говорить о существахъ, нежели о звѣздахъ, но они говорили о ихъ отношеніяхъ какъ о дѣйствительныхъ превращеніяхъ. Цикній былъ превращенъ въ лебедя, Периклименъ въ орла, Ареасъ и Калисто его мать въ медвѣдицу.

Въ другомъ превращеніи звѣзды, которыя мы видимъ на небѣ, жили уже на землѣ: въ память нѣкоторыхъ славныхъ подвиговъ, Юпитеръ превратилъ ихъ въ звѣзды. Конь Пегасъ, сынъ Медузы былъ подъ Беллерофономъ, когда онъ сражался съ Химерою, которую теперь видимъ между звѣздъ, подъ названіемъ *Козы*. Млеко сей козы и до сихъ поръ течетъ по небу; имъ былъ воскормленъ Юпитеръ. Аріонъ, или маленькой конь, предшествуемый созвѣздіемъ, называемымъ музыкантомъ спасеннымъ Дельфиномъ. Дельфинъ представляется съ лирою въ звѣздномъ небѣ; Гидра заразила Лернское болото; кабанъ опусто-

шилъ землю Еримантпа; лань обращалась нѣкогда около горы Менала.

Таковъ былъ древній языкъ первыхъ народовъ, которые превратили всю Физику въ картины.

Л. Рихтеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОЛЬЗА ПРОСВѢЩЕНІЯ (*).

Священны дщери Мнемозины,
Вы, коихъ свѣтлый, кроткій, взглядъ
Сквозь мрачны бури злой судьбины
Вливаетъ въ сердце лучь отрадъ!
Устройте духъ мой къ пѣснопѣнью:
Хвалу хочу пѣть просвѣщенью,
Которымъ смертный жизнь позналъ.
Сей день мы въ память посвятили
Когда вы насъ соединили:
Въ сей день вашъ даръ достоинъ хвалъ.

О просвѣщенье, даръ небесный,
Источникъ Божескихъ лучей!

(*) Стихи сіи читаны въ Собраніи Общества 28 Іюля, въ день открытія засѣданій во вновь нанятомъ симъ сословіемъ домѣ.

Что былъ бы въ мірѣ родъ словесный
Безъ сильной помощи твоей?
Я зрю во мглѣ временъ начальныхъ
Плоды невѣжества печальны,
Отъ коихъ страждетъ человѣкъ.
Онъ чуждъ всего, звѣроподобенъ,
Онъ наслаждаться неспособенъ,
Влача въ ничтожествѣ свой вѣкъ.

Природа прелестьми обильна
Для грубыхъ чувствъ его мертва;
Она плѣнить его не сильна,
Хоть въ чудесахъ всегда нова.
Его жилище—дики степи,
Лѣса, пустыни и вертепы;
Услада жизни — сонъ и тьма;
Покровъ и пища — дань звѣрина;
Любовь — лишь чувственность едина;
Кругъ тѣсный духа и ума!

Кто можетъ мнѣ теперь представить
Въ подобной дикости народъ,
Который могъ бы намъ оставить
Дѣяній повѣсть въ поздній родъ?
Гдѣ зримъ ихъ слѣдъ существованья,
Достойный нашего вниманья?
Гдѣ памятники ихъ ума?
Сыны невѣжества — родъ мертвой —
Содѣлались забвенья жертвой;
Ихъ времени пожрала тьма.

Но въ семъ природы запустѣньи
О Музы! лучь вашъ возсіялъ
И благотворно просвѣщенье
Онъ міру дикому послалъ.
Зародышъ склонностей природныхъ
Развился въ сердцѣ земнородныхъ;
Умъ свергъ плѣненіе свое;
Свѣтъ разливался постепенный,
И человѣкъ возобновленный
Позналь прямое бытіе.

Онъ вкругъ себя бросаетъ взгляды
На всѣ предметы естества:
Зритъ въ Вышнемъ Промыслѣ отрады,
Въ себѣ — способность первенства.
Находитъ въ мысляхъ сильны средства
Противу глада, нуждъ и бѣдства,
Находитъ къ ближнему любовь;
Въ немъ искра божества открылась;
Вселенная предъ нимъ явилась
Какъ нѣкій блещущій покровъ.

Промчался вѣкъ его желѣзный:
Онъ жаждетъ бѣдъ своихъ конца.
Познанья днямъ его полезны
Стираютъ потъ съ его лица.
Уже земля неплодотворна
Его усиліямъ покорна
Даньнь платитъ щедрою рукой:
Сады обилуютъ плодами,

Луга пестрѣются цвѣтами,
Его жилище — рай земной.

О слабый смертный, сколь ты много
Обязанъ дѣйствію наукъ!
Войди въ себя и вникни строго:
Кто усладитель общихъ мукъ?
Вотще въ надмѣнности великой
Ты мнишь вселенной быть владыкой
По первородству своему.
Ты властью сей обязанъ сильной
Одной способности обильной,
Труду, терпѣнью и уму.

Умомъ, сей искрою небесной,
Ты покорилъ себѣ весь міръ.
Весь кругъ творенія чудесной:
Огнь, землю, воду и эфиръ.
Сей даръ открылъ тебѣ искуство
Возвысить нравственное чувство
Въ тотъ край, гдѣ духъ съ началомъ слитъ;
Усилилъ къ горнему полету;
Вознесъ къ невидимому свѣту,
Гдѣ ликъ Всесильнаго блеститъ.

Твой взоръ отъ міра устремленной
Сквозь чародѣйственно стекло
Найдя въ пылинкѣ видъ вселенной,
Простерся въ звѣздное чело.

Тамъ новы солнцы открываешь,
Чертежъ и ходъ ихъ измѣряешь,
А здѣсь низходишь ты въ Рифей;
Утробу проницаешь ада.
Велишь — и движется громада,
Махины сыплютъ дождь огней.

Столѣтни дубы съ горъ на море
Летятъ по гласу твоему.
Нептунъ изъ бездны въ тщетномъ спорѣ
Дивится смертнаго уму:
Ты въ новый свѣтъ, богатый златомъ,
Несешься въ зданіи крылатомъ.
Звѣзда туда его ведетъ.
Пусть дуютъ вѣтры разъяренны,
Они въ твоихъ вѣтрилахъ плѣнны.
Твой умъ пристанище найдетъ.

Твой умъ открылъ себѣ возходы
По безднамъ моря, быстрыхъ рѣкъ,
Гдѣ груды скалъ ложатся въ своды,
Межь коихъ зрится водный бѣгъ.
Ты сдвинулъ воды Океана;
Гдѣ ревъ былъ слышанъ урагана,
Тамъ царства новыя цвѣтутъ;
Гдѣ непроходны были блаты,
Тамъ безпримѣрный, градъ богатый
Петра Великаго есть трудъ.

Но что? сколь дивный видъ являетъ
Еще твой духъ моимъ очамъ.
Законъ на время налагаетъ
И точный ходъ его стопамъ.
Искуствомъ въ тѣло превращенно
Оно послушно, непремѣнно
Во всемъ теченіи своемъ.
Коль чудный плодъ сего закона!
Я слышу хоры Вокансона;
Все восторгается при немъ.

О чадо Бога — Просвѣщенье!
Льзяль всѣ дары твои воспѣть?
Ты въ самыхъ мертвыхъ льешь движенье,
Почти готовы жизнь имѣть.
Ты древни тайны намъ открыло,
Что время въ тьмѣ своей таило;
Безстрашна жизнь для насъ и смерть.
Насъ побѣдить она не въ силахъ:
Пусть тлѣетъ бренный прахъ въ могилахъ;
Но умъ на вѣчность распростертъ!

Какъ? умъ нашъ! Фаросъ безполезной
Когда онъ сущности лишенъ;
Когда онъ Вѣрою небесной
Въ своихъ путяхъ не подкрѣпленъ.
Коль ты къ себѣ въ любви единой
Покрывшись блещущей личиной
Благотворительныхъ наукъ,
Къ вдовицамъ, къ сирымъ, къ утѣсненнымъ

Не движимъ ревніемъ священнымъ
Для услажденія ихъ мукъ!

Что значатъ всѣ твои дѣянья?
Что былобъ общество людей?
Искуства, дивныя познанья,
Одно разстройство ихъ связей.
О извергъ Тартара — коварство!
Какой народъ, какое царство
Не испытало твой ударъ?
Сколь часто въ ризѣ просвѣщенья
Твои ехидны измѣненья
Чернили Божеской сей даръ.

Да будетъ чуждо нашей славѣ
Сіе страшилище земли!
При Александровой Державѣ
Державы Вѣрой мы спасли.
Она небеснымъ превосходствомъ
Да будетъ нашимъ руководствомъ;
А благость Царская — нашъ щитъ!
Сіи едины два свѣтила
Дадутъ намъ къ цѣли быстры крыла,
Потомство насъ благословитъ.

А — ко.

ПИГМАЛІОНЪ.

Ѳиміамъ торжественно курится,
Сонмъ жрецовъ протяжно Гимнъ поетъ;
Весь народъ по стогнамъ въ храмъ стремится
И Киприд҄ѣ въ даръ цвѣты несетъ;
Дѣвы, съ умащенными власами,
На челахъ со свѣжими вѣнками,
Призываютъ, предъ олтарь представъ,
Божество утѣхъ, забавъ.

Роскошь дышетъ межъ деревъ вѣтвистыхъ;
Гдѣ, вдали отъ шума, суеты,
Подъ концертомъ птичекъ голосистыхъ
Счастливыхъ любящихся четы
Сладостно томятся сердцемъ, таютъ,
Руки и уста соединяютъ,
Нову жизнь изъ милыхъ взоровъ пьютъ
И въ восторгѣ слезы льютъ.

Но одинъ въ безмолвіи глубокомъ,
Сильно важной думой возмущёнъ
И на все взирая мрачнымъ окомъ,
Въ сторонѣ стоитъ Пигмаліонъ.

Или ты, о юноша несчастной!
Не возмогъ любви вдохнуть прекрасной
И любезной дѣвѣ? Или ты
Мертвъ уже для красоты?

Ахъ! онъ видѣлъ дѣвъ въ него влюбленныхъ,
Часто нѣжны взоры ихъ встрѣчалъ,
И въ волненьи чувствъ неизреченныхъ
Самъ себя не рѣдко забывалъ. —
Тщетно все! врагъ мнимаго блаженства,
Вознесясь до вѣчна совершенства,
Онъ творитъ въ душѣ своей обѣтъ
Убѣгать мірскихъ суетъ.

Свѣтъ его ничтожный непрельщаетъ!
Вѣренъ чувству истины святой,
Смертныхъ онъ Сиренъ пренебрегаетъ
И плѣненъ—неплѣнной красотой.
Мотылекъ надъ розою кружится,
Но орелъ — пернатыхъ царь — стремится,
Сводъ небесъ проникнувъ, ближе зрѣть
Феба ликъ — и умереть.

Такъ и онъ, душею воскриленный,
Надъ Олимпомъ мыслію паритъ;
Озирая сонмъ богинь священный,
Изо всѣхъ одну боготворитъ.
Въ глубинѣ души благоговѣя,
И чистѣйшей страстью пламенѣя,

Хочетъ пасть къ стопамъ ея... но ахъ!
Свѣтъ померкъ въ его очахъ....

Призракъ скрылся! — юноша унылый
Снова взоръ возводитъ къ небесамъ:
„Только искру творческія силы!
„Да могу дать видъ своимъ мечтамъ.
„Или я живу для заблужденій?
„Иль на вѣчно усыпленъ мой Геній?
„Вѣчно, вѣчно долженъ я страдать,
„И за что? увы! не знать?

„Гдѣ ты, гдѣ, предметъ моихъ желаній?
„О богиня сердца моего!
„Тамъ ли, гдѣ, среди благоуханій,
„Роскошь ждетъ любимца своего:
„Подъ златымъ шатромъ его встрѣчаетъ
„И, обнявъ, улыбкой приглашаетъ
„Дань любви принесть ея устамъ?—
„Нѣтъ, Богиня! ты не тамъ!

„Цитерея! Анадіомена!
„Ты, которая надъ лономъ водъ
„Вознеслась, когда сребриста пѣна
„Превратилась въ сонмъ твоихъ красотъ:
„Зри, какъ я въ священномъ изступленьи
„Тѣнь твою, въ восторгѣ, въ упоеньи,
„Созерцаю, и въ душѣ моей
„Покланяюсь только ей.

„Еслибъ взору смертныхъ ты явилась
„Таковой, какъ зритъ Олимпъ тебя,
„Вся бы ихъ природа измѣнилась,
„И они — исчезли бы любя.
„Но даруй, о Божество благое!
„Да твое подобіе живое
„Обрѣту въ одной изъ юныхъ женъ —
„И отдамся ей во плѣнъ."

Такъ Киприду втайнѣ умоляя,
Ждетъ отвѣта — и отвѣта нѣтъ.
Горьки, горки слезы проливая,
Блѣденъ, слабъ, въ обратный путь идетъ.
Ободрись! умъ, мыслями обильный,
Есть твой другъ, твой кровъ, твой Геній сильный;
Не отринь, что скажетъ онъ — и ты
Оживишь свои мечты.

Нѣкій гласъ, въ печали утѣшитель,
Симъ совѣтомъ духъ его крѣпитъ:
И нашъ путникъ вдругъ въ свою обитель,
Ободрясь, скорѣй придти спѣшитъ;
Всѣ душевны силы напрягаетъ,
Тотъ счастливый мигъ воображаетъ,
Какъ красотъ Венеры нѣжный цвѣтъ
Въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ.

Не творецъ ли статуи чудесной (*)
Самъ ему свой Геній сообщилъ?

*) *Дедалъ*, изваявшій статую, которая ходила

Съ помощью фантазіи небесной
Жизнь вливать и въ камень научилъ?
Чтобъ рѣзецъ, рукой его водимый,
Произвелъ дѣла непостижимы
И художникъ, полный божества,
Былъ поборникъ естества.

Какъ изъ персти древле первыхъ смертныхъ
Хитрый Промеѳей образовалъ,
Такъ самихъ Пигмаліонъ безсмертныхъ
Смѣло и искустно изваялъ.
Грознаго величія лишенны,
Представляли ликъ они почтенный,
Тихой, скромной важностью своей
Иль Героевъ, иль Царей.

Но едва къ незримому влеченье
Возмутило дней его покой;
Тайное въ груди благоговѣнье
Предъ непостижимою мечтой
Геній въ немъ творящій усыпило:
Помрачился умъ — души свѣтило —
Выпалъ изъ руки его рѣзецъ
И трудамъ насталъ конецъ.

А теперь, когда онъ созерцаетъ
Не мечту безвѣстной красоты,
Нѣтъ! себѣ Богиню представляетъ,
Ту, которой нѣжныя черты,

Радость, восхищенье всей природы,
Прежде всѣхъ увидѣли народы,
Жившіе въ прекраснѣйшихъ садахъ
На Карійскихъ берегахъ. —

О! теперь, вступая съ новымъ рвеньемъ
Въ свой досель забытый Пантеонъ,
Зритъ съ неизреченнымъ изумленьемъ
Предъ собой Олимпъ Пигмаліонъ,
Кажется: Амврозіей питаясь,
(Такъ онъ мнитъ восторгу предаваясь)
Боги всѣ сокроются сей часъ
Отъ его смущенныхъ глазъ.

На челѣ Зевеса самодержца
Безпредѣльна власть его блеститъ;
Строгій взоръ супруги громовержца
Всѣ сердца какъ молніей разитъ;
Гордый видъ воинственной Паллады
Говоритъ: „не ожидай пощады!"
Вакхъ веселый, вѣчнoюный богъ
Скучну важность пренебрёгъ.

Аполлонъ, держа златую лиру
И съ вѣнкомъ лавровымъ на челѣ,
Возвѣщаетъ изумленну міру
О вѣкахъ Сатурна на землѣ;
Съ милою улыбкой Діонея,
Поясомъ всѣхъ прелестей владѣя,

Услаждаетъ жизнь рабовъ своихъ
Воцаривъ любовь межъ нихъ.

И уснувшій Геній пробудился!
Часъ творенья новаго насталъ!
И художникъ въ думу углубился,
И опять рѣзецъ забытый взялъ.
Млечнобѣлый мраморъ избираетъ,
Смѣлою рукою пробѣгаетъ
По его поверхности—и зритъ:
Мраморъ принялъ жизни видъ.

Жаръ усиля прежняго старанья
Онъ не медлитъ довершить свой трудъ;
Полный на Киприду упованья
Ей готовъ предать себя на судъ:
И рѣзецъ, водимый вѣрнымъ чувствомъ,
Съ безпримѣрнымъ творческимъ искусствомъ
Сообщаетъ статуѣ черты
Олимпійской красоты.

Пораженъ, безмолвенъ, восхищенный,
Предъ собой художникъ чудо зритъ,
И уже, фантазіей прельщенный,
Къ статуѣ любовію горитъ.
Но увы! когда уста прекрасны
Возвратятъ ему лобзанья страстны,
Коими, въ восторгѣ каждый мигъ,
Осыпать онъ ихъ привыкъ?

Взоръ однажды свой низведши долу
И любуясь властію своей,
Внемлетъ возходящія къ престолу
Отъ земли моленія людей
Божество любви небесной, вѣчной (*),
И восхитясь нѣжностью сердечной
Юнаго художника, речетъ:
„Мраморъ сей да оживетъ!"

И онъ дышитъ!—заблистали взоры,
Разцвѣли ланиты и уста,
(Какъ цвѣтутъ онѣ у милой Флоры.)
„Боги! Боги! это не мечта!
„О восторгъ! о чувствъ моихъ блаженство!
„Я обрѣлъ земное совершенство;
„О любовь! какъ сладокъ твой законъ!"
Произнесъ Пигмаліонъ.

Произнесъ—и смѣлою рукою
Обнялъ станъ красавицы младой.
На глазахъ съ дрожащею слезою,
Скромный взглядъ потупя въ землю свой,
Къ милому прелестная прижалась;
На вопросъ любви въ любви призналась—
И ихъ души (нѣжность! торжествуй!)
Слились вмѣстѣ—въ поцѣлуй.

В. Бриммеръ.

(*) Венера Уранія.

КЪ СОЛОВЬЮ ВЪ КЛѢТКѢ.

Меркнетъ день, лазурь темнѣетъ,
Погасаетъ блескъ небесъ,
Въ шумномъ мірѣ все нѣмѣетъ,
Дремлетъ тихо синій лѣсъ;
Всталъ и мѣсяцъ за горою . . . .
Ахъ, бывало сей порою,
Милой сынъ весеннихъ дней,
Подъ черемхою душистой,
Гдѣ ручей журчитъ сребристой,
Здѣсь пѣвалъ ты соловей! —

Сколько разъ меня, бывало,
Сколько разъ друзей моихъ,
Сладкогласье восхищало
Пѣсней радостныхъ твоихъ?
Замолкали всѣ пернаты
Вмигъ, коль ярки перекаты,
Трескъ, урчанье по зарямъ,
Пѣсни звонкія, игривы,
Свисты, стоны, переливы,
Растекались по кустамъ! . . .

Ахъ, давноль прелестна Хлоя
Восхищалася тобой?
Въ часъ прохлады, въ часъ покоя,
Переставъ, на мигъ, рабой
Быть законовъ скучныхъ свѣта,
Безъ затѣй легко одѣта
Безъ толпы рабынь, рабовъ
Шла гостить одна — къ природѣ,
И внимать какъ на свободѣ,
Громко славишь ты любовь. —

Ты гремѣлъ — почто же, милой!
Вдругъ замолкъ? и скученъ сталъ?
Дикой свой пріютъ унылой
Ты на клѣтку промѣнялъ?
Клѣтка пышная, богата
Будто храмъ или палата,
Раззолочена она! —
Тутъ хрусталь съ водою чистой,
Кормъ, песокъ съ травой душистой,
Свѣтъ чуть брезжетъ изъ окна.

Чѣмъ же другъ мой недоволенъ?
Отъ чего тебѣ грустить? . . . .
Ахъ! — кричишь ты, — я неволенъ,
И могуль веселымъ быть? —
Я въ родномъ кусту на вѣткѣ
Ночь насквозь пѣвалъ; но въ клѣткѣ
Съ горя чуть могу дышать . . . .
Всякъ поетъ въ счастливой долѣ:

Счастье въ волѣ, — гробъ въ неволѣ:
Нѣтъ, не пѣть мнѣ, — умирать!

Такъ, священная природа!
Твой законъ и сердца гласъ
Намъ вѣщаютъ, что свобода
Есть вторая жизнь для насъ!
Скромной жребій въ мирной долѣ
Предпочтя златой неволѣ,
Подружусь я съ простотой. —
Пусть сердца, пусть души низки,
Къ пресмыканью, къ рабству близки
Обольщаются мечтой . . . . .

Пусть тираны строютъ ковы,
И златятъ цѣпей свинецъ,
И пріемлютъ ихъ оковы
Рабъ безгласной, низкой льстецъ. —
Поруганье пья, какъ воду;
Даръ небесъ — свою свободу —
Предаютъ за дымъ они!
И лобзая тяжки длани
Платятъ вѣкъ покорства дани
И влачатъ безъ жизни дни!

Пусть земные полубоги,
Въ нѣдрахъ славы и честей
Громоздя себѣ чертоги,
Будутъ въ нихъ рабы страстей!
Для чего мнѣ домъ огромной?

Дайте мнѣ шалашъ укромной
Изъ соломы и вѣтвей:
Дайте *дружбу* и *свободу*,
Стану пѣть, хвалить природу,
Какъ на волѣ соловей!

Ѳ. Глинка.

ЭЛЕГІЯ.

Промчались дни мои счастливы,
И въ мірѣ я одинъ съ разстерзанной душой;
Зачемъ судьбы несправедливы,
Душевный мой нарушили покой!....

Незнавъ любви, я ей смѣялся,
Счастливѣй всѣхъ себя считалъ,
Мечтой пріятной утѣшался,
И мукъ любви не понималъ:
Смотрѣлъ спокойно на прекрасныхъ,
Любовныхъ не боялся стрѣлъ,
Не замѣчалъ я взглядовъ страстныхъ
И отвѣчать имъ не умѣлъ.
Но Лору милую лишь взоры повстрѣчали,
Я вдругъ позналъ любовь;
Глаза мои огнемъ безвѣстнымъ запылали
И закипѣла въ жилахъ кровь!
Любилъ, надежды не имѣя,
Вздыхалъ и мучилъ лишь себя,
Огнемъ чистѣйшимъ пламенѣя,
Не смѣлъ сказать: люблю тебя!

Не смѣлъ, и время пролетало,
А я лишь взоры потуплялъ,
Смотрѣлъ на милую и сердце трепетало,
Но наконецъ я счастливъ сталъ!
Узналъ, что страсть моя пріятна,
Узналъ, что нѣжно я любимъ,
О власть любови непонятна!
Исчезли горести какъ дымъ.....
Но мало счастьемъ насладились,
Дни ясные навѣкъ затмились;
Увялъ блаженства ранній цвѣтъ!
Судьба велѣла намъ разстаться:
Могу ли ей повиноваться,
Могуль я жить, когда со мною Лоры нѣтъ?....

Разстался съ милой — все свершилось!
Въ странѣ чужой я долженъ жить;
Блеснуло счастье и сокрылось,
Отрада мнѣ лишь слезы лить
Молить боговъ о счастьи милой
Въ разлукѣ кончить вѣкъ унылой.

С. де Шаплетъ.

Динабургъ.

ДИТЯ и ПТИЧКА.

Басня.

Пѣвица пѣночка, летая въ чистомъ полѣ
Вдругъ видитъ садъ.... „Мнѣ въ немъ хотѣлось
быть давно!“ —
Порхъ, порхъ — и вотъ ужъ тамъ.... Въ садъ
отперто окно:
Она къ окну, въ окно — и, ахъ! въ неволѣ!
Боярское дитя
Въ летунью пташечку то тѣмъ, то семъ швы-
ряетъ:
Разъ мимо!.... Вотъ ушибъ, и за крыло схватя
Бѣдняжку тормошитъ, тоскаетъ. —
„Ну, птичка! говоритъ: ну взвѣйся, ну, запой;
А птичка глазки вверхъ, дрожа, вѣкъ кончитъ
свой.
То видя, чувствуетъ дитя въ душѣ мученье
И въ слезы и въ тоску, а няня — поученье:
„Тебѣ бы пташечку легонько изловить,
„Ее беречь, за ней ходить,
„Ее кормить, ее поить;
„А птичка стала бы и въ зимніе морозы

„Весь домъ нашъ пѣсенкой весенней веселитъ.
„Теперь ужь не помогутъ слезы
„Всему виною самъ:
„Ахъ, снявши голову, не плачь по волосамъ!“—

О басенка моя! туда, туда, къ вельможѣ,
Чтобъ счастіемъ сіе испорченно дитя,
Тебя хошь не взначай прочтя,
Что съ бѣдной птичкою, съ людьмибъ не дѣлалъ тоже.

Ѳ. Глинка.

КЪ ЦВѢТАМЪ

при наступленіи Осени.

Романсъ (*).

Цвѣты, одно мнѣ утѣшенье,
Одна отрада въ грустный часъ:
Мое послѣднее имѣнье,
И первое богатство въ васъ!

* * *

Цвѣты—друзья! благоухайте!
И вы, роскошны вѣтерки,
Покой, и нѣгу навѣвайте
На сердце полное тоски!

* * *

Давноль усердною рукою
Гостей налетныхъ я кормилъ?
И самъ хранитель ихъ покою,
И самъ ихъ другъ и сторожъ былъ?

* * *

Ихъ нѣтъ?... здѣсь гнѣзда совивали
Неблагодарные друзья!

(*) Музыка сего Романса приложена въ концѣ сей книжки.

Здѣсь въ первый разъ любовь узнали—
И здѣсв отъ нихъ покинутъ я!

* * *

Какъ сладко мнѣ надежды пѣли,
И въ душу съ ласкою вились!
Но всѣ, какъ птички, улетѣли,
Обѣты счастья не сбылись!

* * *

Давноль долины оживляла
Младою жизнію Весна?
И роща сладостно шептала,
И ей внимала тишина?..

* * *

Но Осень быстро темны тучи
На сводъ небесный навела,
И буря зыблетъ лѣсъ дремучій,
И обложила поле мгла.

* * *

Во мнѣ невольно видъ природы
Унылы чувства пробудилъ:
Гдѣ вы, мои *младые годы*?
Я васъ, какъ въ море уронилъ!

* * *

Ручей! тебѣ не течь къ истоку,
Мнѣ не увидѣть прежнихъ лѣтъ!
Плыву по быстрому потоку,
И смерть на встрѣчу мнѣ плыветъ.

* * *

Мнѣ опытъ все сказалъ, что въ тѣсномъ
Сей жизни кругѣ, можно знать.

Теперь пора въ краю безвѣстномъ
Путь новыхъ опытовъ начать.

* * *

Не знаю, есть ли тамъ страданье!
Могила тайну объяснитъ....
Все вянетъ....Въ рощахъ завыванье,
И міръ въ сѣдыхъ туманахъ спитъ.

* * *

Но вы, цвѣты благоухайте!
И вы, роскошны вѣтерки,
Покой и нѣгу навѣвайте
На сердце полное тоски!

Ѳ. Глинка.

СМѢСЬ.

О КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

Со времени основанія въ Польскихъ областяхъ учебныхъ заведеній разными духовными Римско-Католическими Орденами, съ половины XV и въ теченіи XVI столѣтія, свѣтъ наукъ распространился и въ дальнѣйшія мѣста, до самаго Кіева, гдѣ до того времени, кромѣ ученія церковной грамоты, письму и ермолойному пѣнію, ничему больше въ школахъ церковныхъ не обучали. — Въ Печерской Лаврѣ было въ большемъ употребленіи ученіе сего рода, и то только для людей готовящихся въ монахи. — Въ приходскихъ церковныхъ школахъ Кіево-Подола, которая часть города составляла тогда важнѣйшее мѣсто Кіева, обучались дѣти и духовнаго и свѣтскаго состоянія. Изъ числа такихъ школъ значительнѣйшая принадлежала Богоявленскому приходу. По случаю несчастныхъ обстоятельствъ, когда церковь сія была истреблена

пожаромъ, и приходъ ея размѣщенъ къ другимъ церквамъ, жители ревнуя къ памяти мѣста сего, вознамѣрились испросить на оное благословенія, у Константинопольскаго Патріарха *Іереміи*, который, возвращаясь (въ 1588 году) изъ Россіи, былъ въ Кіевѣ. Сей Патріархъ, снисходя на прошеніе жителей, и для памяти своего посѣщенія, заложилъ Богоявленскую деревянную церковь, подъ названіемъ *Патріаршей Ставропигіи* и при ней школу для обученія дѣтей церковному уставу и письму, и всему опредѣлено быть на иждивеніи тѣхъ жителей, которыхъ дѣти пожелаютъ пользоваться ученіемъ. — Такимъ образомъ положено основаніе сему училищу, первому въ нашемъ Отечествѣ.

Введеніе Уніятскаго исповѣданія въ Польскихъ областяхъ споспѣшествовало скорѣйшему устройству сего заведенія. Многіе, не только свѣтскаго состоянія люди, но духовные и частію монахи присоединились къ новому исповѣданію; почему и пользовались свободою обучаться въ Польскихъ училищахъ, между тѣмъ какъ православные не сдѣлали никакого успѣха въ своемъ ученіи. Потомъ и они также начали прилагать стараніе въ пользу просвѣщенія. Жительствовавшая въ Кіевѣ *вдова Мозырскаго Маршала дочь Гулевича Анна* (Галшка), будучи воспитана въ Грекороссійскомъ законѣ, завѣщала въ 1613 году жилой домъ свой, со всею

принадлежащею къ ней усадьбою, возлѣ оной Богоявленской церкви, для заведенія и распространенія учреждаемаго при оной монастыря Ордена благочестивыхъ монаховъ Базиліянъ (Св. Василія) и въ пользу благочестиваго Христіанства въ воеводствахъ Кіевскомъ, Волынскомъ и Браславскомъ остававшихся. Ибо большая часть Дворянства приняла тогда Католическое исповѣданіе, а низшаго состоянія жители присоединены къ Уніи.

По желанію завѣщательницы построена при Монастырѣ школа для обученія дѣтей дворянскаго и мещанскаго званія. Сіе новое заведеніе поручено тогда же было въ смотрѣніе первому Игумену *Исаіи Купинскому*, дворянскому обществу и нѣкоторымъ благотворителямъ, которые, составивъ собою *Братство*, дали отъ себя залоги, обеспечившіе содержаніе училища и монастырь Богоявленскій съ его школою получилъ названіе *Братскаго* по примѣру другихъ подобныхъ бывшихъ въ Польшѣ благотворительныхъ заведеній. Съ того времени началось въ семъ мѣстѣ ученіе Еллинскаго, Латинскаго и Славянскаго языковъ по правиламъ Грамматическимъ.

Въ тожъ время заведено въ Кіево-Подолѣ Езуитами особое ихъ училище съ церковію Римско-Католическаго исповѣданія, единственно ко вреду сего Кіевобратскаго, какъ о томъ бывшій

Митрополитъ Петръ Могила въ своихъ записяхъ объясняетъ; ибо жителей онаго исповѣданія почти не было въ городѣ, а только нѣкоторые молодые люди по своевольству къ нимъ приставали; почему сіе училище въ 1649 году по силѣ Зборовскаго трактата, было упразднено. Спустя шесть лѣтъ послѣ основанія Братскаго училища, при возвратномъ проѣздѣ изъ Россіи чрезъ городъ Кіевъ, нѣкоторый Іерусалимскій Патріархъ, *Θеофанъ*, посѣтивъ сіе мѣсто, нашелъ его въ надлежащемъ порядкѣ; двѣ церкви, Богоявленскую монастырскую и Благовѣщенскую училищную, совершенно отстроенныя, и новую выгодную для странствующаго духовенства гостинницу.

Видя въ ономъ частыя собранія и расположенія къ пользѣ учащихся и распространенію благочестія служащія, Патріархъ побудилъ, чтобы въ ученіи, кромѣ юношества, участвовали и молодые монахи, и уволилъ сей *Ставропигіальный* монастырь грамотою своею отъ зависимости Епархіальнаго Архіерея. Сей Патріархъ, въ угодность православныхъ сего Рускаго края, посвятилъ въ 1621 году въ Митрополиты нѣкотораго священника Кіевскаго *Іова Борецкаго*, вмѣсто *Михаила Рогозы*, принявшаго на Брестскомъ соборѣ Правила Уніятскія. Прочіе, посвященные имъ тогда же, православные Епископы для другихъ Епархій, не могли за преслѣ-

денiемъ противной стороны, оныхъ достигнули, и жили уединенно въ нѣкоторыхъ Кiевскихъ монастыряхъ. Его же старанiемъ составилось на опредѣленномъ положенiи общество изъ духовнаго и свѣтскаго состоянiя именитыхъ особъ, которыя, записавъ свои имена въ нарочный списокъ, *), составили изъ себя *Братство* Богоявленiй Господнихъ, споспѣшествовавшее старанiями и вкладами своими къ усовершенствованiю сего училища. — Уже съ давнихъ лѣтъ (около 30) Украинскiе козаки, избирая свободно Запорожскихъ Гетмановъ, покушались защищать свои права, владѣнiя и Вѣру, и тѣмъ безпокоили Польское Правительство междоусобною войною съ неравнымъ для себя успѣхомъ. Но въ сiе время, когда Турки продолжая противъ Польши войну съ величайшимъ усилiемъ, успѣли овладѣть всею Подолiею и крѣпостью Каменецкою, козаки съ большимъ рвенiемъ и силою защищались. Воевода Кiевскiй *Томашъ Зимосскiй*, не предвидя у Кiевлянъ усердiя къ бывшему Правительству, ввелъ Польскiя войска въ городъ, которыя не только усмирили жителей, но ограбили всѣ богоугодныя заведенiя; Кiевобратское Училище и обѣ Церкви онаго были совсемъ разорены. По возстановленiи спокойствiя Малороссiйскiй Гет-

---

(*) Въ 1795 году онъ хранился еще при Академiи.

манъ *Петръ Конашевичь Сагайдачный* въ 1623 году, изъ усердія къ правосудію и воспитанникамъ лишеннымъ несчастными обстоятельствами своихъ упражненій, принялъ попеченіе, съ помощію нѣкоторыхъ доброхотовъ, возстановить монастырь, а паче его училище: соорудилъ обширнѣе прежней, новую Богоявленскую Церковь (*); завѣщалъ на содержаніе большую часть своего имѣнія; а наконецъ и самъ, въ семъ любимомъ училищѣ благочестія былъ погребенъ.

Сынъ Молдавскаго Князя *Петръ Могила* былъ самый ревностнѣйшій тогдашняго времени по благочестіи поборникъ, усовершившій знанія свои ученіемъ въ Львовской Академіи. Онъ, по избраніи его въ званіе Кіево-Печерскаго Архимандрита, вознамѣрился было открыть особое училище при Лаврѣ, въ Больницкомъ монастырѣ, выписавъ для того въ 1631 году изъ Львова учителей Грекороссійскаго исповѣданія.

Но вскорѣ по прошенію Кіево-братскаго училищнаго Общества и предложенію Гетмана *Іоанна Петрижицкаго* въ исходѣ тогоже года присоединилъ новое свое заведеніе къ Кіево-братскому на Подолѣ, какъ выгоднѣйшемъ для онаго мѣстѣ, и отписалъ на содержаніе онаго большую часть своего недвижимаго имѣнія. При семъ

(*) Не извѣстно только, каменную или деревянную.

*

принялъ названіе опекуна, смотрителя и старшаго брата Братскаго Училища, которое онъ съ помощію выборныхъ отъ Дворянства приводилъ къ лучшему устроенію, и долгое время называлось училище сіе: *Коллегіумъ Кіево-могилянскій*. Кромѣ прежнихъ языковъ прибавилъ еще ученіе Риторики, Философіи и Богословія на Латинскомъ языкѣ; установилъ по тогдашнему примѣру иностранныхъ, *ученыя Диспуты* въ Богословскихъ и Философскихъ предмѣтахъ, которые и продолжались всегда до послѣдняго въ 1817 году преобразованія Кіевской Академіи въ Семинарію. Въ прочемъ, какъ на заведеніе сіе, такъ и на уступленныя имъ въ пользу Училища имѣнія, испросилъ отъ Короля и Республики подтвердительную грамоту.—До его времени были школы деревянныя, но онъ построилъ въ два яруса каменное зданіе: въ нижнемъ жильѣ была церковь и классъ для монашествующихъ; а верхнее назначено для обученія юношества; въ послѣднемъ нынѣ помѣщаются Академическая библіотека, по переводѣ училища въ новопостроенную Академію.

Въ послѣднемъ году царствованія Короля Сигизмунда III (1632), — которое памятно потерею Лифляндіи, по опустошенію Турками Подоліи и по Козацкимъ бунтамъ на избирательномъ Варшавскомъ сеймѣ между прочимъ опредѣлено, чтобы кромѣ Уніятскаго

позволить Русскому народу въ Польшѣ имѣть другаго Православнаго Кіевскаго Митрополита. Владиславу IV много одолженъ Малороссійскій народъ вразсужденіи его правдутія и снисходительности.

Предшедшія несчастія Республики научили Правленіе принять благоразумнѣйшія и умѣреннѣйшія средства; почему и стараясь Владиславъ возвратить довѣренность къ себѣ раздраженнаго народа Грекороссійскаго исповѣданія и въ угодность его повелѣлъ посвятить на Кіевскую Митрополію *Петра Могилу*, который и посвященъ былъ во Львовѣ благочестивыми Архіереями съ титломъ Кіевскаго и Галицкаго и Экзарха Константинопольскаго Престола, и утвержденъ въ семъ Патріаршей грамотою. Сему Митрополиту по Королевскому же повелѣнію возвращенъ былъ отъ Уніатовъ Кіево-Софійскій Соборъ и разные Монастыри, также дано позволеніе на возстановленіе древнихъ Церквей Десятинной и Спаской; но при всемъ томъ онъ имѣлъ всегдашнее жительство въ Лаврѣ. Главнѣйшее его занятіе и попеченіе было о братскомъ училищѣ, которое онъ довелъ до такого состоянія, что оно сравнилось съ высшими Польскими Училищами, а прочія такъ превзошло своимъ порядкомъ, правилами и успѣхами, что нерѣдко студенты изъ оныхъ приходили

для дальнѣйшаго своего усовершенствованія въ Кіевской Коллегіумъ. Наконецъ сей великій мужъ, заслужившій ученостію, проницательностію, трудолюбіемъ и добродѣтелями первое между Кіевскими Архіереями до него бывшими мѣсто, по смерти своей погребенъ въ Кіево-Печерской Церквѣ. Академія, въ знакъ своей признательности, торжественно *отправляла* по немъ, въ навечеріи каждаго новаго года *вѣчную память*, какъ въ день его преставленія. Послѣдовавшіе Петру Могилѣ Митрополиты не имѣли столько твердости, чтобы поддерживать сіе училище во время бурныхъ политическихъ обстоятельствъ. Славный Гетманъ *Богданъ Хмельницкій* (котораго заслуги Церкви и Отечеству всегда пребудутъ незабвенны) вездѣ успѣшно продолжалъ воинскіе свои предпріятія противъ враговъ. Его присутствіе всѣхъ воспламеняло мщеніемъ, и было душею угнѣтеннаго народа. При всемъ томъ Кіевъ какъ главное мѣсто, будучи попеременно занимаемъ противными партіями, находился въ безпокойномъ, разорительномъ состояніи, а въ 1657 году войсками Князя Радзивила Кіево-Подолъ совершенно выжженъ, по причинѣ упорнаго сопротивленія нѣкоторой части козаковъ; однако, Кіево-Братское Училище и Монастырь остались въ цѣлости. — По благополучномъ присоединеніи Малороссіи и Города Кіева къ Россійской

Державѣ, въ 1654 году, пожалована 7168 года Высочайшая Грамота на устроеніе Братскаго Монастыря и его школъ, потерпѣвшихъ разореніе во время бывшихъ неустроиствъ и въ подтвержденіе прежнихъ Королевскихъ привиллегій (*) на права и владѣніе недвижимымъ имѣніемъ; ибо выгоды Монастыря и Училища всегда были нераздѣльны.

Опять возникшія въ Малороссіи безпокойства, послѣ Богдана Хмельницкаго, отъ непостоянства и измѣнъ Гетмановъ, были причиною неоднократнаго разоренія Кіева, который въ 1660 году совершенно опустошенъ былъ козаками Гетмана *Виговскаго*. Въ томъ же году молодой Гетманъ *Юрій* Хмельницкій издалъ универсалъ на нѣкоторыя права и владѣнія въ пользу сего Монастыря; за всѣмъ тѣмъ по причинѣ опасностей отъ непріятеля и опустошеній, большая часть жителей оставили Кіево-Подолъ, который отчасти населяемъ былъ вѣрными козаками; но уже ни братскаго Монастыря, ни его школъ не существовало: въ теченіи десяти лѣтъ настоящаго Митрополита Кіевскаго небыло; а вмѣсто онаго опредѣлялись разные Администраторы Епископы или Игумены, управлявшіе Паствою. Слѣдовательно некому было бы ходатайствовать о семъ заведеніи. Въ 1670 го-

(*) Грамоты Королевскія отъ 1629, 1640 и 1650 годовъ.

ду Король *Михаилъ Вишневецкій*, возобновлявшій свое право на Кіевъ, далъ привилегію Ректору Братскаго Монастыря *Варлааму Ясинскому*, чтобы возстановить училища.

При всемъ томъ еще въ 1673 году упоминается, что небыло тогда ни церквей Братскаго монастыря, ни школъ его. Варлаамъ Ясинскій, бывшій потомъ Архимандритомъ въ Лаврѣ, много споспѣшествовалъ къ возстановленію Братской церкви и училища. Но болѣе потомъ могъ содѣйствовать когда посвященъ былъ Митрополитомъ Кіева въ 1687 году. Стараніемъ его доведено училище до того, что въ 1694 году Государь Петръ I. въ Грамотѣ своей, называя его *Академіею*, предоставилъ обученіе въ оной единственно православнаго исповѣданія юношеству, и опредѣлилъ Ректору и учителямъ какъ денежное, такъ и хлѣбное жалованье. Между тѣмъ Малороссійскій Гетманъ, очернившій потомъ свою славу измѣною, *Иванъ Мазепа*, положилъ основаніе въ Братскомъ Монастырѣ 1693 года теперешней каменной Богоявленской церкви и каменнымъ школамъ, которыя нынѣ составляютъ нижній этажъ въ Академическомъ зданіи. Вся постройка и все церковное украшеніе производимы были его иждивеніемъ; а сверхъ того письменно завѣщалъ Училищному Монастырю сему нѣ-

которыя недвижимости; а прежнія подтвердилъ Универсаломъ, за то вездѣ, на окошкахъ, Олтаряхъ, Иконостасныхъ томбахъ и колоколахъ, долго видны были гербы его любочестія. Въ 1701 году по представленію Митрополита, вторично грамотою подтверждены Академіи всѣ права и независимость ея отъ Гражданскаго Начальства. Около 1732 года Митрополитъ *Рафаилъ Заборовскій* прибавилъ въ Академіи обученіе Еврейскаго, Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, а къ строенію ея верхній етажъ съ Галлерееею Тосканской Исполинской колонады и въ ономъ конгрегаціонную (congregatio) церковь Благовѣщенія Пресвят. Богородицы. Послѣ того до дней Митрополита *Самуила* никакого прибавленія въ Академіи не было кромѣ повременнаго умноженія книгохранилища, которое въ 1780 году все было пожаромъ истреблено, и къ сожалѣнію многія хранимыя въ немъ древнѣйшіе манускрипты погибли.

По завѣщанію разныхъ именитыхъ питомцовъ Академіи, библіотека сія послѣ еще большимъ числомъ книгъ снабжена: но погибшихъ древностей возвратить неможно. Что было въ Академіи отличнаго въ разсужденіи наукъ, порядка и нравственности; все то старанію Преосвященнаго Самуила приписать должно. Онъ въ 1784 году завелъ обученіе Рос-

сійской Словесности, Математики, Исторіи, Географіи, языку Польскому и Рисованью, и благоразуміемъ своимъ побуждалъ учащихся къ преуспѣванію въ сихъ предметахъ. До его времени придерживались древнему способу ученія на Латинскомъ языкѣ, и въ семъ состояла вся словесность; но онъ раскрылъ сокровища языка отечественнаго заставивъ студентовъ сочинять и произносить рѣчи въ публичномъ собраніи. Изъстари въ обычаи было: ежегодно избирать въ Академіи нѣкоторыхъ чиновниковъ изъ студентовъ подъ именемъ Префектовъ старшаго и младшаго (majoris et minoris congregationis) и нѣсколькихъ ассистентовъ, для торжественныхъ обрядовъ: заведеніе современное учрежденію прежняго братства, которое тогда было оставлено. Нѣкоторые церемоніальные ходы и другіе мѣлкіе школьные обычаи, принятые отъ Польскихъ училищъ, склонявшіе учениковъ къ разсѣянности или тяготившіе ихъ способности выведены изъ употребленія. Однимъ словомъ, онъ первый ниспровергнулъ древній схоластизмъ, предложивъ способы благороднѣйшихъ и общеполезнѣйшихъ упражненій. — Въ послѣдствіи времени прибавлена была къ наукамъ часть Медицины; а Митрополитъ Гавріилъ II завелъ было духовную и инструментальную *музыку*; болѣе же, къ успѣхамъ наукъ, кромѣ умножаемой библіотеки, класса выс-

шаго краснорѣчія и заведенія Институтнаго класса для Кандидатовъ присылаемыхъ изъ другихъ Семинарій, ничего небыло прибавляемо.

Въ прочемъ, личная ревность нѣкоторыхъ учителей еще поддерживала честь прежнихъ заведеній.

Ученіе въ Академіи производится въ осьми (*) классахъ; изъ коихъ шесть расположены въ нижнемъ етажѣ, гдѣ обучали Грамматикѣ, Поэзіи и Риторики; а въ двухъ верхнихъ Философіи и Богословіи, всѣ на Латинскомъ языкѣ. Прочія вышеупомянутыя науки и языки почитаются екстраординарными предметами.

Главный предметъ ученія состоялъ въ сочиненіи проповѣдей, въ исправномъ отправленіи Диспутовъ; съ недавняго времени начали заниматься исправленіемъ Россійскаго языка въ сочиненіяхъ: а весьма многіе успѣваютъ въ Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ и для того занимаются чтеніемъ лучшихъ сочинителей и переводами. Сперва въ чтеніи Грамматическомъ употребляли Альварь; потомъ нѣсколько лѣтъ читали Піарскую Грамматику, какъ наконецъ въ 1780 году ввели Г. Бантышъ-Каменскаго; Бургіевой Латинской Риторики и Бау-

*) За упраздненіемъ самаго низшаго, фары въ 1770 году осталось семь.

мейстеровой Философіи обучались постоянно; Богословія до введенія изданной Ректоромъ *Ириніемъ*, была въ употребленіи *Феофана Прокоповича*.

Впрочемъ должно отдать справедливость древности сего Лицея, извѣстнаго и въ Иностранныхъ земляхъ; когда люди страны сей единственное въ немъ находили средство въ образованіи своихъ способностей; когда за рѣдкостію учебныхъ заведеній, Кіевъ чрезъ двѣстѣ лѣтъ славился уже науками и питомцы Академіи нерѣдко отличаемы бывали самыми Монархами. Петръ Великій, посѣтивши Кіевъ послѣ Полтавской побѣды, осчастливилъ Академію своимъ посѣщеніемъ, и изъ сказываннаго къ нему слова Ректоромъ Феофаномъ Прокоповичемъ, примѣтивъ ученость и остроту ума, возвысилъ его на вышшую степень Россійскаго Духовенства. Академія сія, воздоившая въ нѣдрахъ своихъ млекомъ Христіанскаго просвѣщеія многихъ, какъ духовныхъ такъ и свѣтскаго состоянія мужей съ пользою и славою служившихъ отечеству, по справедливости почитается матеріею всѣхъ въ Россіи духовныхъ Училищъ. Семинарія Могилевская, Черниговская, Переяславская да и самая Академія Московская отъ нея воспріяли свое начало; ея методомъ руководствовались, и не рѣдко отъ нея лучшихъ учите-

лей заимствовали. Наконецъ въ способѣ ученія и училищныхъ порядкахъ, всѣ по времени Семинарскія Училища, однѣ другимъ подражая, томуже основанію послѣдовали. Семинаріи окружныхъ Епархій, присылавшія сюда своихъ питомцевъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, имѣютъ Учителей знаніями своими ей одолженныхъ. Московскій Университетъ и Медицинская Академія ея питомцами пользовались, изъ нихъ не только выходили Профессоры, но многіе усовершенствовавъ себя въ прочихъ знаніяхъ, достигли способностями своими высшихъ должностей въ Государствѣ. Въ ней воспитывались дѣти не только духовнаго, но всякаго состоянія. До открытія и усовершенствованія Московскаго Университета всѣ дѣти знатнѣйшихъ Малороссійскихъ фамилій, *отличныхъ* составляли ея питомцовъ. Съ послѣдней половины истекшаго столѣтія Академія Кіевская въ правилахъ и способѣ ученія, всегда неизмѣнная должна была уступить во всемъ обширности наукъ, новому методу, новымъ пользамъ, скорымъ успѣхамъ, и всему изящному во всѣхъ родахъ знаній, распространившихся въ нашемъ Отечествѣ. Вѣкъ миновалъ, и науки въ другомъ видѣ явились; надобно древнія обычаи исправить, дабы древнюю славу поддержать и украсить ея новыми преимуществами. Для сего предмета Академія переименована 1817 го-

въ *Семинарію*; дабы повремени изъ пониженнаго сего званія опять воздвигнуть *новообразованную* въ полномъ блескѣ и обширности. Двенадцать сосѣдственныхъ Епархіальныхъ Семинарій приписаны къ ея округу. —

Первоначальное содержаніе сего Училища происходило изъ вкладовъ разныхъ благотворителей: Гетманъ Конашевичь, Митрополитъ П. Могила первые отписали въ пользу его недвижимыя помѣстья, которыя потомъ весьма умножены были отъ Гетмановъ, двухъ Хмельницкихъ, Самойловича и Мазепы. Изъ Кіевскихъ Митрополитовъ ни одинъ неоставилъ сего Училища безъ значительнаго приношенія, чему споспѣшествовали и другіе, бывшіе питомцами онаго, Архіереи и разные свѣтскіе особы. Многіе изъ нихъ принесли пользу и построеніями. Первое штатное жалованье опредѣлено было Академіи Государемъ Петромъ I. — Сумма штатная по времени была прибавляема, особливоже въ царствованіе Императрицы Екатерины II. и отъ щедротъ благополучно царствующаго благословеннаго Александра I. При всемъ томъ обучавшіеся состояли на собственномъ иждивеніи. Для бѣдныхъ и пришельцевъ Архіепископомъ Варлаамомъ Винитовичемъ около 1729 года построенъ обширный сиротскій домъ; называемый *Бурса*, и потомъ въ 1775 году сдѣланъ каменный Митр. *Гавріиломъ*, который

первый внесъ въ Банкъ 50.000 руб. для содержанія бѣдныхъ воспитанниковъ. Прчіе неимущіе до того времени жили въ приходскихъ церковныхъ школахъ и питались отъ милости и добродушія Кіевскихъ жителей, у которыхъ они испрашивали подаяніе вечѣрнимъ пѣніемъ у воротъ или другимъ пристойнымъ образомъ. Но съ умноженіемъ отъ благотворительныхъ пожертвованій процентной суммы, такой обычай прекратился; за тѣмъ питомцовъ на пищѣ, а частію и на одеяніи содержалось иногда до 360 человѣкъ. Впрочемъ число учащихся всякаго званія, до послѣдняго обстоятельства простиралось до 900. Села и недвижимыя имѣнія монастырскія съ 1787 года поступили въ Государственную Економію, и братскій училищный монастырь, по упраздненію Малороссійскаго монастыря Гамалеевскаго въ 1799 году, возстановленъ въ штатѣ второкласнаго. Вмѣсто Игуменовъ съ 1732 года учреждены Архимандриты, которые всегда были и Ректорами Академіи; Префектъ и прочіе Учители были Монахи, и только около 1760 года вошло въ обыкновеніе, принимать въ сословіе свѣтскихъ Учителей. Современи утвержденія штатовъ, Академія Кіевская приходила въ лучшее состояніе, и питомцы ея выходили съ обширнѣйшими свѣдѣніями Правда, что успѣхи Латинскаго языка уменьшались, Греческаго также, а

Еврейскаго всегда были неизвѣстны: но за то во всѣхъ родахъ Россійской Словесности болѣе и болѣе успѣвали; языки Французскій и Нѣмецкій сдѣлались гораздо извѣстнѣе и употребительнѣе; другіе Екстраординарные предметы также служили къ большему образованію способностей. Должно надѣяться что мѣсто сіе, откуда началось и разлилось просвѣщеніе въ нашемъ Отечествѣ (*); со времени новаго образованія Академіи, явитъ новыя доказательства важнѣйшихъ услугъ, какихъ только можетъ ожидать Христова церковь и признательное Отечество.

М. Берлинскій.

---

*) Такъ написано въ Грамотѣ Высочайше жалованной для Кіевской Гимназіи и утвержденной въ 1811 году Октября 13 дня.

БЮСТЪ ЖРИЦЫ АЦТЕКОВЪ.

Въ концѣ живописнаго Атласа, изданнаго Г. Гумбольдтомъ, приложено изображеніе бюста Жрицы—драгоцѣннаго остатка Ацтекскаго ваянія. Сей бюстъ сдѣланъ изъ лучшаго чернаго базальта и хранится въ Мексикѣ у любителя и покровителя искуствъ Капитана Дюпре, который съ самаго юношества своего началъ прилѣжать въ Италіи къ симъ изящнымъ художествамъ и совершалъ неоднакратныя путешествія по Новой Испаніи, въ намѣреніи получить подробное свѣденіе о всѣхъ Мексиканскихъ памятникахъ. Съ великимъ тщаніемъ снялъ онъ реліефъ, находящійся на пирамидѣ Папаитлы, о коей со временемъ доставитъ онъ сочиненіе, достойное вниманія и уваженія.

Бюстъ представленъ въ естественную величину съ обѣихъ сторонъ и заслуживаетъ примѣчанія своимъ головнымъ уборомъ, который имѣетъ большое сходство съ покрываломъ или калантикою Изисы, Сфинкса, Антинуссы и мно-

гихъ другихъ Египетскихъ статуй. Но надобно замѣтить, что у покрывала Египетскихъ статуй два висящіе за ушами конца весьма малы и сдѣланы на нихъ складки поперегъ. На многихъ статуяхъ Аписа, находящихся въ Капитолинскомъ музеумѣ, передніе концы головнаго убора въ складкахъ, а задніе у шеи висятъ просто и не такъ какъ у Мексиканскихъ статуй. Волосы опущены кудрями по обѣимъ сторонамъ головы, подобно какъ у статуи Изисы, изваянной Греками и находящейся въ Римѣ въ Библіотекѣ Вилла Лудовика.

Рядъ жемчуга украшаетъ чело Ацтекской жрицы. На Египетскихъ статуяхъ никогда сего не видали. Жемчугъ означаетъ союзъ города Теночтитлана древней Мексики и береговъ Калифорнійскихъ, гдѣ онъ во множествѣ ловился. Шея покрыта косынкою, на коей висятъ расположенныя довольно хорошо двадцать двѣ гремушки. Сіи гремушки равно какъ и уборъ волосъ видны на многихъ Мексиканскихъ статуяхъ, барельефахъ и гіероглифическихъ изображеніяхъ. Онѣ напоминаютъ о маленькихъ яблокахъ и гранатахъ, прицѣпленныхъ къ платью первосвященниковъ Іудейскихъ.

На передней части бюста, въ половину дециметра выше базы, примѣтны по обѣимъ сторонамъ пальцы, напротивъ того нѣтъ вовсе рукъ; что означаетъ младенчество искуства.

Съ зади, кажется, что фигура сія представлена сидящею или стоящею на пятахъ. Гумбольдтъ далъ ей названіе Жрицы. Впрочемъ весьма можетъ быть, что она изображаетъ нѣкое Мексиканское божество и находилась первоначально въ числѣ Пенатовъ. Мнѣніе сіе подтверждается какъ головнымъ уборомъ, такъ и жемчугомъ, находящимися на найденномъ въ развалинахъ Тецкуко идолѣ, который привезенъ Гумбольдтомъ въ Берлинскій кабинетъ Его Величества Короля Прускаго. Украшеніе шеи и головы удостовѣряетъ болѣе, что бюстъ сей представляетъ Ацтекскую женщину. Если полагать сіе мнѣніе достовѣрнымъ, то это не локоны висятъ по сторонамъ шеи; ибо первосвященникъ или Тепантеокуатцинъ обрѣзывалъ волосы дѣвамъ, когда посвящались онѣ служенію въ храмѣ.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

1.

Общество, по истеченіи полугодичнаго времени, открыло первое засѣданіе свое 28 прошедшаго Іюля во вновь нанятомъ домѣ. Въ 6 часовъ по полудни собрались Гг. Члены, и въ присутствіи ихъ Г. Почетный Членъ Протоіерей Казанскаго Собора и кавалеръ І. І. Бердинскій совершилъ молебствіе съ водоосвященіемъ. По принесеніи теплаго моленія Подателю всѣхъ благъ Господу Богу, отъ лица коего, какъ изъ неизчерпаемаго источника, изливается истинный свѣтъ разума, озаряющій темные пути жизни, Г. Предсѣдатель Ѳ. Н. Глинка открылъ засѣданіе краткою рѣчью, изложивъ въ оной пользу, проистекающую отъ учрежденія ученыхъ и благотворительныхъ Обществъ, которыхъ правила и цѣль основаны на Христіанскихъ истинахъ и добродѣтеляхъ. — За симъ читаны были Г. Секретаремъ сего сословія А. А. Никитинымъ журналъ предшествовавшаго засѣданія, а потомъ нѣкоторыми Гг. Членами произведенія ихъ въ стихахъ и прозѣ.

2.

Къ истинному прискорбію Членовъ, Общество лишилось одного изъ Попечителей своихъ, Г. Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, Министра внутреннихъ дѣлъ и кавалера Осипа Петровича Козодавлева, ознаменовавшаго себя какъ на служеніи Отечеству, такъ и на поприщѣ Наукъ славою, отличеннаго вниманіемъ Монарха и признательностію всѣхъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ. Осипъ Петровичь скончался 24 Іюля.—По поводу сему одинъ изъ Членовъ произнесъ краткую, рѣчь, въ которой, отдавая должную справедливость достоинствамъ покойнаго, умственнымъ взоромъ прошелъ потому пути, по которому сей незабвенный Гражданинъ— Вельможа неутомимо стремился.

3.

Общество долгомъ считаетъ изъявить совершенную и справедливую благодарность свою Гг. Членамъ: Почетному Его Высокопреосвященству Евгенію Архіепископу Псковскому и Курляндскому и Дѣйствительному Его Сіятельству Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову: первому, за доставленіе собственноручнаго письма извѣстнаго ученостію и краснорѣчіемъ Архіепископа Ѳеофана Прокоповича, а послѣднему, за пожертвованіе 800 экземпляровъ литографическихъ онаго оттисковъ, которые приложены будутъ къ слѣдующей VIII книжкѣ сего Журнала.

4.

Чтобы по возможности сдѣлать извѣстнѣе имена Членовъ для таковыхъ же пребывающихъ въ разныхъ городахъ, Общество Журналомъ въ засѣданіи 16 Іюня постановило: списокъ всѣхъ Членовъ, составленный по старшинству ихъ вступленія припечатать въ книжкѣ трудовъ своихъ. — Нынѣ Общество имѣетъ трехъ Попечителей: Его Сіятельство Г. Тайнаго Совѣтника Министра Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Князя Александра Николаевича Голицына, Его Сіятельство Г. Генерала отъ Инфантеріи и Управляющаго Министерствомъ Полиціи Графа Сергія Козмича Вязмитинова и Его Высокопревосходительство Г. Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева — и состоитъ изъ 29 Дѣйствительныхъ Членовъ, 48 Почетныхъ, 14 Членовъ - Сотрудниковъ и 22 Членовъ - Корреспондентовъ.

Дѣйствительные Члены.

Александръ Дмитріевичь Боровковъ.
Андрей Афанасьевичь Никитинъ.
Ефимъ Петровичь Люценко.
Иванъ Дмитріевичь Боровковъ.
Иванъ Ильичь Ильинъ.
Андрей Крестьяновичь Дуропъ.
Александръ Крестьяновичь Дуропъ.
Петръ Ивановичь Кеппенъ.
Михайло Михайловичь Сонинъ.

Дмитрій Іоакимовичь Вороновъ.
Николай Ивановичь Розенмейеръ.
Карлъ Ивановичь Кеппенъ.
Иванъ Андреевичь Парижскій.
Евграфъ Петровичь Ковалевскій.
Владиміръ Карловичь Бриммеръ.
Графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ.
Василій Михайловичь Федоровъ.
Сергій Алексѣевичь Тучковъ.
Графъ Сергій Петровичь Салтыковъ.
Иванъ Алексѣевичь Кокошкинъ.
Өедоръ Григорьевичь Шидлефель.
Өедоръ Николаевичь Глинка.
Александръ Ефимовичь Измайловъ.
Николай Ивановичь Гречь.
Александръ Абрамовичь Крыловъ.
Авксентій Павловичь Гевличь.
Иванъ Николаевичь Лобойковъ.
Өедоръ Өедоровичь Папковичь.
Яковъ Осиповичь Пожарскій.

Почетные Члены.

Тимофей Никитичь Крикуновскій.
Алексѣй Алексѣевичь Жеребцовъ.
Максимъ Яковлевичь фонъ Фокъ.
Лаврентій Ивановичь Панснеръ.
Михайло Николаевичь Сушковъ.
Андрей Михайловичь Теряевъ.
Анна Алексѣевна Волкова.

Павелъ Петровичь Свиньинъ.
Николай Максимовичь Яновскій.
Бернгардъ Осиповичь Рейтъ.
Иванъ Ивановичь Ястребцовъ.
Гаврило Андреевичь Сарычовъ.
Павелъ Павловичь Пезаровіусъ.
Іоанъ Іоанновичь Бедринскій.
Иванъ Ивановичь Мартыновъ.
Ѳедоръ Павловичь Аделунгъ.
Антонъ Антоновичь Прокоповичь-Антонскій.
Александръ Гавриловичь Волковъ.
Иванъ Осиповичь Тимковскій.
Князь Иванъ Михайловичь Долгорукій.
Василій Михайловичь Поповъ.
Баронъ Борисъ Ивановичь фонъ Фитингофъ.
Петръ Сергѣевичь Кайсаровъ.
Александръ Семеновичь Шишковъ.
Николай Мартемьяновичь Сипягинъ.
Дмитрій Александровичь Кавелинъ.
Логинъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ.
Александръ Ивановичь Тургеневъ.
Егоръ Борисовичь Фуксъ.
Князь Николай Григорьевичь Репнинъ-Волконскій.
Василій Михайловичь Головнинъ.
Алексѣй Петровичь Ермоловъ.
Иванъ Андреевичь Крыловъ.
Василій Андреевичь Жуковскій.
Константинъ Николаевичь Батюшковъ.
Михайло Михайловичь Сперанскій.

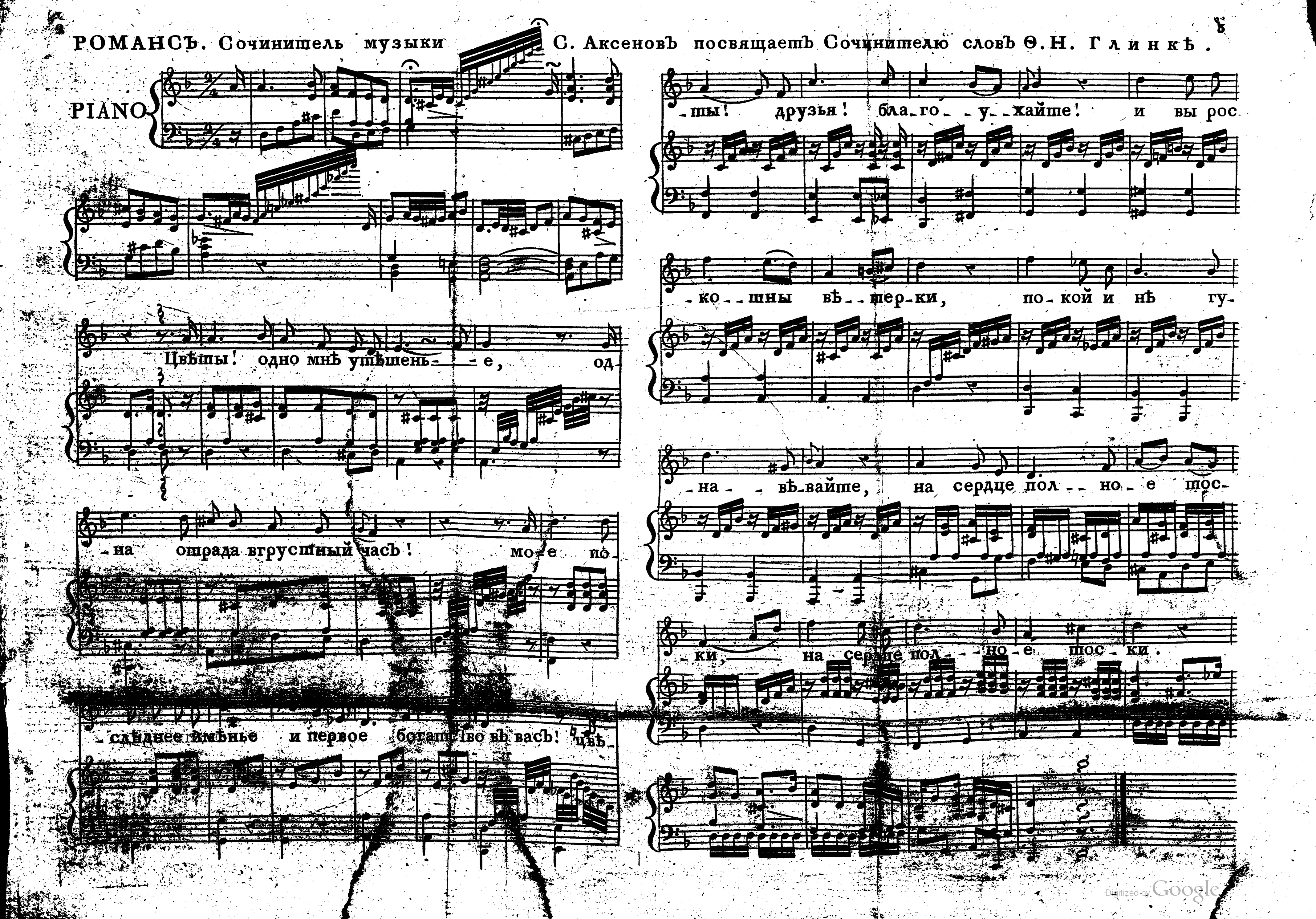
Михайло Леонтьевичъ Магницкій.
Николай Назарьевичъ Муравьевъ.
Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ.
Графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой.
Графъ Александръ Ѳедоровичъ Ланжеронъ.
Александръ Львовичъ Нарышкинъ.
Александръ Семеновичъ Хвостовъ.
Графъ Сергій Михайловичъ Каменскій.
Графъ Михайло Андреевичъ Милорадовичъ.
Преосвященный Евгеній, Архіепископъ Псковскій и Курляндскій.
Самуилъ Линде.
Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Члены-Сотрудники.

Иванъ Ѳедоровичъ Григоровскій.
Ѳедоръ Ѳедоровичъ Даниловъ.
Карлъ Антоновичъ Эттеръ.
Алексѣй Дмитріевичъ Жилинъ.
Константинъ Карловичъ фонъ Гольценъ.
Семенъ Прокофьевичъ Власовъ.
Александръ Ѳедоровичъ Рихтеръ.
Иванъ Ивановичъ Висковатовъ.
Симонъ Львовичъ Вульфъ.
Семенъ Николаевичъ Аксеновъ.
Василій Сергѣевичъ Алферьевъ.
Иванъ Кондратьевичъ Аничковъ.
Порфирій Николаевичъ Лобойковъ.
Орестъ Михайловичъ Сомовъ.

Члены-Корреспонденты.

Тимофей Ивановичъ Седивановъ — въ *Харьковѣ.*
Петръ Сергѣевичъ Кондыревъ — въ *Казани.*
Ѳедоръ Ивановичъ Германъ — въ *Оренбургѣ.*
Адольфъ Лудвиговичъ Якобъ — въ *Галлѣ.*
Дмитрій Степановичъ Меньшенинъ — въ *С. Петербургѣ.*
Алексѣй Григорьевичъ Евстафьевъ — въ *Бостонѣ, что въ Сѣверн. Америкѣ.*
Иванъ Матвѣевичъ Будищевъ — въ *Николаевѣ.*
Разумникъ Тимофеевичъ Гонорскій— въ *Харьковѣ.*
Иванъ Савичъ Бабаевъ — въ *Тулѣ.*
Карлъ Ивановичъ Гибенталь — въ *Витебскѣ.*
Николай Ивановичъ Шредеръ — въ *Тамбовѣ.*
Андрей Ивановичъ Шредеръ — *Въ Нижнемъ Новгородѣ.*
Максимъ Ѳедоровичъ Берлинскій — въ *Кіевѣ.*
Петръ Герасимовичъ Воскресенскій — въ *Москвѣ.*
Иванъ Григорьевичъ Морозовъ — въ *Звенигородкѣ.*
Карлъ Ивановичъ Буссе — въ *Варшавѣ.*
Андрей Андреевичъ Ивановскій — въ *Смоленскѣ.*
Густавъ Густавовичъ Гессъ де Кальве—въ *Екатеринославлѣ.*
Ѳедоръ Ивановичъ Корбелецкій — въ *Переяславлѣ.*
Эразмъ Христіановичъ Раскъ — въ *Коппенгагенѣ.*
Михайло Николаевичъ Новиковъ — въ *Полтавѣ.*
Степанъ Александровичъ Исаковъ — въ *Щиграхъ.*

8
РОМАНСЪ. Сочинитель музыки С. Аксеновъ посвящаетъ Сочинителю словъ Ѳ. Н. Глинкѣ.
PIANO
Цвѣты! одно мнѣ утѣшенье, од-
на отрада вгрустный часъ! мое по-
слѣднее имѣнье и первое богатство въ васъ! цвѣ-
ты! друзья! бла-го-у-хайте! и вы рос-
ко-шны вѣ-терки, по-кой и нѣ гу-
на-вѣвайте, на сердце пол-но-е тос-
ки, на сердце пол-но-е тос-ки.

ПРОЗА.

ОБОЗРѢНІЕ РОССІЙСКОЙ ТОРГОВЛИ СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНІЯ РОССІЙСКОЙ МОНАРХІИ *).

Древнія лѣтописи, говоритъ Стриттеръ, доставляютъ намъ мало обстоятельныхъ извѣстій объ успѣхахъ въ торговлѣ, потому, что онѣ занимаются почти только повѣствованіемъ о внутреннихъ войнахъ, коu толь часто опустошали Россію. Част. I. стр. 635.

И дѣйствительно, древніе иностранные и отечественные наши Историки упоми-

*) Обозрѣніе сіе писано еще въ 1815 году, до изданія Исторіи Россійскаго Государства, въ коей свѣденія о семъ предметѣ собраны гораздо полнѣе; но здѣсь статья сія предлагается безъ всякой перемѣны, такъ какъ она была сочинена въ то время.

наютъ о торговлѣ только мимоходомъ и, такъ сказать, косвенно тогда, когда она соединена была съ военными или политическими переворотами въ нашемъ отечествѣ. Но разсматривая внимательно положеніе Россіи въ первыхъ вѣкахъ основанія Монархическаго правленія, столь способное для торговли, существованіе многихъ сильныхъ и богатыхъ городовъ, предполагающихъ утонченіе выгодъ жизни, произведенія нашей страны, возбуждающія желанія окружающихъ ея народовъ, наконецъ частыя сношенія и связи нашихъ предковъ съ сосѣдственными державами, давно уже знакомыми съ прибытками торговли; всѣ сіи причины заставляютъ справедливо заключить, что она существовала у Славяно-Россовъ съ давнихъ временъ. Изъ иностранныхъ писателей Константинъ Порфирородный (911-963) въ книгѣ своей: *Наставленіе сыну о управленіи Имперіи*, при описаніи Россіи, даетъ намъ нѣкоторыя свѣденія и о ея торговлѣ.

Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія, Россійскую торговлю, послѣдуя ходу отечественной Исторіи, можно раздѣлить на четыре

періода: *Первой* со времени основанія Монархическаго въ Россіи правленія (въ 862 году) до порабащенія оной Монголо-Татарами въ половинѣ XIII столѣтія. *Второй* отъ бѣдственнаго сего на наше отечество нашествія до Царя Ивана Васильевича Грознаго (1534). *Третій* со времени Ивана Васильевича Грознаго до Петра Великаго (1689). И наконецъ *Четвертой* отъ начала XVIII столѣтія до нашихъ дней.

Всѣ сіи періоды отличаются важными произшествіями, имѣвшими великое вліяніе на распространеніе или упадокъ торговли. Въ первомъ періодѣ достойны вниманія возвышеніе Россійской торговли на Югѣ, особенно съ Греками до кончины Владиміра I и упадокъ ея со времени раздѣленія Россіи на удѣлы. Во второмъ, цвѣтущее состояніе ея по Волгѣ, а еще болѣе у Новогородцевъ, до Великаго Князя Ивана Васильевича и упадокъ ея отъ сего времени. Въ третьемъ, открытіе торговли на Бѣломъ морѣ и успѣхи внутренней торговли, продолжавшіеся почти непрерывно, хотя впрочемъ весьма медленно. Въ четвертомъ, открытіе торговли на Балтійскомъ, возстановленіе на

Каспійскомъ, и распространеніе оной съ Персіею и Китаемъ, также открытіе торговли на Черномъ и Азовскомъ моряхъ.

Торговля внутренняя должна всегда предшествовать внѣшней. Что Россіяне не могли существовать безъ внутренней торговли, какъ народъ многочисленной, общежительной, раздѣленной на разные классы и состоянія, предполагающія каждое особенной родъ занятія, особенной кругъ дѣятельности; народъ, занимающійся преимущественно предъ своими сосѣдями скотоводствомъ, симъ источникомъ богатства первобытныхъ обитателей, земледѣліемъ, показывающимъ ихъ успѣхи въ гражданской жизни и служащимъ основаніемъ общественнаго довольства, пчеловодствомъ, изображающимъ уже степень досужества и дающимъ нѣкоторыя средства къ роскоши, звѣриною ловлею, доставляющею драгоцѣнные мѣхи, рыбною ловлею и заготовленіемъ ея въ большомъ количествѣ чрезъ соленіе и сушеніе; что такой народъ, говорю, не могъ существовать въ нѣдрахъ своего отечества безъ внутренней торговли: въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, а при-

шомъ и Историки сіе намъ подтверждаютъ. Справедливо, — торговля сія не была хорошо управляема по недостатку средствъ ей споспѣшествующихъ, отъ грабежей и разбоевъ, какіе терпѣли купцы даже въ своемъ отечествѣ, отъ частыхъ набѣговъ, корыстію привлекаемыхъ разныхъ народовъ, окружающихъ Россію, по неимѣнію монеты, изображающей цѣну вещей. Но была ли она мѣновая или другая; — довольно, что она производилась; ибо не получая избытковъ другихъ областей и другаго состоянія людей, и — не давая имъ въ замѣнъ своихъ собственныхъ, не можетъ существовать ни одно гражданское общество.

Самую древнюю и уже въ цвѣтущемъ состояніи находившуюся внѣшнюю торговлю у праотцевъ нашихъ Славяно-Россовъ, еще до введенія Монархическаго правленія, полагаютъ въ восточной части Россіи по рѣкѣ Волгѣ. Увѣряютъ, что торговые города на сѣверѣ положили ей начало, развозя товары свои въ отдаленнѣйшіе предѣлы Россійскаго Государства. Безъ сомнѣнія, рѣка сія, протекающая плодороднѣйшія страны на столь великомъ разстояніи, и удоб

ность, каковую доставляло по ней судоходство во все лѣто, производимое съ малыми издержками, споспѣшествовали весьма много ея распространенію. Утверждаютъ, что торгующіе, спущаясь на судахъ сею рѣкою внизъ до самаго устья, приставали къ городу, служившему складкою товаровъ, на мѣстѣ коего гораздо позже выстроена Астрахань. Отсюда они отправляли свои произведенія или на Югъ къ устью Дона въ Азовское море, а изъ сего въ Черное, или переплывъ Каспійское море, торговали съ Татаріею, Персіею и самою Индіею. Золото, серебро, драгія ткани и пряныя коренья, получаемые въ сихъ странахъ на обмѣнъ домашнихъ произведеній, ввозили вверхъ по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ, во внутренность Россіи, но гораздо въ большемъ количествѣ отправляли оныя на Сѣверъ. Тамъ Историки упоминаютъ о важнѣйшихъ въ то время торговыхъ городахъ: Чердынѣ, древней столицѣ Великой Перміи, называемой иностранными писателями неправильно Шердикомъ, Висби на островѣ Гохландѣ, Виннетѣ при Балтійскомъ морѣ, и уже позже о славномъ Новгородѣ,

откуда оные товары развозились чрезъ Балтійское море къ разнымъ народамъ. Я буду говорить о торговлѣ по рѣкѣ Волгѣ и Каспійскому морю пространнѣе, въ своемъ мѣстѣ.

Но со времени Монархическаго правленія въ Россіи стали извѣстны великою своею торговлею Новгородъ и Кіевъ. Первой былъ средоточіемъ оной на Сѣверѣ, а второй на Югѣ. Города сіи посылали товары, получаемые чрезъ иностранную торговлю, въ дальнѣйшія области Россіи, а за оные брали на обмѣнъ отечественныя ея произведенія гораздо въ большемъ количествѣ. Они производили также и внѣшнюю торговлю на Черномъ и Балтійскомъ моряхъ. Близкое разстояніе Новгорода отъ Балтійскаго моря, удобность доставлять туда свои произведенія лѣтомъ посредствомъ озеръ и рѣкъ, изъ нихъ выходящихъ и вливающихся въ Балтійское море, а зимою на саняхъ, положили основаніе сей торговли. Норманы, обитавшіе на берегахъ Балтійскаго моря, не зная ни земледѣлія, ни скотоводства, и занимаясь разорительными и отважными набѣгами на южную Европу, вывозили изъ

Франція, Англіи и Испаніи золото, серебро и другія драгоцѣнности, кои тамъ грабили или получали на выкупъ, и отдавали оные Новогородцамъ за домашнія ихъ произведенія, — первыя потребности жизни. Получая таковые прибытки, Новгородъ съ прилежащими къ нему городами, особливо Псковомъ, часъ отъ часу возрасталъ и обогащался.

На Югѣ Кіевъ былъ мѣстомъ складки товаровъ, отправляемыхъ въ Черное море. Товары сіи были привозимы частію сухимъ путемъ, а частію водою по рѣкамъ впадающимъ въ Днѣпръ, и наконецъ симъ послѣднимъ до самаго Кіева. Здѣсь флотъ ожидалъ удобнаго, назначеннаго времени, въ которое и отправлялся внизъ по Днѣпру. Вошедши въ Черное море и держась западныхъ онаго береговъ, плаватели въ скоромъ времени достигали устья Дуная, потомъ не рѣдко приставали къ берегамъ Анатоліи, а оттуда направляли уже путь въ Константинополь. Славяно-Россы изъ отечества своего вывозили драгоцѣнные мѣха, медъ, воскъ, употреблявшійся въ великомъ количествѣ у Грековъ въ обрядахъ богослуженія, сырыя кожи и другіе избытки своей страны; а

въ Греціи брали въ замѣнъ на свои барки золото, серебро, дорогія ткани, виноградное вино, деревянное масло, свѣжіе и сухіе плоды теплаго климата Греціи и пряные коренья Индіи.

Многіе Россійскіе купцы пребывали нарочно для сего въ Константинополѣ и въ другихъ городахъ и областяхъ Греческой Имперіи. Въ политическихъ сношеніяхъ и договорахъ Великіе Князья старались распространить выгоды своей торговли, обезпечить пребываніе и собственность Россійскаго купечества въ Греціи, и избавить ихъ отъ платежа тягостныхъ пошлинъ. Такимъ образомъ видно сіе изъ мирнаго договора съ Греками въ 907 году, въ коемъ между прочимъ положено: что Греки обязались давать Россійскимъ купцамъ, пребывающимъ въ Константинополѣ, въ продолженіе шести мѣсяцовъ, хлѣбъ, вино, мясо, рыбу и овощь на каждой мѣсяцъ по извѣстному количеству; для обратнаго пути снабжать Россіянъ нужными съѣстными припасами, якорями, канатами и парусами изъ казны Императорской. Напротивъ того съ своей стороны они требовали, чтобы Рос-

сіянамъ пріѣзжающимъ безъ купеческихъ товаровъ не давать содержанія; впрочемъ позволяли торговать всякими произведеніями, небравши съ нихъ нигдѣ пошлинъ. Въ 911 году Олегъ посылалъ къ Императорамъ Льву и Александру пословъ для утвержденія прежняго мирнаго договора и пополненія онаго, въ которомъ попечительность его о торговлѣ еще болѣе видна. Въ семъ второмъ договорѣ означено, какъ судить Россійскихъ купцовъ и какъ поступать съ судами, разбитыми бурею. Великій Князь Игорь въ 944 году также заключилъ съ Греками мирный и торговый трактатъ. Изъ всего приведеннаго мною видно, какую великую пользу находили обѣ державы во взаимной торговлѣ и сколько Россійскіе Государи старались о распространеніи ея преимуществъ и выгодъ.

Вообще торговля на Черномъ морѣ возрастала быстро и постоянно до кончины Великаго Князя Владиміра I. Россія, охраняемая единымъ скипетромъ, была спокойна и богата внутри, довольно сильна извнѣ, чтобы устращить народовъ, жившихъ по берегамъ Днѣпра, Дуная и Чернаго моря, и

удержать ихъ отъ набѣговъ. Великое уважение снисканное симъ Княземъ у сосѣднихъ державъ привлекало въ Россію многихъ иностранцевъ, а частныя сношенія и связи обѣщали ея торговлѣ знатное приращеніе.

Такова была торговля Россіи въ половинѣ перваго періода; но бѣдствія, постигшія наше отечество въ послѣдствіи, имѣли на нее великое вліяніе. Владиміръ, возвеличившій и просвѣтившій Россію, первой бросилъ сѣмя злополучія, раздѣливши ее (въ 1015 году) по отеческой нѣжности на 12 удѣловъ дѣтямъ своимъ. Въ послѣдніе дни жизни онъ былъ уже самъ горестнымъ свидѣтелемъ раздоровъ сыновъ своихъ, и унесъ въ могилу справедливое разсканіе о своей непредусмотрительности. Внутри — ссоры, вражды и междоусобныя войны опустошали Россію въ продолженіе многихъ вѣковъ; извнѣ — окружающіе ее народы воинственные и хищные, привлекаемые часто мщеніемъ за прежде платимую дань и надеждою корысти, нападали на пограничныя области, пользуясь внутреннимъ смятеніемъ и безсиліемъ. Половцы, жившіе по нижнимъ частямъ Днѣпра захватывали плывущія барки, грабили това-

ры, уводили въ плѣнъ или умерщвляли купцовъ. Великое Княженіе Кіевское, составляя предметъ желаній и непрерывныхъ искательствъ удѣльныхъ Князей, было опустошаемо и раздираемо самыми Россіянами. Сіи обстоятельства не могли способствовать производству внутренней, тѣмъ менѣе распространенію внѣшней торговли на Черномъ морѣ.

Въ то самое время какъ торговля мало по малу изчезала на югѣ, на востокѣ какъ внутренняя такъ и внѣшняя приходили въ лучшее состояніе. Волга была, такъ сказать, торговою линіею. Весьма промышленной народъ Болгары, жившій по берегамъ ея, привлекалъ Россійскихъ купцовъ въ города свои. Средоточіе сей торговли былъ столичной городъ Болгары или Боогардъ, какъ называетъ его Г. Болтинъ въ примѣчаніяхъ на Россійскую Исторію Леклерка. Онъ находился ниже устья Камы въ 30, а отъ Волги въ пяти верстахъ. Нѣкоторые думаютъ, прибавляетъ сочинитель сихъ примѣчаній, что Волга текла тогда подлѣ самаго города. Болгары опустошенъ въ первой разъ Монголотатарами

въ 1234 году. Громады камней, свидѣтели прежняго величія, видны еще и нынѣ.

Андрей Юрьевичь Боголюбскій, видя Кіевское Княженіе почти всегдашнимъ театромъ войны и мятежей, перенесъ въ 1157 году Велико-Княжескій престолъ во Владиміръ на Клязмѣ, коего область простиралась къ востоку до Волги. Съ того времени Великіе Князья прилагали стараніе о торговлѣ по сей рѣкѣ. На сей конецъ, для прекращенія грабительства судовъ, идущихъ по Волгѣ, жителями области Новогородской, а особливо города Торжка, Великій Князь Всеволодъ Юрьевичь въ 1182 году при устьи Тверцы построилъ Твердь т. е. крѣпость, которая въ послѣдствіи времени, будучи распространена и болѣе населена, получила названіе Твери. Но желаніе Великихъ Князей Владимирскихъ увеличить владѣнія свои на востокѣ, было причиною многократныхъ войнъ, кои прерывали торговлю вовсе.

Новгородъ одинъ только, при всѣхъ своихъ мятежахъ и перемѣнахъ въ правленіи, при всѣхъ войнахъ съ своими сосѣдями, шелъ равными шагами въ успѣхахъ своей тор-

говли. Онъ производилъ ее чрезъ Лифляндію, Эстляндію и Финляндію, по Балтійскому морю съ Швеціею, Норвегіею и другими сѣверными народами, и чрезъ нее сдѣлался столь богатымъ и сильнымъ, что получилъ на сѣверѣ названіе Великаго.

Въ семъ состояніи застало Россійскую торговлю XIII столѣтіе. Россія, раздираемая внутренними войнами почти чрезъ 200 лѣтъ, опустошенная и обезсиленная, вдругъ была поглощена страшнымъ, всенизвергающимъ стремленіемъ Монголо-Татарскихъ завоеваній, разлившимся изъ нѣдръ Дауріи и наводнившимъ большую часть южной и западной Азіи и востокъ Европы: я говорю о завоеваніяхъ Чингисхана. Батый, внукъ его, довершилъ опустошенія и совершенное порабощеніе Россіи, начатое его дѣдомъ. Многія Княжескія фамиліи, мужественные витязи, воины защищавшіе отечество, мирной поселянинъ, градской житель — пали подъ остріемъ меча: домы, храмы, цѣлые города обращены въ пепелъ. Россія на развалинахъ своихъ признала надъ собою владычество Татарское. Въ сіе смутное время можно ли было думать о торговлѣ,

когда жизнь каждаго, первое благо въ мірѣ, была въ опасности. Страхъ и неизвѣстность надолго повергли ее въ бездѣйствіе.

Между тѣмъ не переставали внутренніе раздоры и междуусобныя войны, кои по свидѣтельству историковъ начинались по большой части заключеніемъ купцовъ враждующихъ областей въ темницу и разграбленіемъ ихъ имущества. Князья Россійскіе спорили о городахъ и областяхъ: споры оканчивались оружіемъ; въ противномъ случаѣ они къ стыду своему предлагали оные на судъ Кипчакскихъ Хановъ, кои для примиренія посылали свои войска, предводимыя ужасомъ и послѣдуемыя грабительствомъ и опустошеніемъ.

Сосѣдственные народы, видя слабость Россійскаго Государства, устремились съ разныхъ сторонъ на предѣлы его. Большая часть югозападной Россіи была отторгнута. Кіевское Княжество съ другими землями въ 1323 году подпало власти сильнаго и воинственнаго Князя Литовскаго Гедемина; Черная Россія отошла еще прежде къ Венгріи, а въ 1404 году завоевано Великимъ Княземъ Литовскимъ Витовтомъ

Княжество Смоленское, и также какъ и прочія области долгое время пребывало подъ чужимъ скипетромъ. И такъ торговля въ Кіевѣ, въ окружающихъ его областяхъ и городахъ, по Днѣпру и чрезъ Черное море съ Греціею, перешла въ другія руки. Хотя въ сіе время прославились на Крымскомъ полуостровѣ Греческій приморскій городъ Судая или Сольдая, что нынѣ Судакъ, а послѣ Генуезскій городъ Кафа, но Россіяне едва ли принимали въ ней участіе. Лифляндскіе Рыцари, славные тогда воинскою своею доблестію на сѣверо-западѣ, а Шведы съ сѣвера вторгались неоднократно въ области Псковскія и Новогородскія, избѣгшія щастливою судьбою гибельныхъ опустошеній Чингисхана и Батыя.

Сіи перевороты нанесли тяжкой ударъ торговлѣ, но мало по малу она начинала оживляться при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Внутренній торгъ существовалъ еще при всѣхъ сихъ нещастіяхъ, хотя не весьма въ цвѣтущемъ состояніи; такъ что въ древнихъ лѣтописяхъ нашихъ ненаходимъ никакихъ почти о томъ свѣденій. Онъ могъ быть остановленъ на нѣ-

которое время; но не прекращался вовсе. Народъ, получавшій отъ торговли важныя выгоды въ продолженіи многихъ вѣковъ, не могъ отказаться отъ оныхъ, и ждалъ, когда малѣйшій случай къ ихъ возвращенію и новому пріобрѣтенію. Самые даже драгоцѣнные подарки и дань, вынуждаемые Татарами, должны были нѣкоторымъ образомъ возбудить Россію къ торговлѣ. Извѣстно, что отечество наше не имѣло въ сіе время ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ; откуда же получала Россія сіи великія суммы серебра, приносимыя ею ежегодно въ дань Кипчакской ордѣ? Въ 1434 году упоминается, что оная простиралась до 7000 рублей. Это единственный случай, говоритъ Стриттеръ, замѣченной въ нашей Исторіи, гдѣ показывается сложность изъ всѣхъ Княженій платимаго серебра; но должно думать, что по временамъ она возрастала гораздо болѣе. Надобно сообразить тогдашнюю низкую цѣну вещей, въ сравненіи съ драгоцѣнными металлами и количество ихъ, какое составлялъ въ то время рубль, т. е. фунтъ вѣсомъ, чтобы судить основательно о великости сей суммы.

Чтоже касается до внѣшней торговли по Волгѣ, то оная, заключаясь тогда большею частію во владѣніяхъ Кипчакской орды, весьма много потерпѣла въ началѣ сего періода. Торговой народъ Болгары живущій прежде по берегамъ сей рѣки, подвергся игу Татарскаго владычества: города ихъ и пристани разорены. Безъ сомнѣнія вскорѣ потомъ прославились Казань и Астрахань, производившіе пространные свои торги чрезъ Каспійское море съ восточною Азіею, Персіею, Бухаріею и даже самою Индіею, и предки наши скоро приняли въ оныхъ великое участіе. Но торговля Россіянъ по Волгѣ была часто возмущаема набѣгами Татаръ на Поволжскія страны и грабительствами разбойническихъ шаекъ, производимыми по сей рѣкѣ, о коихъ въ исторіи нашей упоминается довольно часто. Такъ говоритъ Стриттеръ: (част. II. ст. 481) въ 1382 году Тахтамышъ идя войною на Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго, послалъ сперва нѣсколько Татаръ въ Казань съ повелѣніемъ перехватать всѣхъ Россійскихъ купцовъ, разграбить ихъ имущество, а суда, на коихъ они ходили внизъ

по Волгѣ, приказалъ привести къ нему для употребленія ихъ къ скорѣйшему переходу войскъ своихъ.

Всего болѣе процвѣтала въ семъ періодѣ торговля Новгорода и Пскова. Сіи города, еще прежде имѣвши войны съ сосѣдями, благоразуміемъ Князей и храбростію сограждань распространили знатно свои владѣнія, а вмѣстѣ съ ними и свою торговлю, какъ главной источникъ ихъ богатства, силы и благоденствія. Будучи извѣстна и славна на Балтійскомъ морѣ, она привлекла вниманіе Ганзейскаго Союза. Дабы имѣть точное понятіе о важности сихъ торговыхъ сношеній Новгорода, надобно обнять взоромъ пространную торговлю сего знаменитаго Союза Ганзейскаго, единственнаго въ лѣтописяхъ. Первое основаніе онаго положилъ, какъ извѣстно, городъ Бременъ еще въ 1164 году, но онъ возросъ и процвѣталъ наиболѣе въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Число городовъ, составлявшихъ оной, восходило до 72, а по увѣренію нѣкоторыхъ до 80. Они были самые знатнѣйшіе по своей торговлѣ въ Нидерландахъ, во Франціи, Испаніи, Португаліи, Италіи, Англіи и Германіи.

*

Торговые ихъ обороты простирались отъ морей, омывающихъ Италію, даже до Сѣвернаго Океана. Въ сей-то, обширнѣйшій кругъ торговли вступили Новгородцы. Исторія сохранила намъ два договора заключенные Новгородцами съ городомъ Любекомъ въ 1226 году и съ Королемъ Норвегіи и Швеціи Магнусомъ II (наименованнымъ Омекъ) въ 1326 году Іюня 3. Ганзейской союзъ имѣлъ четыре главныя конторы для удобнѣйшей складки товаровъ: въ Лондонѣ, Бергенѣ, Бригѣ и Новгородѣ; въ семъ послѣднемъ учреждена она въ 1276 году. Извѣстны могущество, богатство и твердость сего союза, заставлявшаго себя почитать и даже не рѣдко бояться самыхъ Государей. Датской Король Волдемаръ III. (1348) и Ерикъ (1428) принуждены были смирить гордость свою предъ симъ обществомъ простыхъ купцовъ.

Въ то самое время какъ Новгородъ участвовалъ въ сей обширной иностранной торговлѣ, онъ былъ средоточіемъ ея въ Россіи, производилъ ее въ великой своей области, простиравшейся къ сѣверу до Бѣлаго моря, а къ западу до Лифляндіи, и посылалъ

своихъ купцовъ во внутренность отдаленныхъ Княжеский частію сухимъ путемъ, а частію водою на судахъ. Торговля сдѣлала его богатымъ, богатство сильнымъ, его могущество имѣло вліяніе на перемѣны правленія. Новогородцы, не опасаясь болѣе Великихъ Князей, и свергая часто своихъ собственныхъ, составили нѣкоторой родъ Республики: города Ганзейскаго Союза представляли имъ тому образецъ. По ихъ примѣру учредили они Магистратъ, какъ главное судилище и ввели новое раздѣленіе на классы жителей. Уничтоживъ существовавшую прежде мѣлкую монету подъ названіемъ куньи мордки, вѣроятно весьма неудобную, въ 1411 году ввели въ употребленіе Нѣмецкую, какъ то: ортуги, гроши, шиллинги; а наконецъ, отмѣнивши и сію послѣднюю для лучшаго производства торговли въ 1420 году начали бить свою собственную монету. Псковъ, будучи въ тѣсной связи съ Новгородомъ, слѣдовалъ во всемъ его примѣру.

Таково было въ семъ періодѣ цвѣтущее состояніе Россійской торговли на сѣверѣ. Но послѣдуемъ ходу исторіи и разсмотримъ ея упадокъ. Внѣшняя торговля исчезла въ

продолженіе XV столѣтія. На Каспійскомъ морѣ, хотя ослабленная во время владычества Татаръ, она все еще продолжалась и доставляла нѣкоторыя выгоды; но въ исходѣ XV столѣтія, щастливое открытіе Португальцами пути въ восточную Индію мимо мыса Доброй Надежды, новое ее прекратило. Богатства Индія стали доставляться въ Европу симъ новымъ путемъ съ большею удобностію и меньшими издержками. Торговля Крыма, столь славная и цвѣтущая въ XII и XIII столѣтіяхъ, въ коей и Россіяне участвовали, хотя такъ сказать косвенно, завоеваніемъ сего полуострова Турками при Султанѣ Магометѣ II. Въ 1476 году была разрушена. Самая обширная Новогородская торговля около сего времени начала уже упадать отъ ослабленія Ганзейскаго Союза, мятежей и возмущеній самыхъ жителей и наконецъ отъ возрастающей власти Великихъ Князей Московскихъ, кои часъ отъ часу, освобождаясь отъ ига Татарскаго, простирали власть свою и на Новгородъ. Совокупитель Россіи Іоаннъ Васильевичь Великой, желая наказать жителей Новгорода за измѣнническое предпріятіе

поддаться Польскому Королю Казимиру, лишилъ ихъ вольности, разрушилъ Вечу и присоединилъ навсегда къ Россіи. (1471 и 78.) Сынъ его Василій Іоанновичь въ 1509 году учинилъ тоже самое со Псковомъ. Наконецъ Царь Иванъ Васильевичь Грозный, озлобленный за непостоянство и буйство Новогородцевъ, лишилъ ихъ всѣхъ правъ, многихъ истребилъ и разсѣялъ по другимъ городамъ. Все сіе могло ли не имѣть вліянія на торговлю, любящую тишину и спокойствіе? Она уменшалась и исчезала непрестанно до половины XV столѣтія. Въ семъ періодѣ оканчивается древняя Россійская торговля, которой и слѣдовъ болѣе уже не видно.

Со временъ Царя Ивана Васильевича торговля получила нѣкоторымъ образомъ новое бытіе и возрастала постоянно до нынѣшняго ея состоянія. Говоря собственно, морская Россійская торговля началась только въ семъ періодѣ.

Въ то время, когда Царь Иванъ Васильевичь продолжалъ устроивать внутреннее спокойствіе и благоденствіе Россіи; и разрушая остатки прежде столь страшной Кипчакской орды, присоединялъ къ своему

владѣнію земли Казанскаго и Астраханскаго Царствъ, какъ древнее Россійское достояніе; въ то время, говорю, какъ онъ подавалъ подданнымъ своимъ мудрые законы, велъ сильныя и выгодныя для Россіи войны съ своими сосѣдями, и ободрялъ въ своемъ отечествѣ искусства, науки, промышленность и торговлю, нечаянный случай открылъ для оной новые порты. Въ 1553 году Гугъ Виллуфби и Ричардъ Шанселлеръ, отправленные Англинскимъ Королемъ Едуардомъ IV въ Сѣверный Океанъ для открытія пути въ Китай и Восточную Индію, бурею занесены были въ Бѣлое море въ устье Сѣверной Двины. Сей случай положилъ основаніе торговли Англичанъ съ Россіею. Царь, желая наградить Англичанъ за ихъ предпріятія, даровалъ имъ нѣкоторыя привилегіи: 1) что Англичанамъ позволяется свободной входъ въ Государство; они могутъ торговать въ немъ со всѣми народами, не платя пошлинъ съ кораблей и товаровъ и не будучи подвержены осмотру Начальства. 2) Что они останутся всегда подъ непосредственнымъ вѣденіемъ тѣхъ, коихъ назначитъ для сего Компанія, и что тотъ, кто

откажется повиноваться определенію, ею сдѣланному, будетъ почтенъ за возмутителя и проч. — Вступя такимъ образомъ въ связи съ Великобританіею и владѣя уже Казанскимъ и Астраханскимъ царствами, Иванъ Васильевичь, вспомоществуемый Англичанами, желалъ распространить свою торговлю въ Персію. Царь, ободряя искуства и художества въ своемъ отечествѣ, желалъ имѣть нужныхъ мастеровыхъ и художниковъ. Англичане, проникнувъ его намѣреніе, привезли многихъ въ Россію, а за то получили позволеніе чрезъ его владѣнія предпріять путь въ Персію для распространенія торговли. Капитанъ Янкинсонъ отправился изъ Москвы въ 1558 году; но междоусобныя войны, кои раздирали тогда Персію, принудили его возвратиться. — Вскорѣ торговой договоръ былъ заключенъ съ Англинскою Королевою Елисаветою, и въ 1584 году выстроена пристань Свят. Архангела. Англичане одни только пользовались выгодами сей торговли до 1602 года, когда Голландцы начали также торговать на Бѣломъ морѣ. Пристань учинилась знатнымъ городомъ, и Россійская торговля возрастала. Царь Але-

ксѣй Михайловичь исключилъ было Англичанъ изъ сей торговли, какъ націю, беззаконно умертвившую Короля своего. Подивимся величію души истинно Царскому: нынѣшняя комерческая система въ политикѣ можетъ быть станетъ охуждать сіе изгнаніе. Но въ его же царствованіе торговля возрасла весьма много; въ 1655 году въ одну Англію вывезено товаровъ на 660.000 рублей, что составитъ теперь слишкомъ 7 милioновъ, ибо тогдашній рубль равнялся червонцу.

Завоеванія Царя Ивана Васильевича по Волгѣ обѣщали важное распространеніе торговли; но, я сказалъ уже въ предыдущемъ періодѣ, что во первыхъ Остиндская торговля совсѣмъ перемѣнила путь свой, а во вторыхъ непрестанные разбои, производимые по сей рѣкѣ, устрашали купцовъ, такъ что Правительство должно было наконецъ принять свои мѣры. Въ концѣ же его царствованія одна изъ разбойническихъ шаекъ подъ предводительствомъ Ермака, убѣжавши отъ преслѣдованія царскихъ войскъ въ Уральскія горы, положила начало покоренію обширныхъ странъ Сибири, содѣлавшейся въ послѣдствіи по своимъ богатствамъ и

вліянію на торговлю, Россійскимъ Перу. Съ того времени Сибирь доставляла Европейской Россіи дорогіе мѣха, а нѣсколько позже открыты въ ней богатыя руды разныхъ металловъ, служащихъ къ первымъ потребностямъ и богатству Государства.

Начало XVII столѣтія принесло съ собою величайшія бѣдствія Россіи; самозванцы возмутили спокойствіе жителей, а Поляки и Шведы, пользуясь симъ смятеніемъ, отторгли отъ нее важныя области. Сіи несчастныя для нашего отечества событія прервали на нѣкоторое время торговлю; но скоро младый Царь Михаилъ Ѳеодоровичь успокоилъ Россію, какъ Ангелъ мира; а сынъ его Алексѣй Михайловичь прилагалъ уже великое попеченіе и о торговлѣ. Онъ имѣлъ въ виду возобновить ее на Каспійскомъ морѣ и для того началъ было заводить тамъ не большую флотилію; но она содѣлалась жертвою пламени отъ злодѣйскихъ рукъ Разина, и тѣмъ уничтожились его намѣренія. При немъ начаты также въ первой разъ въ 1652 году торговыя сношенія съ Китаемъ, хотя также безъ дальняго успѣха.

Что касается до внутренней торговли,

што частыя войны въ семъ періодѣ со Швеціею и Польшею препятствовали производить оную на Сѣверо-Западныхъ границахъ; но въ послѣдствіи времени присоединеніе отъ Польши Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ прежнихъ Россійскихъ городовъ: Смоленска, Чернигова и Кіева съ ихъ областями, похищенными въ смутныя времена междуцарствія, положило прочное основаніе будущимъ ея выгодамъ. Частыя связи съ Европейскими державами, довольное обращеніе Россійской монеты въ Государствѣ и точнѣйшее познаніе произведеній своего отечества предуготовляли для Россійской торговли ту блестящую эпоху, въ коей все произведено величайшимъ умомъ и геройскими трудами, какъ напротивъ въ семъ періодѣ все еще было предоставлено благосклонности случая. Сія славная эпоха настала; творецъ новой Россійской торговли Петръ I явился и положилъ ей прочное основаніе. Здѣсь я почитаю нужнымъ, для удобнѣйшаго разсмотрѣнія, раздѣлить ее на внутреннюю и внѣшнюю, а сію послѣднюю на морскую и сухопутную.

Произведенія земли и внутренняя тор-

говля суть основанія внѣшней. Петръ I далъ всему новую жизнь: открытіе портовъ на Балтійскомъ и Каспійскомъ моряхъ, къ коимъ привозились Россійскіе товары, изъ коихъ иностранные развозились внутрь Государства, исправленное водяное сообщеніе и многіе каналы, вырытые на сей конецъ, установленіе многихъ ярмонокъ, введеніе Европейскихъ обыкновеній, распространеніе фабрикъ, искуствъ и рукодѣлій, — были Его твореніе.

Время и попеченія Россійскихъ Государей приводили все въ силу и совершенство. Въ наше время, если разсмотрѣть число товаровъ, отпускаемыхъ изъ Россіи въ другія страны и въ все иностранныхъ, различіе климатовъ, почвы земли по обширности Россійской Имперіи, въ коей разныя Губерніи изобилуютъ произведеніями одного рода, не имѣя другихъ, свойственныхъ прочимъ Губерніямъ, взаимное сообщеніе своихъ избытковъ, многія судоходныя рѣки, многолюдные города, знатныя ярмонки, способствующія торговлѣ; то не можно усомниться въ ея обширности и важности. Одна Сибирь доставляетъ Евро-

пейской Россіи ежегодно металловъ, мѣховъ, Китайскихъ товаровъ и проч. слишкомъ на 30 милліоновъ рублей. *) Вообще считая Россійскіе товары, доставляемые къ портамъ, и иностранные изъ оныхъ развозимые для продажи по всѣмъ областямъ Россіи, во 130 милліоновъ рублей, а присовокупивъ къ тому еще количество товаровъ внутри Государства находящихся въ оборотѣ, по цѣнѣ по крайней мѣрѣ на 400 милліоновъ рублей, полагая по 10 рублей на душу; то всѣхъ вообще произведеній, обращающихся ежегодно въ Россійской торговлѣ, должно простираться слишкомъ на 530 милліоновъ. Сія торговля можетъ еще возвышаться безпредѣльно съ большимъ народонаселеніемъ южныхъ странъ какъ Европейской, такъ Азіатской Россіи, съ лучшимъ обработываніемъ произведеній нашей

(*) Здѣсь долгомъ почитаемъ напомнить, что Обозрѣніе сіе было писано въ 1815 году, какъ сказано выше, и потому всѣ отчеты о торговлѣ заимствованы изъ Статистики Г. Зябловскаго, изданной въ 1808 году и оконченной 1804 годомъ; но нынѣ всѣ сіи суммы увеличились почти вдвое.

земли, съ усовершенствованіемъ ремеслъ и художествъ въ нашемъ отечествѣ. Внѣшняя морская торговля производится на всѣхъ моряхъ омывающихъ Россію.

Въ началѣ царствованія Петра Великаго на Бѣломъ морѣ она была весьма знаменита такъ, что сложная сумма трехъ годовъ съ 1697 по 1701 составляла по цѣнѣ вывезенныхъ товаровъ на 112.251 фунтъ стерлинговъ, а привезенныхъ изъ Англіи на 58.884 фунта стерл. и казна получила доходу болѣе ста тысячь рублей. Но по основаніи въ 1703 году на покоренной землѣ С. Петербурга, Петръ I вознамѣрился обратить морскую торговлю къ сему городу, по причинѣ выгоднѣйшаго плаванія. Кратчайшій и удобнѣйшій путь, а болѣе преимущества дарованныя новому порту привлекли мало по малу иностранцевъ, отъ чего торговля на Бѣломъ морѣ пришла въ упадокъ. Впрочемъ она и нынѣ довольно важна. Въ ней участвуютъ всѣ сѣверные Европейцы. Судя по мѣстному положенію и произведеніямъ отправляемымъ изъ портовъ Бѣлаго моря, торговля на ономъ не можетъ возрасти до высокой степени, потому что

Балтійское море находится какъ бы впереди его, а притомъ и произведенія тамошняго края перевозятся весьма удобно отъ Архангельска до С. Петербурга.

Самая важнѣйшая морская торговля производится въ портахъ Балтійскаго моря, во всѣхъ приморскихъ городахъ, находящихся въ Россійскомъ владѣніи въ Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи. Петръ Великій положившій ей начало, старался о ея распространеніи, видя выгоды, какія Россія получила уже и могла еще получить отъ оной. На сей конецъ многіе торговые договоры были заключаемы съ иностранными державами какъ имъ такъ и его пріемниками. Въ 1742 году количество привозимыхъ товаровъ по цѣнѣ выходило уже до двухъ милліоновъ, а вывозимыхъ товаровъ до $2\frac{1}{2}$ мил. Въ благополучное царствованіе Екатерины II. она сдѣлалась весьма важною и прибыточною; въ пристани Балтійскаго моря приходятъ купеческія суда всѣхъ почти Европейскихъ Державъ, въ портахъ его торгъ ежегодно простирается по цѣнѣ на 80 милліоновъ рублей. Торговля сія можетъ возвыситься безпредѣльно,

и по положенію моря, водяныхъ сообщеній его съ Чернымъ, Каспійскимъ, Бѣлымъ морями и отдаленнѣйшими странами Сибири есть самая удобнѣйшая на сѣверѣ. Политическія связи, столичной городъ такъ же имѣютъ великое на нее вліяніе. Петербургъ при Балтійскомъ морѣ, говоритъ Вольтеръ, есть окно, чрезъ которое Россія смотритъ и дѣйствуетъ на всю Европу.

Я показалъ уже въ предыдущихъ періодахъ цвѣтущее состояніе и упадокъ торговли на Каспійскомъ морѣ. Она совсѣмъ было прекратилась до начала XVIII столѣтія. Петръ I воскресилъ ее: любя мореплаваніе и стараясь о благоденствіи своего Государства, а болѣе еще простирая виды свои на торговлю Персіи и Индіи, производившуюся въ древности чрезъ сіе море, онъ завелъ тамъ морскую силу и открылъ порты. Съ его царствованія она начала нѣсколько оживляться; но нынѣ не весьма значительна и не доставляетъ большихъ выгодъ, не смотря на великія средства возрасти и усовершиться съ того времени, какъ Крымъ, Черное и Азовское моря находятся въ Россійскомъ владѣніи. Петръ I

положилъ было въ 1696 году покоренiемъ Азова и построенiемъ Таганрога, основанiе торговли на Азовскомъ морѣ. Онъ хотѣлъ возобновить тамъ древнiе торги Россiи, но Прутской миръ въ 1711 году, по коему онъ возвратилъ свои завоеванiя Оттоманской Портѣ; уничтожили его предпрiятiя.

Счастливыя побѣды Императрицы Анны Iоанновны и Бѣлградскiй миръ въ 1739 году возвратили Азовъ и предоставили Россiи плаванiе по Черному морю, но торговля на ономъ не имѣла успѣховъ. Екатеринѣ II предоставлено было оживить ее и привести въ лучшее состоянiе. Прiобрѣтенiе Россiею по Куйчукъ-Кайнарджскому договору въ 1774 году нѣсколькихъ крѣпостей, земель лежащихъ между Днѣпромъ и Бугомъ и плаванiя по всѣмъ морямъ Оттоманской Порты, положили незыблемое основанiе Россiйской торговлѣ на Черномъ морѣ; а присоединенiе въ 1783 году всего полуострова Крыма возвысило ее еще болѣе, она часъ отъ часу приходитъ въ цвѣтущее состоянiе. Въ немногiе годы настоящаго столѣтiя она прiобрѣла великiе успѣхи; но

впрочемъ не достигла еще своего совершенства. Судя по богатству земли южныхъ краевъ Россіи, по мѣстному положенію Чернаго моря и близости его къ Каспійскому сообщенію, предположенному еще Петромъ Великимъ между рѣками Волгою и Дономъ въ нихъ вливающимися, которое къ сожалѣнію не исполнено; наконецъ взявъ во вниманіе справедливые виды, кои можно имѣть здѣсь на торговлю Персіи, сѣвернаго Индостана, и сокровища такъ называемой Леванской торговли; быстрые успѣхи, кои сдѣлала она во время 20 лѣтъ, сообщеніе портовъ сего моря съ Балтійскимъ; соображая говорю, все сіе, можно и должно надѣяться, что при хорошихъ средствахъ она достигнетъ великаго совершенства. Балтійское на сѣверѣ и Черное море на югѣ суть два средоточія морской Россійской торговли.

Отдаленному потомству можетъ быть предоставлено основать третіе на востокѣ Азіатской Россіи съ большимъ народонаселеніемъ сего края. Обширныя страны и моря находящіяся въ Россійскомъ владѣніи могутъ распространить здѣсь тор-

говлю съ Америкою, многими островами Японіи, полуостровомъ Кореею, Китаемъ и можетъ быть съ самою Индіею непосредственно чрезъ моря, омывающія берега ихъ.

Вообще внѣшняя морская торговля доставляетъ большія выгоды Россіи; количество товаровъ въ оборотахъ простирается по цѣнѣ слишкомъ на 130 милліоновъ рублей, напротивъ сухопутная внѣшняя торговля не столь прибыточна. Она простирается отъ сѣверо-западныхъ границъ Россіи съ Швеціею, Пруссіею, Нѣмецкою землею; къ югу съ Турціею, Персіею, Бухаріею, Киргизскою ордою, Хивою и Китаемъ. Торговля съ Китаемъ и Персіею основана при Петрѣ Великомъ и до нашихъ временъ претерпѣвала разныя перемѣны, но торговля при западныхъ и южныхъ границахъ Европейской Россіи обязана нынѣшнимъ состояніемъ побѣдамъ и пріобрѣтеніямъ отъ Польши многихъ великихъ областей Екатерины II. Весь вообще торгъ при сухопутныхъ границахъ простирается до 30 милліоновъ рублей; но посредствомъ онаго Россія гораздо болѣе получаетъ ино-

странныхъ товаровъ, нежели отпущаетъ своихъ. Вообще сухопутная внѣшняя торговля не можетъ быть весьма выгодна для нашего отечества, исключая тѣ только страны, изъ коихъ получаются произведенія изъ первыхъ рукъ и кратчайшимъ путемъ, какъ то: изъ Китая, Бухаріи, Персіи и проч., но другіе и особливо Европейскіе товары, будучи привозимы отдаленнымъ путемъ, требующимъ большихъ издержекъ, и чрезъ многія чужія земли, гдѣ надлежитъ платить значительныя пошлины, достаются всегда весьма дорого; и потому Россія, если никогда не терпитъ убытка отъ сей торговли, то по крайней мѣрѣ и никогда не получитъ важныхъ выгодъ для благосостоянія народнаго.

Л. Геелигъ.

О ВЕНІАМИНѢ ФРАНКЛИНѢ.

Веніаминъ Франклинъ родился въ 1706 году въ Бостонѣ. Онъ былъ пятнадцатый сынъ одного красильщика, который послѣ оставивъ сіе ремесло, завелъ мыльную фабрику. Сначала отецъ хотѣлъ учить сему мастерству и сына, но видя въ немъ непреодолимое къ оному отвращеніе, рѣшился отдать въ изученіе къ другому своему сыну, содержателю типографіи въ Бостонѣ. Сей, бывъ издателемъ одной газеты, употреблялъ молодаго Веніамина при печатаніи и при разноскѣ оной подписавшимся.

Геній молодаго Франклина открылся въ отрывкахъ, кои сообщалъ онъ подъ чужимъ именемъ своему брату для помѣщенія въ газетѣ. Его первые опыты были одобрены, и сей братъ, который обращался съ нимъ болѣе какъ со слугою, нежели съ родственникомъ, узнавъ въ сочинителѣ оныхъ своего работника, началъ ему завидовать и дѣлать

столько непріятностей, что Веніаминъ принужденъ былъ оставить его и искать счастія въ Ню-Іоркѣ.

Читая однажды разсужденіе Доктора Тріона о воздержаніи въ пищѣ Пиѳагорейцовъ, молодой Франклинъ столь былъ убѣжденъ ихъ правилами, что рѣшился онымъ слѣдовать. Онъ до тѣхъ поръ воздерживался отъ мяса, пока не увидѣлъ по случаю въ желудкѣ поиманной имъ на открытомъ морѣ трески множества маленькихъ рыбъ. Веніаминъ заключилъ, что естьли рыбы питаются другъ другомъ, то и люди могутъ употреблять въ пищу животныхъ. Таковая Пиѳагорейская умѣренность сберегала казну ученика-типографщика, которую употреблялъ онъ на покупку книгъ, ибо чтеніе было первою и постоянною его страстію.

Вышедъ изъ отеческаго дома почти безъ денегъ, безъ одобрительныхъ писемъ, съ надеждою только на самаго себя, но гордясь своею независимостію, Франклинъ былъ игрою многихъ случаевъ, которые однако не могли поколебать его. Имѣя только шесть франковъ, никому неизвѣстный, утоляя жажду водою де Лавра, Франклинъ скитался

по улицамъ Филадельфіи. Кто могъ узнать въ семъ бѣдномъ работникѣ будущаго Законодателя Америки, одного изъ славнѣйшихъ философовъ? Кто могъ подумать, что тому, который не зналъ, куда приклонить голову, Европа воздвигнетъ нѣкогда памятники? —

Филадельфія не была предѣломъ несчастій Франклина. Онъ былъ тамъ обманутъ Губернаторомъ Кейтомъ, который всегда много обѣщалъ ему, но никогда не исполнялъ своихъ обѣщаній. Кейтъ выгодными предложеніями побудилъ его отправиться въ Лондонъ, куда и прибылъ онъ, но и тамъ обманулся въ своей надеждѣ. По счастію Франклинъ могъ жить ни отъ кого не завися. Искуство въ книгопечатаніи, въ которомъ тамъ никто не превосходилъ его, вскорѣ доставило ему занятіе, а воздержность и хорошее поведеніе пріобрѣли ему уваженіе товарищей. Такая о немъ слава существовала, еще 50 лѣтъ спустя въ Лондонскихъ типографіяхъ.

Мѣсто обѣщанное ему Г. Денгамомъ привело его въ 1726 году въ отечество. Здѣсь судьба готовила ему новое испытаніе: его

покровитель умеръ и несчастный Франклинъ, чтобъ пропитать себя, принужденъ былъ приняться за прежнее ремесло. Собственная опытность и пособіе друзей привели его въ возможность завести типографію и издавать газету. Сею эпохою начинаются успѣхи и счастіе Франклина, которое уже не оставляло его во всю жизнь. Вскорѣ онъ женился на дѣвицѣ Реадъ, къ которой давно уже имѣлъ склонность и которая заслуживала все его уваженіе. Участвуя въ попеченіяхъ о хозяйствѣ и въ благодѣяніяхъ своего мужа, она была примѣромъ для добродѣтельныхъ женщинъ и добрыхъ гражданокъ.

Наслаждаясь независимымъ состояніемъ, Франклинъ могъ наконецъ посвятить себя пользѣ общественной. Издаваемая имъ газета служила ему вѣрнымъ и постояннымъ способомъ къ просвѣщенію своихъ согражданъ. Онъ всевозможно старался здѣлать газету свою занимательною, и — ее всѣ весьма охотно читали. Можно утвердительно сказать, что она много содѣйствовала къ поддержанію тѣхъ добрыхъ нравовъ, кои и теперь еще отличаютъ жителей Пенсиль-

ванія. Но гораздо болѣе къ сему способствовало періодическое изданіе Франклина подъ названіемъ: *Календарь бѣднаго Рихарда или Рихардъ бѣдный человѣкъ.* Въ ономъ помѣщались правила бережливости и нравоученія и самыя высокія истинны выражены были языкомъ простымъ и для всѣхъ понятнымъ. Сіе сочиненіе Франклинъ издавалъ въ теченіи 20 лѣтъ и болѣе десяти тысячь экземпляровъ расходилось онаго каждогодно.

Вступивъ въ 1736 году на политическое поприще, Франклинъ сначала былъ Секретаремъ въ общемъ Совѣтѣ Пенсильваніи и должность сію занималъ многіе годы. Въ 1737 году Англинское Правительство поручило ему главное управленіе почтами въ Сѣверной Америкѣ. Будучи въ сей должности онъ здѣлалъ по сей части учрежденіе, прибыльное для казны и полезное для граждань, которое сверхъ того способствовало къ большему распространенію его газеты.

Не проходило ни одного года, въ который бы Франклинъ не предложилъ и не побудилъ къ произведенію въ дѣйство какихъ либо полезныхъ для колоній предположеній. Онъ завелъ пожарную команду, столь не-

обходимую въ сихъ странахъ, гдѣ всѣ почти домы деревянные; основалъ въ Филадельфіи Философическое общество, училище, завелъ библіотеку, устроилъ больницу и прочія полезныя заведенія. Въ 1744 году, будучи Представителемъ отъ города Филадельфіи въ общемъ собраніи, предложилъ планъ образованія Земскаго войска и вооружилъ десять тысячь воиновъ. Франклинъ отказался отъ предлагаемаго ему начальства надъ оными и началъ службу простымъ солдатомъ. Когда нужны были деньги на строеніе крѣпостей, и незнали откуда достать оныхъ, Франклинъ употребилъ лотерею, имъ первымъ тамъ введенную. Въ званіи представителя былъ онъ десять лѣтъ.

Въ 1754 году выбранъ членомъ знаменитаго конгресса въ Альбани, на коемъ разсуждали о мѣрахъ, воспрепятствовать нападенію Французовъ. Онъ представилъ въ оный свой славный *планъ союза и защищенія*, который хотя и былъ принятъ конгрессомъ; но въ Лондонѣ правленіемъ колоній отвергнутъ, подъ предлогомъ, будто бы былъ напитанъ духомъ демократіи. *Послѣдствія* доказали, что еслибъ послѣдовали се-

му плану, колоніи не подверглись бы бѣдствіямъ войны, вскорѣ начавшейся. Франклинъ въ сей войнѣ исполнялъ многія важныя порученія: защищалъ Сѣверо-Западныя границы Пенсильваніи, строилъ крѣпости и вооружалъ войско. По возвращеніи же изъ Филадельфіи принялъ начальство надъ однимъ полкомъ. Рвеніе ко благу согражданъ и твердость характера пріобрѣли ему уваженіе и отъ Англичанъ. Споръ съ Губернаторомъ, не хотѣвшимъ дать согласія на опредѣленіе, о взыскиваніи податей съ фамиліи Пеппа, владѣтеля земли въ Пенсильваніи, отказавшейся платить оныя, побудилъ его отправиться въ Лондонъ въ качествѣ Депутата, откуда и возвратился съ успѣхомъ, одержавъ верхъ надъ сею сильною фамиліею.

Во время войны за независимость, бывъ отправленъ въ качествѣ посла во Францію, Франклинъ оказалъ еще болѣе искуства въ успѣшномъ отправленіи таковыхъ порученій. Во Франціи казался онъ всѣмъ Философомъ, огорченнымъ смятеніями отечества, который встрѣчая вездѣ волненія, пришелъ искать спокойнѣйшаго убѣжища. Пребываніе въ Парижѣ было торжествомъ

для Франклина: вездѣ, гдѣ только онъ показывался, народъ стекался толпами, радостные клики и рукоплесканія сопровождали его повсюду. Получивъ аудіенцію у Короля и исполнивъ всѣ порученія согражданъ, возвратился онъ въ отечество, гдѣ и былъ принятъ какъ освободитель.

При всѣхъ сихъ, столь трудныхъ Государственныхъ должностяхъ, Франклинъ находилъ время заниматься науками, и почитается однимъ изъ преобразователей и распространителей оныхъ. Не получивъ отъ родителей хорошаго воспитанія, Франклинъ получилъ отъ природы геній. Не имѣя усовершенствованныхъ машинъ по отдаленности отъ Европы, руководимый одною опытностію и умомъ, Франклинъ здѣлалъ важныя открытія въ Физикѣ. Онъ замѣтилъ сходство между дѣйствіями грома и дѣйствіями електричества, и опытомъ доказалъ оное, открылъ причину молніи. Но геній его симъ недовольствовался: ему пришла дерзновенная мысль попытаться отвращать ея удары. Франклинъ полагалъ, что желѣзный прутъ можетъ возобновить сообщеніе между тучею и предметомъ, и на-

ходясь на влажной землѣ, отводить удары молніи. Опыты оправдали его предположеніе и человѣкъ получилъ силу обезоруживать небо. Изобрѣтеніе *отводовъ* принесло великую славу изобрѣтателю. Америка и Англія первыя ввели оные въ употребленіе, а вскорѣ и вся Европа. Кромѣ Физики, Франклинъ занимался и другими науками. Онъ изобрѣлъ *хозяйственную* печь, его философическое разсужденіе о средствахъ воспрепятствовать накопленію сажи въ трубахъ и о преимуществѣ мѣдныхъ крышъ, всегда будутъ имѣть цѣну въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ домостроителей.

Наконецъ преклонность лѣтъ и слабость здоровья принудили Франклина оставить всѣ занятія и отказаться отъ всѣхъ Государственныхъ должностей, кои отправлялъ онъ съ такою славою. Онъ поселился съ своимъ семействомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за 60 лѣтъ предъ симъ скитался безъ прибѣжища, и завелъ тамъ типографію и фабрику для литія буквъ. Изъ содержателя типографіи сдѣлался онъ Посланникомъ, оставивъ сіе званіе, возвратился къ прежнимъ своимъ любимымъ занятіямъ. На-

учивъ Г. Баха, своего племянника искуству книгопечатанія, онъ побудилъ его къ полезному предпріятію напечатать всѣхъ образцовыхъ Авторовъ по части нравоученія, и продавать ихъ низскою цѣною, дабы всякій, желающій пріобрѣсть познанія и содѣлаться полезнымъ согражданамъ, могъ имѣть къ тому удобныя и вѣрнѣйшія средства.

Среди сихъ благодѣтельныхъ занятій сей великій мужъ ожидалъ покойно смерти. О философіи Франклина можно судить изъ слѣдующаго письма его къ Гжѣ Гюббартъ своей невѣстѣ, которымъ извѣщаетъ онъ о смерти своего брата Ивана Франклина:

Любезная моя!

„Я раздѣляю твою печаль; мы лишились „родственника, столь намъ любезнаго. Но „природѣ и Богу угодно, чтобы душа, го„товая вступить въ жизнь дѣйствитель„ную, оставляла сіе бренное тѣло, ибо „здѣшняя жизнь, есть, такъ сказать, еще „приготовленіе къ жизни. Человѣкъ ра„ждается для того, чтобъ умереть. Мы „духи: — Тѣло дано намъ для того только, „чтобъ доставлять удовольствіе, способ„ствовать къ пріобрѣтенію познаній, или

„помогать себѣ подобнымъ: ето дѣйствіе „благости Божіей. Богъ также оказываетъ „намъ милость, избавляя насъ отъ тѣла въ „то время, когда оно вмѣсто удовольствія „причиняетъ печаль, когда вмѣсто того, „чтобъ быть полезными другимъ, мы бываемъ „имъ въ тягость. И такъ смерть есть благо„дѣяніе Божества; мы сами часто предпо„читаемъ смерть несчастіямъ; такъ мы „отсѣкаемъ тотъ членъ, которой уже не„льзя изцѣлить. Оставляя тѣло, мы ос„вобождаемся отъ всѣхъ скорбей. Другъ „нашъ и мы будемъ причастны удовольствію, „которое продлится вѣчно. Онъ отправил„ся первый; для чего же соболѣзнуемъ о „немъ, зная, что и мы вскорѣ за нимъ по„слѣдуемъ, что и мы соединимся съ нимъ.“

Послѣдніе дни своей жизни Франклинъ провелъ въ спокойномъ ожиданіи. За три дня до смерти онъ велѣлъ приготовить себѣ постелю, чтобы умереть (какъ онъ самъ говорилъ) *приличнымъ образомъ*. Жестокая каменная болѣзнь, коею страдалъ онъ безпрестанно въ теченіи цѣлаго года, заставила его желать скорѣе конца мученіямъ. Чтобъ нечувствовать оной, онъ

часто принималъ опіумъ. Когдаже боль нѣсколько утихала, Франклинъ опять бывалъ веселъ, разговаривалъ съ друзьями и семействомъ, занимался дѣлами Государственными и частными, не упуская ниодного случая дѣлать добро, и всегда охотно: таковъ былъ его характеръ. Онъ оживлялъ разговоры шутками, острыми словами, анекдотами, отъ сего бесѣда съ нимъ всегда была пріятна.

За шестьнадцать дней до смерти Франклинъ занемогъ лихорадкою, чувствуя боль въ легкомъ и одышку, что заставляло его иногда жаловаться, но онъ боялся казаться нетвердымъ. Всегда въ сильныхъ выраженіяхъ изъявлялъ онъ свою благодарность небу, возвысившему его изъ низкаго состоянія на столь высокую степень счастія и славы. Хотя одышка прошла и домашніе льстились увидѣть его опять здоровымъ, но онъ не имѣлъ уже надежды. Вскорѣ открылась настоящая болѣзнь его, воспаленіе въ легкомъ, дыханіе стѣснялось болѣе и болѣе, онъ слабѣлъ примѣтно и наконецъ, впавъ въ забывчивость, умеръ 17 Апрѣля 1790 года.

Погребенiе сего великаго мужа происходило со всѣми почестями, какiя только свободный народъ можетъ воздать одному изъ своихъ освободителей и благодѣтелей рода человѣческаго. Всѣ корабли, бывшiе въ пристани, даже и Англинскiе подняли до половины флаги. Губернаторъ, весь Совѣтъ, Законодательное Собранiе, Судьи и всѣ Политическiя и Ученыя Общества сопровождали тѣло его къ могилѣ. Никогда еще не стекалось столько гражданъ: зрителей было болѣе 20.000. Ихъ важность, молчанiе, печаль, начертанная на всѣхъ лицахъ, доказывали сколь велика была горесть о сей потерѣ.

На гробницѣ Франклина по его желанiю вырѣзана была слѣдующая Епитафiя, имъ самимъ сочиненная за 40 лѣтъ предъ смертiю.

„Тѣло Венiамина Франклина, содержа-
„теля типографiи, какъ бы оберткa ста-
„рой книги, которой листы выдраны а по-
„золота и украшенiя слиняли, лежитъ здѣсь,
„пища червей; но самое сочиненiе не ис-
„требится а выйдетъ въ новомъ и луч-

„шемъ. изданіи, исправленномъ и пересмо„трѣнномъ Авторомъ."

Въ Духовной своей Франклинъ отказалъ часть имѣнія городу Бостону, Академіямъ, Университетамъ и прочимъ учебнымъ заведеніямъ. Дѣлая добро всѣмъ при жизни, Франклинъ и по смерти ощастливилъ многихъ!

Д. Сахаровъ.

СЕМЕЙСТВЕННЫЙ РОМАНЪ.

ГЛАВА I.

Осужденіе на смерть.

„Исторія женщины есть всегда романъ," сказала Г. Честонова, читая какую-то книжку, и пораженная сею нечаянною мыслію, остановилась. Слышишь ли, Евгенія? прибавила она обратясь къ своей дочери, которая сидѣла противъ нее, усердно занимаясь работою.

Какъ это? Маминька, спросила Евгенія, прошу васъ прочитайте нѣсколько дальше.

Не стоитъ того, мой другъ, ты не повѣришь какая это скучная книга. Одна эта мысль въ шестнадцати страницахъ и та не принадлежитъ автору. Посмотримъ что скажутъ новые романы, присланные книгопродавцемъ.

И Евгенія подала ей большую связку книгъ.

История женщины есть всегда романъ! повторяла Г. Честонова пересматривая книги. Что ты объ этомъ скажешь дочь моя?

Что мнѣ сказать, любезная маминька, история моей жизни, продолжала Евгения улыбаясь, еще такъ не занимательна, что читая ее какъ романъ, всякой долженъ почувствовать ужаснѣйшую скуку.

Это правда: жизнь семнадцатилѣтней дѣвушки по большей мѣрѣ можетъ занять не болѣе одного заглавнаго листа въ романѣ.

И того очень много, примолвилъ Г. Честонъ, входя въ бесѣдку, въ которой мать и дочь занималась каждая своимъ дѣломъ. Первый листъ не рѣдко содержитъ начало горестнаго повѣствования.

Смотри пожалуй, насъ подслушали! Вскричала Г. Честонова съ такимъ видомъ, которой и посредственному наблюдателю сказалъ бы, что въ супружествѣ Термометръ нѣжности доходитъ иногда до точки замерзания!

Какая же остроумная книга, спросилъ Честонъ, даетъ поводъ къ такимъ поучительнымъ разговорамъ.

Что тебѣ до этого? отвѣчала Г. Честонова съ холодностію.

Честонъ, пересматривая по заглавіямъ нѣкоторые романы, читалъ: *Любовь и разсудокъ.* — Невѣроятное соединеніе! Развѣ въ заглавіи какой либо книги уживутся они! *Любовь и честь.* — Въ какомъ почтенномъ сообществѣ нахожу я здѣсь любовь: *Воспитанныя и не воспитанныя женщины.* — Видно Авторъ сей книги былъ большой насмѣшникъ! *Домашнее благополучіе.* — Старина! *Тайна и довѣренность.* — Тайна нѣкотораго семейства! — *Точный смыслъ.* — Въ романѣ?

Кончишь ли ты свой остроумной разборъ? съ досадою сказала Г. Честонова. Жаль, что всѣ сіи превосходныя замѣчанія не напечатаются для успѣха общаго просвѣщенія.

Странно продолжалъ Г. Честонъ, что ни кто не отважится написать романа безъ любви!

Совѣтую тебѣ предпринять этотъ трудъ, отвѣчала насмѣшливо Г. Честонова. Ты совершилъ бы его съ большимъ успѣхомъ. Ха, ха, ха! Романъ безъ любви!

Какъ знать, что еще случится! Еслижъ попадется тебѣ подобное сему, и ты будешь имѣть терпѣніе дочитать его, то уже не обманешься въ сочинителѣ. Однако, говоря безъ шутокъ: ты одна читаешь этѣ рѣдкости? Надѣюсь, что Евгенія въ томъ не участвуетъ.

Ужели ты думаешь, что я позволю ей заниматься вредными книгами?

Другъ мой, много есть вещей, кромѣ ядовитыхъ растѣній, которыхъ опасность не всякому извѣстна.

Батюшка! сказала Евгенія, если вамъ угодно, я ни одной книги изъ этихъ не стану читать.

Гжа. Честонова хотѣла устремить на нее взоръ укоризны, но удержалась, когда мужъ ея съ кротостію сказалъ:

Любезная Евгенія, пользуйся всемъ, что тебѣ мать твоя предложитъ, я увѣренъ въ ея осторожности.

И тѣмъ заключилось перемиріе.

,,Я принужденъ буду оставить васъ на нѣкоторое время, сказалъ Г. Честонъ послѣ минутнаго молчанія, сей часъ получилъ

я письма, которыя по дѣлу отзываютъ меня въ столицу.“

Долго ли продлится отсутствіе твое?

„Можетъ быть недѣль шесть.“

Не долѣе!...

„Никогда, другъ мой, не разлучался я съ вами на столь долгое время. Какъ я буду о васъ вспоминать!“

Тѣмъ пріятнѣе будетъ свиданіе, отвѣчала Г. Честонова съ притворною горячностію, которая охлаждаетъ сердце скорѣе, чѣмъ жесточайшая стужа.

Любезная Евгенія, продолжала она, когда мужъ ея удалился, печальна участь женщины, когда не хотятъ понимать ее, и когда суровое хладнокровіе другаго подавляетъ нашу чувствительность.

Что побуждаетъ васъ, любезная маминька, къ такому замѣчанію!

Ахъ, дочь моя! Дай Богъ, чтобъ никогда не имѣла ты причины дѣлать подобныхъ замѣчаній!.... Отецъ твой заслуживаетъ по многимъ душевнымъ качествамъ полное уваженіе, и могу ли я винить его, что онъ не способенъ раздѣлять чувствъ и движеній женскаго сердца?

Повѣрьте, маминька, онъ умѣетъ цѣнить и дорожить достоинствами любимой супруги.

Разговоръ прервался. Гжа. Честонова вспомнивъ насмѣшки своего мужа на счетъ ея *пріятнаго* занятія, на перекоръ ему схватила первый попавшійся на глаза романъ, и со всемъ усердіемъ принялась читать, пока (въ концѣ первой части) солнце благополучія нѣжнѣйшей четы не скрылось *въ морѣ горчайшихъ слезъ*.

ГЛАВА 2.

Избранный герой.

Спустя два дня послѣ сего Г. Честонъ уѣхалъ. Уединеніе сельской жизни оживлялъ онъ своимъ присутствіемъ, разговорами и разными пріятными занятіями; но по отъѣздѣ его мать и дочь ощутили вскорѣ ужасную пустоту, и чрезъ нѣсколько дней искали уже разсѣянія въ сосѣдственномъ городкѣ, которой обѣщалъ имъ разнообразіе общежитія. Въ первое по прибытіи ихъ воскресенье, избраннѣйшее общество изъ всѣхъ

окрестныхъ мѣстъ съѣхалось на балъ. Пригожій и видный собою Аглаевъ, Маіоръ недавно возвратившійся съ полей битвы во всемъ блескѣ славы, отличался на ономъ какъ яркая звѣзда на горизонтѣ. Давно уже онъ душевно отдавалъ справедливость красотѣ Евгеніи, и имѣлъ случай замѣтить, что невинная дѣвушка смотрѣла на него не безъ удовольствія, и что Гжа. Честонова къ нему довольно была благосклонна. Уже нѣсколько недѣль искалъ онъ средства познакомиться съ Г. Честономъ, коему молва приписывала весьма строгія правила и большую разборчивость въ выборѣ знакомства. Теперь на балѣ представился ему благопріятнѣйшій случай къ достиженію его желанія. Гжа. Честонова была весьма довольна услужливостью ловкаго Маіора, и на изъявленное желаніе посѣтить ее, не замедлила удостоить ласковымъ приглашеніемъ. Будучи матерью взрослой уже дочери, она имѣла еще довольно легкомыслія, чтобы слушать похвалы своей красотѣ. Аглаевъ, смѣкнувшій въ умѣ своемъ, что подъ ея защитою побѣдитъ онъ всѣ трудности, до такой степени былъ къ ней услужливъ, что можно было отне-

сти его старанія не къ желанію снискать любовь Евгеніи, но къ самой Гжѣ. Честоновой. Не замѣдлилъ онъ воспользоваться здѣланнымъ приглашеніемъ. Гжа. Честонова, которой онъ умѣлъ себя выказать съ выгодной стороны для романовъ, успѣла уже начертить въ воображеніи своемъ длинный рядъ привлекательныхъ явленій. Если она и не ставила себя героинею семейственнаго романа, то по крайней мѣрѣ возхищалась тѣмъ, что всѣ дѣйствія онаго совершатся подъ ея руководствомъ. Вспомоществуя молодымъ любовникамъ и поступая вопреки своему мужу, она напередъ уже выбрала для него изъ романовъ всѣ знакомыя черты гордыхъ, суровыхъ отцовъ. Какія привлекательныя положенія, какая трогательная перемѣна счастія, въ будущемъ представлялась ея воображенію.

ГЛАВА 3.

Минное искуство.

Не прошло и шести недѣль, какъ Аглаевъ овладѣлъ сердцемъ неопытной дѣви-

цы и вкрался въ полную довѣренность матери. Честонъ по возвращеніи своемъ изумился, найдя короткимъ собесѣдникомъ жены и дочери своей человѣка, съ которымъ онъ до того времени встрѣчался не болѣе двухъ разъ. Аглаевъ былъ довольно проницателенъ, чтобы замѣтить это впечатлѣніе, и придумывалъ всевозможныя средства къ сбереженію правъ, данныхъ ему легкомысліемъ матери, въ чемъ однакожъ предвидѣлъ большія затрудненія.

Г. Честонъ, оставшись наединѣ съ своею женою, спросилъ ее: кто ввелъ сюда молодаго Офицера?

Надѣюсь, отвѣчала она, что присутствіе его въ домѣ нашемъ не будетъ для тебя противно. По его званію и отличнымъ заслугамъ имѣетъ онъ повсюду хорошій пріемъ.

Все это прекрасно, но мнѣ жаль, что ты не чувствуешь, какъ не пристойно въ отсутствіи моемъ заводить такое короткое знакомство.

Будь увѣренъ, что мнѣ нечемъ упрекнуть себя въ оскорбленіи приличія во время сего знакомства.

Вѣрю, вѣрю, сказалъ Честонъ рѣшительно; но я требую, чтобы ты и дочь твоя были въ такомъ случаѣ скромны и до крайности осторожны.

Эти слова заставили задуматься Гжу. Честонову. — Аглаевъ въ первые восемь дней не являлся; а наконецъ посѣтилъ одного Г. Честона, и холодный пріемъ доказалъ ему очень ясно, что въ начертаніи своего плана атаки сдѣлалъ онъ большую погрѣшность.

Въ такихъ не благопріятныхъ обстоятельствахъ начиналъ онъ сомнѣваться въ удачѣ своего предпріятія; какъ вдругъ Гжѣ. Честоновой пришла охота, подобно ему, испытать себя въ минномъ искуствѣ. Участвовать въ сей небольшой тайнѣ ей чрезвычайно нравилось, и запутанность маленькаго романа имѣла для нее непреодолимую прелесть. Вскорѣ она до такой степени забылась, что тайно отъ мужа позволяла Аглаеву видѣться съ Евгеніей, правда что она всегда присутствовала при ихъ свиданіяхъ и не помышляла объ опасностяхъ, коимъ подвергала чрезъ то себя и дочь свою. Если случались такія минуты, когда

обязанность матери представлялась ей во всей силѣ; или когда возможность излишней смѣлости со стороны молодаго человѣка напоминала ей, чемъ обязана она достоинству матери, тогда успокоивалась она тѣмъ, что при всякомъ случаѣ въ ея воли отвратить опасность. Безразсудная не помышляла, что зло слишкомъ глубоко вкоренилось, и что она сама представила любовникамъ средства хранить тайну ихъ и безъ ея соучастія, и что еслибъ послѣ всего того рѣшилась она воспретить имъ взаимное свиданіе, то отважный любовникъ и прекрасная Евгенія сыскали бы къ тому случай безъ большаго затрудненія, и что она по неволѣ обязана была къ снисходительности и молчанію.

ГЛАВА 4.

Запутанность романа.

Вскорѣ начала она страшиться негодованія своего мужа, который, казалось, весьма строго сталъ наблюдать за нею, и не рѣдко съ намѣреніемъ дѣлалъ небольшія по-

ѣздки, чтобы нечаяннымъ возвращеніемъ увѣриться въ подозрѣніи своемъ. Легкомысліе завлекало ее непримѣтно далѣе и далѣе. Разными способами старалась она выводить себя изъ замѣшательства, прикрывать погрѣшность свою личиною притворства, и опасаясь быть обнаруженною, принуждена была употреблять хитрость за хитростію, къ чему съ начала довели ее только праздность и легкомысліе.

Домашнее благополучіе и супружеское спокойствіе уже готовы были нарушиться. Если Гжа. Честонова, въ заблужденіи своемъ принимала добродѣтельнаго мужа за строгаго судью, когда онъ съ крайнею впрочемъ осторожностію намѣкалъ что-либо о вѣтрености; то теперь уже очень основательно могла опасаться негодованія оскорбленнаго отца и супруга, и въ минуты размышленія не могла скрыть отъ себя, что она сіе заслуживала.

Аглаевъ оставался твердъ въ честности своихъ намѣреній на щетъ Честоновой дочери; но по недостаточному состоянію онъ не находилъ иныхъ средствъ къ проложенію себѣ дороги въ свѣтѣ, кромѣ на-

дежды и своей сабли. А потому сомнѣваясь въ согласіи Г'на. Честона на соединеніе его съ Евгеніей онъ неспѣшилъ съ нимъ объясняться. Впрочемъ имѣя довольно тщеславія, суетности и самое пылкое сердце, могъ ли онъ отвѣчать, до чего могутъ завлечь его сіи качества при двадцати трехъ лѣтней молодости? Евгенія рождена была увеличить сію опасность. Излишнее снисхожденіе матери весьма рано допустило созрѣть чувствованія юнаго сердца. Собственная неосторожность и неослабныя исканія пригожаго молодаго Офицера, довели ее до того, что она непремѣнно долженствовала склониться на чью-либо сторону; безъ сомнѣнія все влекло ее на сторону угождающей матери, которая старалась отклонить ее отъ отца; и хотя Евгенія съ самаго дѣтства привыкла любить и почитать родителя; но какъ его часто упрекали въ строгости и упорствѣ въ своихъ мнѣніяхъ, то мудрено ли, что она начала бояться его, и подавляла въ робкомъ сердцѣ своемъ каждое движеніе дѣтской довѣренности.

ГЛАВА 5.

Роковое письмо.

По предварительному распоряженію матери, для лучшаго сохраненія тайны встрѣчалъ Г. Честонъ Маіора не иначе, какъ въ собраніяхъ сосѣдственнаго городка, гдѣ Аглаевъ, благоразумно обладавшій собою, оказывалъ Евгеніи одну обыкновенную учтивость, на которую всякая пригожая и благовоспитанная дѣвица имѣетъ полное право; а притомъ къ ея матери относился съ надлежащимъ почтеніемъ. Но Гжа Честонова не имѣла столько власти надъ собою, чтобы скрывать излишнюю благосклонность свою къ миловидному Маіору, и не подать вида взаимнаго ихъ согласія. Почему женщины, преимущественно же тѣ, кои страдая подъ бременемъ, лѣтъ, были не такъ уже привлекательны какъ Гжа Честонова, со всемъ вѣроятіемъ предположили и даже злобно разнесли слухъ, будто Маіоръ Аглаевъ въ особенной милости у Гжи Честновой! не было также недостатка въ услужливыхъ людяхъ, пекущихся о добромъ имяни и спокойствіи бли-

жняго, которые полагали оказать большую услугу обольщенному мужу, открывъ ему глаза и разсказавъ ему свои догадки и общіе слухи на щетъ его домашнихъ произшествій. Склонному и безъ того уже къ подозрѣнію, сего было слишкомъ достаточно, чтобы почувствовать всю силу ревности и гнѣва.

Въ такомъ расположеніи духа возвратясь однажды домой, увидѣлъ онъ, что ѣздовой Аглаева быстро поскакалъ со двора его Горничная съ полученнымъ письмомъ спѣшила взбѣжать на крыльцо, но Г. Честонъ догналъ ее. Къ кому это письмо? — Къ Гжѣ. Честновой, отвѣчала горничная съ трепетомъ. Хорошо, я самъ отдамъ его женѣ моей, сказалъ онъ, и спѣшилъ въ комнату Гжи. Честоновой; между тѣмъ какъ горничная, удивленная новымъ повѣреннымъ госпожъ своихъ, съ недоумѣніемъ смотрѣла ему въ слѣдъ.

Письмо къ тебѣ, отъ Маіора, Аглаева! сказалъ Честонъ входя въ комнату.

При сихъ нечаянныхъ словахъ блѣдность покрыла лице ее, но въ туже минуту придя въ себя, она вырвала письмо изъ рукъ Г. Честона, сказавъ съ притворныаъ него-

-дованіемъ: *ко мнѣ?* Какъ онъ *смѣетъ ко мнѣ* писать? и въ мигъ изорвала письмо на мѣлкія часпи.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее Г. Честонъ. Я оскорбилъ бы тебя, еслибъ подумалъ, что *смѣлость* сія есть весьма обыкновенное слѣдствіе неосторожнаго позволенія.

Позволенія! Что ты хочешь этимъ сказать?

И ты еще спрашиваешъ послѣ всего, что случилось, и что можетъ быть опять. . . .

Гжа Честонова устремила на него взоръ исполненный безпокойства, и въ замѣшательствѣ потупила снова его.

Я вижу, продолжалъ онъ, не давъ ей приготовиться къ отвѣту, что тебя ужасаетъ мысль, о предосудительныхъ толкахъ злословія.

При сихъ словахъ Евгенія вошла въ комнату, имѣя въ одной рукѣ швейной ящичекъ, а въ другой книжку, которую она положила въ шкапъ своей матери. Г. Честонъ смягчилъ тотчасъ суровость своего взгляда, чтобы скрыть отъ нее непріят-

ность между имъ и его женою произшедшую.

Съ принужденною улыбкой взглянулъ онъ въ книжной шкапъ. Новой запасъ! сказалъ онъ. О, какъ поучительна эта правая сторона! *Молитвенники*, *Священное писаніе*, *Домашняя Экономика*, *Наставленіе о воспитаніи дѣтей*, все такъ чисто и опрятно, какъ будто сей часъ отъ переплетчика! Здѣсь же по лѣвую руку осужденныхъ: *Вольные* и *Чувствительные романы*, которые однако ведутъ къ одной и той же цѣли,— всѣ такъ повытерты, преисполнены закладокъ и замѣчаній . . . . На сихъ дняхъ я займусь твоимъ чтеніемъ, Евгенія! присовокупилъ Честонъ, ты получишь отъ меня нѣкоторыя книги, весьма удобныя для твоего швейнаго ящичка.

ГЛАВА 6.

БУДЕТЪ ИЛИ НЕ БУДЕТЪ.

Негодованіе отца дало причину раздраженной матери, оставшейся наединѣ съ Евгеніею, сѣтовать о судьбѣ женщины, ко-

ей *невинныя* наслажденія преслѣдуются съ такою строгостію. Узнала и Евгенія о печальномъ произшествіи письма, но не предвидѣла еще горестнаго послѣдствія, которое должно было совершиться. — Съ общаго согласія матери съ дочерью положено было, сдѣлать Г. Аглаеву выговоръ за его неосторожность. Чтожъ содержало въ себѣ это роковое, изодранное письмо? Кусочки его были тщательно подобраны одинъ къ другому искусно приставлены, и снова переставлены; и наконецъ съ трудомъ не болѣе могли разобрать, какъ: *Сегодня вечеромъ въ семь часовъ.*

Этаго еще не доставало! Вскричала Гжа. Честонова: онъ намѣренъ пожаловать сегодня вечеромъ сюда!

Евгенія снова старалась собрать нѣсколько отрывковъ; и прочла: *въ саду*...

Ужасная неосторожность! Онъ будетъ искать васъ въ саду. — Что намъ дѣлать! Уже 6 часовъ пробило: теперь и подумать не льзя извѣстить его о происшедшемъ. Такъ восклицала мать.

Не буду — прочла опять Евгенія.

Само небо внушило ему эту добрую мысль! заключила Гжа. Честонова. Между тѣмъ, не довѣряя обманчивой надеждѣ, и какъ подобранные кусочки письма ничего болѣе не объясняли, то положено было отправить вѣрную наперсницу на дорогу, ведущую въ городъ, съ тѣмъ, что если усмотритъ она Аглаева, то увѣдомила бы его о всемъ у нихъ случившемся. Долго прохаживалась служанка по тѣнистой алеѣ, ведущей на большую дорогу; тщетно устремляла она во всѣ стороны черные, свѣтлые глаза свои: знакомый всадникъ не являлся; когдажъ на колокольнѣ ударило семь, пустилась она поспѣшно отъ сего неудачнаго посольства въ обратный путь.

ГЛАВА 7.

Неудачное посѣщеніе.

Чтобы избѣгнуть тягостнаго люся, влюбленный Маіоръ, избралъ на сей разъ дорогу чрезъ лѣсъ, и вскорѣ послѣ назначеннаго часа явился предъ задними дверями сада. Тоже самое писалъ онъ въ письмѣ своемъ, при-

бавляя къ прочитанному, что онъ въ таномъ только случаѣ *не будетъ*, если посланной увѣдомитъ его о возвращеніи Г. Честона. Ѣздовой, ничего сомнительнаго не слыхавшій отъ горничной, и не видавъ совсѣмъ господина ея, прискакалъ съ добрымъ извѣстіемъ; и Аглаевъ пустился въ дорогу въ сопровожденіи надежды и любви. Удивляясь, что не встрѣчаетъ того, кто его обыкновенно ожидалъ, сошелъ онъ съ лошади, привязалъ ее къ дереву, и вошелъ въ дверь, которая чуть была притворена. Гжа. Честонова, терзаемая безпокойствомъ, въ семь часовъ пошла въ садъ, чтобы немедленно отправить обратно Маіора, еслибъ онъ какъ нибудь явился, а дочь оставила дома съ приказаніемъ, занять и сколько можно задерживать отца. Но случай неблагопріятный ея намѣреніямъ въ самую ту минуту удалилъ Г. Честона, когда Евгенія съ трепещущимъ сердцемъ подходила къ дверямъ его комнаты. Желая ближайшимъ путемъ достигнуть лѣса, задумавшись шелъ онъ вдоль садовой стѣны, какъ вдругъ съ удивленіемъ видитъ привязанную къ дереву верьховую лошадь. Оттолкнувъ ногою незапер-

шую дверь сада, видитъ онъ Маiора, который прощаясь съ Гжею. Честоновой, цѣловалъ у ней руку. Съ бѣшенствомъ взглянулъ онъ на обоихъ. Жена его безъ чувствъ упала на ближайшую скамью: Аглаевъ же въ замѣшательствѣ, безъ всякой связи едва могъ выговорить, что мимоѣздомъ желалъ освѣдомиться о возвращенiи Г. Честона, имѣя нѣчто важное съ нимъ переговорить.

Такъ, Г. Маiоръ, мы переговоримъ съ вами! отвѣчалъ съ жаромъ Честонъ, вы скоро услышите какъ и гдѣ. Простите! — Потомъ обернулся онъ къ женѣ своей, которая въ безпамятствѣ лежала на скамьѣ. Аглаевъ удалился изъ сада, и въ это время пришла Евгенiя. Отецъ ея приказалъ ей позвать горничную, которая возвратилась изъ своего безплоднаго путешествiя, и спѣшила съ помощiю людей, отнести домой свою госпожу, находившуюся еще въ безпамятствѣ.

Вскорѣ послѣ того отправилъ Г. Честонъ нарочнаго въ городъ съ письмомъ, въ коемъ вызывалъ онъ Маiора на поединокъ, слѣдующаго утра въ 7 часовъ, назначая мѣстомъ свиданiя лѣсъ позади своей деревни.

ГЛАВА 8.

Согрѣшили.

Когда Гжа Честонова пришла въ память и увидѣла себя въ объятіяхъ плачущей дочери, тогда она почувствовала въ полной мѣрѣ мучительное свое состояніе, и тѣмъ больше страдала, что сама была виною несчастія. Въ раскаяніи, хотѣла она во всемъ открыться мужу, но не имѣя силъ итти къ нему, приказала попросить его къ себѣ. „ Завтрѣшнее утро услышитъ она обо мнѣ„ былъ отвѣтъ Честона; и вмѣстѣ съ тѣмъ сказали ей, что онъ заперся въ своей комнатѣ, и не хочетъ никого видѣть. Вскорѣ послѣ того горничная принесла извѣстіе, что отправленъ въ городъ слуга съ письмомъ. Можно представить себѣ съ какимъ безпокойствомъ опасалась Гжа Честонова пагубныхъ слѣдствій отъ несчастнаго сего произшествія. Она была увѣрена, что мужъ ея незнаетъ о связи Аглаева съ ея дочерью, но что подозрѣнія его собственно на нее падаютъ.

Рѣшившись на все, лишь бы поправить слѣдствія своей безразсудности, и снова возстановить нарушенное съ мужемъ согласіе, съ безпокойствомъ ожидала она утра, и между тѣмъ старалась убѣдить Евгенію пожертвовать своею склонностію для укрощенія справедливаго негодованія отца. Въ половинѣ седьмаго часа осѣдланы были двѣ верьховыя лошади, и Честонъ приказалъ позвать къ себѣ Евгенію. Я иду вмѣстѣ съ тобою! сказала Гжа Честонова съ отчаяніемъ, и бралась уже за дверь, какъ вдругъ увидѣла въ окно въѣзжающаго на дворъ Аглаева.

Въ минуту Аглаевъ былъ въ комнатѣ Г. Честона, который, думая встрѣтить Евгенію, отворилъ двери. Г. Маіоръ! сказалъ онъ ему съ мрачнымъ видомъ, въ домѣ моемъ не имѣю я до васъ никакого дѣла. Прошу васъ оставить мнѣ одну минуту для свиданія съ дочерью, и я готовъ. — Государь мой, прервалъ его Аглаевъ приближась къ нему съ почтительностію, три рубца на лицѣ моемъ свидѣтельствуютъ, что я не робѣлъ въ сраженіяхъ; но ни за какую цѣну не хотѣлъ бы я встрѣтить васъ

шамъ, гдѣ вы назначили наше свиданіе; и могу ли я помыслишь поднять руку на отца милой, прекрасной Евгеній, на отца той, въ которой я полагаю щастіе моей жизни, и которой взаимное расположеніе . . . . . — Вы говорите о моей дочери? спросилъ его Честонъ, удивясь чистосердечному и неожиданному признанію, и смотря ему пристально въ глаза. — О вашей дочери, о той, которой по силѣ чувствъ моихъ я не совсемъ не достоинъ. Умоляю васъ, не взыскивайте слишкомъ строго за то, что я такъ долго таился предъ вами!

Въ сильномъ движеніи духа вбѣжала Гжа. Честонова въ комнату и хотѣла кинуться въ объятія своего мужа, но пораженная суровымъ взглядомъ его — она почти лишилась чувствъ и остановилась неподвижно. Евгенія повергласъ къ ногамъ своего отца, и обливая горячими слезами руку его, взорами умоляла его.

ГЛАВА 9.

РАСКАЯНІЕ.

Вы говорите, что любите дочь мою? повторилъ Гнъ Честонъ смотря на жену свою, и взоръ его становился яснѣе.

Гжа Честонова подошла къ нему, и съ трепетомъ взяла его за руку. Прости мнѣ, другъ мой, сказала она, чувствую несправедливость свою. Прости мнѣ за минувшее отсутствіе моей къ тебѣ довѣренности.

И ты, Евгенія, сказалъ отецъ болѣе съ прискорбіемъ нежели съ упрекомъ, заключивъ ее въ объятія свои, и ты могла такъ долго таиться отъ отца твоего?.....

М. Г. прервалъ его Аглаевъ, несчастное стеченіе обстоятельствъ упредило искреннее мое признаніе..... Но молчаливость моя не была слѣдствіемъ какого либо дурнаго умысла или моего къ вамъ недовѣрія: отлагая день за день объясненіемъ, я не умышленно оскорбилъ васъ, и сдѣлался причиною несогласія въ вашемъ семействѣ; однимъ словомъ, я всему виною, и вы не можете осуждать меня за несчастную мол-

чаянвость такъ строго, какъ я самъ себя за нее укоряю.

Г. Маіоръ, отвѣчалъ Честонъ, зная съ какимъ благородствомъ души служили вы отечеству, я немогу приписывать вамъ низкаго образа мыслей? Вы были свидѣтелемъ такихъ явленій въ моемъ домѣ, послѣ которыхъ не можете быть для меня чужды, и думаю, что узнавая васъ короче, я не въ силахъ буду отказать вамъ въ моей довѣренности и уваженіи, но въ сію минуту, не могу вамъ ничего болѣе сказать.

Аглаевъ, успокоенный, но еще болѣе тронутый добродушіемъ Честона, взявъ его за руку сказалъ: расположеніемъ вашимъ буду я дорожить не менѣе моей чести.

Въ этотъ же день черезъ годъ, продолжалъ Честонъ, прошу мнѣ напомянуть о сей минутѣ, и вы получите мой отвѣтъ.

Видя, что все семейство имѣло еще нѣчто рѣшить между собою, Аглаевъ откланялся, и получилъ отъ Гна Честона приглашеніе на завтрѣшній день.

За отсутствіемъ его послѣдовало нѣмое, глубокое молчаніе. Простилъ ли ты мнѣ? сказала наконецъ Гжа. Честонова, сжавъ его

руку и устремивъ на него взоръ исполненный нѣжности и любви; который напомнилъ ему о прелестныхъ дняхъ супружескаго благополучія. Простилъ ли ты твоей дочери? продолжала она, между тѣмъ какъ Евгенія съ потупленнымъ взглядомъ стояла робко подлѣ отца своего.

Съ внутреннимъ движеніемъ обнялъ Честонъ обѣихъ. Забудемъ, сказалъ онъ женѣ своей, что когда либо нарушалось наше спокойствіе; забудемъ, что была минута, которая грозила разлучить насъ; конечно и Евгенія не заставитъ меня болѣе ей напоминать, что *детская довѣренность есть прекраснѣйшая награда Отеческой любви.*

Дражайшій Батюшка! вскричала Евгенія и рыдая повергалась въ объятія отца. Онъ чувствовалъ, что сія минута была минутою совершеннаго ея исправленія.

Пойдете, мои милыя! продолжалъ Честонъ, сегодня мы всѣ опоздали къ завтраку; послѣ подумаемъ, какъ бы намъ лучше угостить завтрѣ Г. Аглаева за сегоднишній неласковый пріемъ. . . .— Можетъ быть сказалъ онъ тихо женѣ своей, сокращу я время искуса шестью мѣсяцами, если вы не

будете впредь опрометчивы; только прошу не проговориться.

Вышедши изъ залы, встрѣтили они слугу, который несъ большую связку книгъ. — Отъ книгопродавца, сказалъ онъ.

Отнеси ихъ обратно въ городъ, отвѣчала Гжа Честонова. Прошу тебя, продолжала она съ улыбкою обратясь къ своему мужу, быть впредь ценсоромъ нашего чтенія.

Подожди, примолвилъ слугѣ Гнъ Честонъ я просмотрю ихъ прежде; а по томъ съ кротостію сказалъ женѣ: *разсмотрите все и слѣдуйте доброму.*

Съ Нѣмецк; Н. Розенмейеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

ОТРЫВОКЪ изъ III ПѢСНИ ИЛІАДЫ.

Когда съ обоихъ странъ явилиcь ополченны,
Съ вождями ратники, въ доспѣхи облеченны:
Трояне смѣлые, шумящею толпой,
Вдругъ кинулись впередъ, на смертоносный бой.
Подобно, журавлей стада необозримы
Дождями хладными и мразами гонимы,
Великій вторя крикъ, въ поспѣшности своей,
Летятъ за шумну зыбь полуденныхъ морей,
И воздухъ омрача полетомъ неразлучнымъ,
Несутъ жестоку брань Пигмеямъ злополучнымъ.
Но Греки огнь храня сердецъ во глубинѣ,
Подвигнулись на бранъ въ безмолвной тишинѣ;
Взаимной помощи обѣтомъ сопряженны,
И мужествомъ однимъ казалось вдохновенны.
Какъ на вершинахъ горъ сгустившійся туманъ,
Гонимый вѣтрами отъ моря влажныхъ странъ,
Что темной ночи тать всегда предпочитаетъ,
Но мирнымъ пастырямъ напасти предвѣщаетъ;

И камень, верженный въ сей полный мрака часъ,
Не можетъ отличить и самый быстрый глазъ.
Подобно, воиновъ подъ тяжкими стопами,
Сгущенный, легкій прахъ клубяся облаками,
Внезапно омрачилъ враждующій народъ,
И поле ратное и чистый неба сводъ.
Когда же сближились двѣ рати знамениты:
Парисъ, какъ юный Богъ, доспѣхами покрытый,
Выходитъ изъ среды толпящихся Дарданъ.
Съ раменъ сего вождя, скрывая гибкій станъ,
Изъ кожи Барсовой виситъ покровъ волнистый,
Поверхъ широкій лукъ и съ нимъ колчанъ сре-
бристый.
Змѣится при бедрѣ врагамъ ужасный мечь,
Въ рукѣ блеститъ копье, готово жизнь пресѣчь.
Вращая имъ вокругъ, онъ гордо выступаетъ
И Греческихъ вождей на битву вызываетъ.
Великій Менелай едва узрѣлъ его:
Не могъ сокрыть въ душѣ восторга своего.
Таковъ, свирѣпый левъ, отъ глада разъяренный,
Когда и ловчими и псами утомленный,
Встрѣчаетъ на пути, стремясь въ кроваву брань,
Еленя робкаго иль быстроногу лань.
Съ разверзстой пастью, онъ кидается на жертву,
Влечетъ трепещущу и повергаетъ мертву.
Подобно Менелай, соперника узря
И мстить преступному желаніемъ горя,
Изъ колесницы вмигъ стремится легкимъ ско-
комъ;
Гремитъ оружіемъ, сверкаетъ гнѣвнымъ окомъ.

При видѣ грознаго, трепещетъ вождь младой
И кроется въ рядахъ отъ смерти роковой.
Какъ пастырь, медленно долину проходящій,
Внезапно усмотря, что змій предъ нимъ шипящій,
Вращаяся, ползетъ излучистой стезёй;
Блѣднѣетъ, весь дрожитъ и къ хижинѣ своей,
Стремится робко, вспять нетвердою стопою.
Подобно устрашенъ, бѣжитъ Парисъ отъ бою.
Но Гекторъ видя то, среди союзныхъ силъ,
Ко брату своему во гнѣвѣ возопилъ:
,,О робкій юноша, герой женоподобный,
Лѣпообразный вождь, одной любви покорный!
Пусть лучше никогда, ты свѣта бы не зрѣлъ,
Иль прежде встрѣтилъ бы свой гробовой предѣлъ,
Чемъ бракомъ пагубнымъ въ Элладѣ сочетался;
Тогдабъ, твой нынѣ взоръ стыдомъ не омрачался
Въ виду союзниковъ и сонма всѣхъ Дарданъ;
Ты робостью своей не унижалъ бы санъ.
Внемли, какъ храбрые Ахеяне, предъ нами
Язвятъ тебя, Парисъ, постыдными словами.
По виду гордому и пламеннымъ очамъ,
Которыми грозилъ ты храбрымъ ихъ полкамъ,
Всѣ мнили, что вступя теперь въ единоборство,
Предъ ними наконецъ явишь свое геройство.
Кудажъ сокрылся днесь огнь храбрости твоей?
Когда на корабляхъ, съ дружиною своей,
Ты преплывалъ моря, съ отважностью слѣпою,
Дабы похитить вдругъ коварною рукою

Изъ чуждыхъ странъ жену, отличну красотой,
Родствомь съ героями и сана высотой.
Поступокъ пагубный! свершившій злоключенье
Родителямъ твоимъ; тебѣ уничиженье;
На Трою мирную, навлекшій тучи бѣдъ,
И проложившій къ ней враговъ кровавый слѣдъ.
Вѣщай мнѣ храбрый вождь! почто отъ Менелая,
Ты съ робостью бѣжишь, свой стыдъ въ рядахъ скрывая?
Иначе бы позналъ, кого ты раздражилъ,
И чью супругу ты къ измѣнѣ обольстилъ.
Позналъ бы, какъ герой отмщаетъ за обиды.
Ни лира звучная, ни всѣ дары Киприды:
Прелестные власы, румяное чело,
Ни чтобъ тогда тебѣ, ни что не помогло,
Когда бы въ торжествѣ, твой побѣдитель правой,
Чрезъ прахъ, твой блѣдный трупъ повлекъ стезей кровавой.
Нѣтъ слабыми я чту соотчичей моихъ,
И паче бы они въ награду дѣлъ твоихъ,
Должны покрыть тебя одеждами другими —
Надгробнымъ каменемъ, не тканями драгими!"
О Гекторъ! славный вождь, Парисъ смятенный рекъ,
Хотя великъ твой гнѣвъ, но справедливъ упрекъ.
Какъ тонко лезвіе сѣкиры изощренной,
Рукою мощною на древо устремленной,
Разитъ не притупясь, дубъ твердый близъ корней,
Спосообствуя пловцу въ строеньи кораблей;

Такъ мужество твое въ бояхъ непобѣдимо,
И сердце бодрое ни чѣмъ несокрушимо.
Но порицать, мой братъ, во мнѣ не долженъ ты,
Щедротъ низпосланныхъ Богиней красоты.
Не властны отвращать мы благости безцѣнны:
Дары Боговъ должны для смертныхъ быть священны.
Когда же хощешь ты, чтобъ я предприняль бой;
То удержи сей часъ Ахеянъ храбрыхъ строй,
Текущихъ съ яростью на наше ополченье;
Да рати отойдутъ и прекратятъ сраженье.
Тогда съ вождемъ Спартанъ, при помощи Боговъ,
Сражусь я предъ лицемъ сомкнувшихся рядовъ;
И пусть владѣетъ тотъ *Еленою прекрасной*,
Кто выдетъ съ торжествомъ изъ битвы сей ужасной,
Чью Боги укрѣпятъ губительную *длань*.
Да будетъ миръ тогда и прекратится брань,
Въ отеческой странѣ умолкнутъ ратны клики
И дружбу заключатъ враждующи Владыки.
Сограждане мои, прервавши скорби стонъ,
Да внидутъ съ радостью въ священный Иллiонъ.
И Греки храбрые, подъ сѣнiю Паллады,
Обратно поплывутъ ко берегамъ Эллады,
Обильной жатвами и красотою женъ;
Оставя навсегда твердыню нашихъ стѣнъ.

Ковалевскiй.

ОДА ГОРАЦІЯ
КЪ ЮЛІЮ АНТОНІЮ.

Pindarum quisquis studet aemulari etc.
Lib. IV. oar. 1

О Юлій! съ Пиндаромъ сравняться кто дерзаетъ,
Тотъ льстяся, какъ Дедалъ, обманчивой мечтой,
На крыльяхъ восковыхъ полетъ предпринимаетъ
И Понту имя дастъ, въ немъ вѣкъ окончивъ свой.

Какъ быстрая рѣка съ стремленьемъ низвергаясь,
Клубитъ кипящій токъ съ высокія скалы,
Когда изъ бурныхъ тучь дождь шумный проливаясь,
Выводитъ изъ береговъ свирѣпые валы.

Такъ Пиндаръ, сей пѣвецъ, прославленный вѣками,
Льетъ красноречіе обильною струей;
Обворожая слухъ и мѣрой и словами,
Законовъ собственныхъ онъ шествуетъ стезей,

И смѣлою рукой лавръ Феба похищаетъ.
Когда Героевъ родъ, или самихъ Боговъ,
Отъ коихъ палъ Центавръ, достойно воспѣваетъ,
Или Химеры злой гласитъ попранный ковъ.

Изображаетъ ли Эллады онъ Героя,
Отъ Олимпійскихъ игръ грядущаго съ вѣнцомъ;
Бойца ли мощнаго среди кровава боя,
Иль гордаго коня въ уборѣ дорогомъ? —

Въ потомство предаетъ ихъ славныя дѣянья,
И зиждетъ имъ въ стихахъ безсмертной монументъ.
Оплакать ли возмнитъ онъ дѣвы грусть страданья,
О смерти юноши увядшемъ въ цвѣтѣ лѣтъ? —

То, младость, мужество, его красу душевну
И несравненный нравъ до звѣздъ возноситъ онъ;
Винитъ смерть лютую, винитъ судьбину гнѣвну,
И руштъ, съ смѣлостью забвенія законъ.

Пусть лебедь Фивскихъ странъ, рожденный въ тихой долѣ,
Подъ небомъ счастливымъ, Дирцеи на брегахъ,
Поднявшись отъ земли летитъ въ Эѳиръ поволѣ
И съ силой равною несется въ небесахъ.

Но я какъ Матины пчела трудолюбива,
Сбирающая медъ душистый на цвѣтахъ,

Творю стихи съ трудомъ, блуждая терпѣливо
То въ рощахъ миртовыхъ, то Тибра на брегахъ.

Воспой, о Юлій ты, съ достойной похвалою:
Какъ Цезарь шествуетъ предъ воинствомъ своимъ,
И колесницею блистая золотою,
Ведетъ прикованныхъ Сигамбровъ гордыхъ въ Римъ.

Прекраснѣй Цезаря, въ дѣлахъ своихъ благаго,
Не узрятъ никогда земныя племена;
Ни Боги, ни судьба не пошлятъ намъ другаго,
Хоть возвратились бы златыя времена!

Ты первый пѣть начни дни торжества златаго
Народны празднества и игры нашихъ дней.
О возвращеніи Отца Римлянъ прямаго,
Достойнаго похвалъ и вѣчныхъ Олтарей.

Тогда и я,—пѣвецъ на безъизвѣстной лирѣ,
Возвышу слабый гласъ и съединясь съ тобой,
Воскликну радостно: о день счастливой въ мірѣ!
Ты нынѣ возвратилъ намъ съ Августомъ покой!

Я воспою какъ Царь грядетъ, увѣнчанъ славой,
Среди сыновъ своихъ въ торжественный тотъ часъ,

Когда блаженный Римъ подъ кроткою державой
Съ молитвой къ небесамъ свой возсылаетъ гласъ,

И жертвы воскуря, съ душою чистой проситъ;
О счастьи Августа хранителей Боговъ.
Пусть Юлій, сотворя мольбы свои, приноситъ
На жертву десять кравъ и столькоже воловъ;

Но я съ смиренною и преданной душою
Спѣша исполнить мой святой обѣтъ и долгъ,
Тельца, вскормленнаго отборною травою
Безсмертнымъ принесу усердія въ залогъ!

Н. . . .

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ПИСАРЕВУ.

1819 года Апрѣля 7 числа.

Я грамотку твою не чрезъ коней крылатыхъ, (1)
Вчера съ веселіемъ исправно получилъ.
Средь радости, торжествъ о милостяхъ богатыхъ, (2)
Спѣшу, усердіе пріемля вмѣсто крилъ,
Прельщенный запахомъ Персидскаго щербета: (3)
Питомцу тактики, питомцу музъ и свѣта,
Сказать привѣтствіе посланниковъ небесъ,
Заочно говоря ему: Христосъ воскресъ. (4)

Еще не охладѣлъ я дружества къ союзамъ
Есть сердце у меня для жертвъ священныхъ музамъ:
Могулъ не чувствовать къ себѣ любви твоей?
Ты первый огласилъ о ревности моей,
Ты первый всѣхъ моихъ окаменилъ Зоиловъ.
Подъ твой склоняся щитъ Обжоркинъ мой, Расиловъ (5)

Безъ шума съ робостью упрясь на костыли
Не спорю, съ отдыхомъ счастливо добрели.
Но знаешь ли куда? къ подошвѣ Геликона;
Съ собою всѣхъ сестрицъ и братцевъ провѣли. (6)

Ты первый ихъ послалъ, любимецъ Аполлона,
При старости взглянуть на чужеземный свѣтъ.
Въ Стамбулѣ чваниться на парчевомъ диванѣ,
Алое обонять у Шаха въ Испаганѣ.
Лаская, Визирей, нахмуренный совѣтъ,
Большая музѣ честь и лестная награда —
Шатаясь по рукамъ, ходя во градъ изъ града
Достигнуть счастія: Султановъ усыплять
И золу лишнюю изъ трубокъ вычищать.

Счастливъ поэтъ, коль онъ избѣгнетъ гроз-
ной Леты!
По смерти вѣрно тотъ забвенья избѣжитъ,
Чьи пламенны стихи любовію согрѣты,
Кто ближнихъ счастіемъ и правдой дорожитъ.

Я нынѣ счастливъ самъ, въ Колхидѣ у Язона
Мои стихи въ рукахъ и ихъ читаетъ онъ.
Неславный рыцарь женъ, не древнихъ лѣтъ
Язонъ,
Который взялъ руно волшебствомъ у дракона,
Но современникъ нашъ, Россійскихъ честь зна-
менъ, (7)
Аракса бодрый стражъ, восточныхъ другъ пле-
менъ.

Онъ, естьли промысломъ небеснаго совѣта,
Паденье сбудется гробницы Магомета,
Чрезъ воды бурныя, чрезъ топкіе пески
Ко славѣ поведетъ безтрепетныхъ полки.
Какъ туча грозная передъ луною станетъ
И свыше ополчень на Мекку громомъ грянетъ.
Имъ снова вознесетъ чело Іерусалимъ
И окрестъ воспаритъ торжествъ священныхъ
дымъ.

Свѣтъ правды возсіялъ и свѣтъ наукъ съ востока:
Я Вельяминова горжуся похвалой. (8)
Онъ тамъ, гдѣ солнца лучь живительной, златой,
Свой первый блескъ сливалъ съ жемчугами потока
И паствы озарилъ чудесной красотой;
Гдѣ плодоносна дщерь роскошныя природы,
Земля невинная въ первоначальны годы
Дарила смертному избытокъ щедро свой.
Онъ тамъ, отколѣ мракъ разсѣя лютой ночи
Простерли къ небу мы и окрестъ наши очи;
Открыли разумомъ, искуствомъ хитрыхъ рукъ,
Неизчерпаемый, богатый ключь наукъ.
Орфеи, юный міръ съ дремотой разлучили;
Гармонію, любовь и Музъ въ немъ водворили.

Не жажду, Писаревъ, я суетныхъ похвалъ,
Но членомъ не вступя въ собраніе Браминовъ

Признаюсь, лестенъ мнѣ отъ друга мадригалъ;
Люблю, коль хвалишь ты и хвалитъ Вельями-
нов.

Пріятельски скажу, тебѣ герой—поэтъ!
Мнѣ ваша похвала на старости щербетъ.

Гр. Хвостовъ.

---

(1) Письмо отъ 20 Февраля мною получено 5 Апрѣля.

(2) Въ письмѣ сказано, что въ 1812 году онъ посылалъ мои стихи въ Константинополь, а нынѣ отправилъ ихъ въ Тифлисъ къ Ивану Александровичу Вельяминову; откол ѣ достигнутъ Испагана, и тамъ *за рюмкою щербета, будутъ мнѣ лѣта, многая лѣта.*

(3) Смотри примѣчаніе второе.

(4) Сіе посланіе сочинено и послано на Святой Недѣлѣ.

(5) Смотри разсужденіе Г. Писарева о моихъ посланіяхъ въ Амфіонѣ, журналѣ Г. Мерзлякова 1815 года въ Москвѣ, гдѣ обрисованы лица Обжоркина и Росилова.

(6) Смотри полное собраніе въ 4 томахъ, Графа Хвостова, изданное 1817 года въ С. П. бургѣ.

(7) Генералъ отъ инфантеріи Алексѣй Петровичъ Ермоловъ.

(8) Генералъ Маіоръ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ командуетъ подъ начальствомъ Генерала Ермолова въ Азіи.

СТЕКЛО И АЛМАЗЪ,

Басня.

Съ алмазомъ, какъ-то на столѣ
Стекло граненое лежало;
Хотя презрѣнью быть не мѣсто бы въ стеклѣ,
Но камнемъ дорогимъ стекло пренебрегало;
Звучитъ ему: „Ахъ, какъ ты малъ!
Передо мною ты не больше, какъ пылинка,
Иль мѣлкая песчинка.
Напрасно ты, дружокъ, со мною рядомъ сталъ:
Тебя невольно я отъ взоровъ заслоняю
И свѣту на тебя блеснуть не допускаю:
Лежишь невидимой, въ потьмахъ,
Тогда, какъ я сіяю
Въ безчисленныхъ огняхъ.
Смотри: на перерывъ себя изображаютъ
Предметы разные на гладкости моей,
И радуги во мнѣ играютъ
Отъ яркихъ солнечныхъ лучей;
А ты . . . „Постой, стекло! и перестань гордиться,
Позволь и мнѣ не много похвалиться.
Стеклу въ отвѣтъ Алмазъ сказалъ,
„Я малъ,

Однакожъ и во тьмѣ, какъ ясный день, блистаю;
Я твердъ, и прочностью своей не уступаю,
На свѣтѣ, вещи ни одной;
Сперва изовѣдай, какъ ты прочно,
Потомъ гордись передо мной!
Въ то время, какъ нарочно,
Хозяйка подойдя къ столу
Хотѣла взять Алмазъ.—рукою повернула,
Стекло нечаянно толкнула:
И бѣдное стекло ужь съ пылью на полу,
Разбито въ дребезги, не то, что прежде было!
Одно движеніе руки сей споръ рѣшило.

Орестъ Сомовъ.

Къ моему колокольчику.

Колокольчикъ звонкій, вѣрный,
Бдитель, стражъ нелицемѣрный,
Другъ покоя моего,
Ты прими здѣсь наставленье,
Нашей дружбы въ довершенье,
Отъ любимца своего!

Естьли съ утреннимъ разсвѣтомъ:
Подъ прозрачнѣйшимъ намѣтомъ,
Подойдетъ къ твоимъ дверямъ,
Лиза милая легонько,
Чтобъ пройти любви во храмъ:
Зазвени ты потихонько,
Такъ, чтобъ слышалъ только я;
Разбуди тотчасъ меня;
Сладко будетъ пробужденье,
Но пріятнѣй усыпленье
Съ милой Лизою моей!
Еслижъ съ важностью суровой
Постучитъ чуть у дверей
Кредиторъ: тогда нескоро
Исполняй его приказъ;

Зазвени ты хриплымъ тономъ,
Чтобъ узнать я могъ тотъ-часъ,
Кто пришелъ ко мнѣ съ поклономъ,
И въ пріемѣ отказать.

Если жъ съ солнечнымъ восходомъ,
Станетъ Опекунъ стучать,
И нечаяннымъ приходомъ
Меня мучить и терзать:
Зазвени тогда сильнѣе,
Будто съ башни городской,
Чтобъ услышалъ я скорѣе
Звонъ ужасный, роковой,
И отъ скучныхъ наставленій
Я отдѣлатьсябъ успѣлъ.
Если жъ золъ всѣхъ въ довершенье
Вдругъ къ тебѣ бы подошелъ,
Всѣхъ поэтовъ искушенье,
Трагикъ *Сумбуровъ* пустой:
Пусть тогда осиплымъ звономъ,
Схожимъ съ лирнымъ его тономъ,
Зазвенишь, о другъ ты мой!

Я тогда всѣхъ чувствъ лишенный,
Но тобою пробужденный,
За каминомъ уберусь;
И день цѣлый тамъ безъ скуки
Лучше высидѣть рѣшусь,
Чѣмъ все вытерпѣть мнѣ муки
Отъ Поэта не въ попадъ.

Вотъ тебѣ, мой другъ и братъ
Наставленье небольшое!
Береги жъ меня въ покоѣ,
Колокольчикъ дорогой,
И мы будемъ вѣкъ съ тобой
Провождать все дни златые,
Если будешь исполнять
Сіи правила пустыя
И пришельцовъ различать!

Александрѣ Дуронѣ.

СМѢСЬ.

ДРЕВНѢЙШІЯ ИЗВѢСТІЯ О ЯНТАРѢ.

Извѣстно, что на южныхъ берегахъ Балтійскаго моря, начиная отъ Кашубъ до устья западной Двины, находили янтарь, вещество, коего произхожденіе и по сіе время естество — испытателямъ непонятно. Находили и находятъ оное и въ другихъ странахъ; но нигдѣ кромѣ береговъ Балтійскаго моря не сбирали въ такомъ количествѣ, чтобы оно могло сдѣлаться предметомъ торговли. Здѣсь въ одно время добывали оное во многихъ рудникахъ, кои хотя и приходили въ истощеніе, но янтарь и понынѣ доставляетъ Пруссіи значительный доходъ. По свидѣтельству историковъ находили его также въ Маркіи Анконской; иногда на Генуэзскихъ берегахъ; и даже на берегахъ Нумидіи и Восточной Индіи. Бридона, въ путешествіи своемъ въ Сицилію, утверждаетъ, что и нынѣ находятъ

его при рѣкѣ Жіаретѣ, впадающей въ море недалеко отъ Катаны, и что онъ видѣлъ здѣсь крестики и другія, мѣлкія изъ янтаря украшенія; однакожъ мнѣніе сіе опровергнуто Епископомъ Альбертранди, удостовѣрившимся на мѣстѣ, что Сицилійскій янтарь совсѣмъ различенъ отъ Балтійскаго, что онъ бѣлъ и весьма мало прозраченъ. Украшенія же подъ именемъ янтарныхъ дѣлаются изъ чернаго вещества, которое по мнѣнію его есть черная глина, именуемая Французами: le jas, Lapis Thracicus succinum nigrum a).

Въ Греціи янтарь извѣстенъ былъ уже во времена Ѳалеса и продавался по вѣсу золота. Есть историческіе слѣды, что Финикіяне гораздо прежде Грековъ, приставъ нечаянно къ берегамъ Балтійскаго моря и открывши янтарь, начали собирать его, потомъ развозить по всему свѣту.

a) Янтарь находится также въ Прованскихъ горахъ, подлѣ города Систерона и въ окрестностяхъ деревни Салиньякъ на Марсельскихъ берегахъ; въ *Италіи*: въ окрестностяхъ города Анконы, въ Герцогствѣ Сполетто и на берегахъ рѣки По; въ *Сициліи*: близъ городовъ Катаны и Жержента; въ Польшѣ и Силезіи хотя въ весьма маловажномъ количествѣ. Нѣсколько болѣе находятъ его въ сѣверной Германіи, Швеціи, Ютландіи и Голштиніи; еще болѣе на берегахъ Жмуди, Курляндіи и Лифляндіи; но янтарь, находимый въ сихъ земляхъ ни столь чистъ, ниже добывается въ такомъ количествѣ, какъ въ Помераніи, а особливо въ Пруссіи, въ области именуемой Самбіею (Sambie) начиная съ Neve. Gill до Vrantz. Vrug. Enciclopedie T. II. въ статьѣ ambre-jaune *Прибавленіе переводчика.*

Геродотъ, путешествовавшій за 450 лѣтъ до Р. Х. находился не въ дальнемъ разстояніи, отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ доставали янтарь. Переправясь чрезъ Истръ 1) сперва посѣтилъ онъ западныя страны между рѣками Тирасомъ 2) и Гипанисомъ 3), и проѣхалъ около Экзампеа 4) до Синихъ Водъ. Потомъ слѣдуя по Борисфену 5) преплылъ онъ и другія рѣки, въ оный впадающія, какъ то: Пентикапесъ 6), Гиппакарисъ 7) и Геррусъ 8), впадающій въ Молочныя Воды. Дошедши до источниковъ ихъ, обозрѣлъ онъ обширныя поля, Скиѳскими могилами усѣянныя, между коими возвышались надгробные памятники ихъ Царей. Онъ проѣхалъ весь край до рѣки Танаиса 9) и Гиргиса 10); и достигъ Днѣпровскихъ пороговъ. Тамъ узрѣлъ онъ скалы, чрезъ кои сія обширная рѣка низвергалась съ шумомъ и повѣря сказаніямъ, Днѣпровскихъ жителей, будто бы она далѣе не судоходна b), а на сѣверъ за жилищами Скиѳовъ земледѣльцовъ находятся непроходимые лѣса, болота c) и пустыни, въ коихъ снѣгъ на подобіе пуху такъ густо падаетъ, что ничего видѣть не-

1) Ister, Дунай; 2) Tyras, Днѣстръ 3) Hippanis, Бугъ 4) Exampea, у Арріана солончакъ, не далеко отъ устья Гиппаниса. 5) Boristhenes, Днѣпръ. 6) Penticapes. Конскія Воды, 7) Hippacaris, Каланчукъ, 8) Gerrus, Такманъ, 9) Tanais, Донъ, 10) Hirgis Донецъ. *Прим. сочин.*

b) Выше пороговъ, она судоходна до самаго Смоленска.

c) Мозырскія и Пинскія болота.

возможно, принужденъ былъ прекратить свое путешествіе. Здѣсь Геродотъ пишетъ, что янтарь привозится съ сѣвера, но незнаетъ изъ какого мѣста, сколько онъ о томъ развѣдать ни старался.

И такъ Днѣпровцы (Boristhenæ), при удобномъ сообщеніи съ Литовскими народами, имѣя тогда въ рукахъ своихъ весь янтарной торгъ и желая предоставитъ себѣ однимъ безмѣрный прибытокъ отъ онаго, нетолько обманули просвѣщеннаго путешественника, притворнымъ незнаніемъ мѣсторожденія янтаря, но и отвратили его вымышленными препятствіями отъ дальнѣйшаго путешествія.

Подобнымъ образомъ Финикіане, а потомъ Греки всегда старались приводить другихъ народовъ въ заблужденіе, какъ скоро они покушались открыть сію тайну. Діонисій Періегетесъ d) и Присціанъ e) утверждаютъ, что янтарь находится при рукавахъ рѣки Альдеска. Основываясь на семъ, Бисерменисъ въ книгѣ своей о Варягахъ, перемѣняетъ воды Альдеска въ Ладожское озеро, при коемъ полагаетъ Рифейскія

---

d) Діонисій, проименованный по сочиненію своему περιήγησις οἰκουμένης, въ коемъ описалъ онъ, гексаметрами свое путешествіе Periegetes, былъ современникъ Страбона и Императора Августа. *Приб. переводч.*

e) Знаменитый Греческій Грамматикъ, жившій во время Юстиніана. *Приб переводч.*

горы. Онъ вводитъ въ Ладогу, никому неизвѣстныя рѣки и собираетъ при устьѣ ихъ, янтарь.

Молва о нахожденіи янтаря при Ледовитомъ морѣ, распространившаяся между древними народами, весьма благопріятствовала Днѣпровскимъ жителямъ, отнимая у Грековъ охоту посѣщать столь ужасныя мѣста; смѣлыхъ же и склонныхъ къ прибытку, совращала съ настоящаго пути ложными показаніями.

Питеасъ (Pytheas) изъ Марсели, путешественникъ и Астрономъ, жившій за 324 года до Р. Х. g) упоминаетъ объ островѣ Бальціа, лежащемъ при морѣ Кроніумъ, у береговъ коего находится янтарь. Съ сего времени, мало по малу возникало вѣрнѣйшее извѣстіе о наименованіи мѣста, откуда оный привозился; но настоящее положеніе его долго оставалось еще въ неизвѣстности.

Въ царствованіе Нерона, главному Директору театра пришло на мысль украсить янтаремъ

g) Его почитаютъ современникомъ Аристотеля. Онъ прошелъ далѣе другихъ внутрь Сѣвернаго моря и первый заходилъ въ Балтійское. Ему приписываютъ открытіе острова Ѳула (Thule), можетъ быть Исландіи, крайнѣйшаго на сѣверѣ Европы; и различіе климатовъ по разности долготы дня и ночи. Справедливость сихъ наблюденій призвана и позднѣйшими мореходцами. Питеасъ написалъ на Греческомъ языкѣ много разсужденій, кои существовали еще до начала V столѣтія. Strabo, II Plin. XXXVII. *Прим. переводч.*

театръ: по чему отправленъ былъ одинъ Римскій всадникъ на берега Балтійскаго моря, откуда вывезъ онъ безмѣрное количество янтаря. Въ семъ собраніи одинъ кусокъ вѣсилъ тринадцать фунтовъ. Съ того времени извѣстно уже было наименованіе земли, гдѣ собирался янтарь; но до самаго Тацита, никто изъ Историковъ не упоминаетъ объ имени жителей оной.

Тацитъ, бывшій въ Германіи *Прокураторомъ* первый называетъ ихъ по имени. Въ концѣ книги своей, *о положеніи Германіи и жителяхъ оной*, такъ описываетъ онъ Эстовъ и янтарь, ими добываемый h).

,,Правые берега Свевскаго моря населены по-
,,колѣніями Эстовъ, коихъ обычаи и одежда сход-
,,ствуютъ съ Свевскими, а языкъ съ Британ-
,,скимъ. Они боготворятъ матерь Боговъ; но-
,,сятъ по суевѣрію знакъ, представляющій ка-
,,банью голову, вѣря что оный среди враговъ
,,защититъ почитателей богини болѣе, неже-
,,ли оружія и стрѣлы. Они рѣдко употребляютъ
,,мечь, а чаще дреколье; воздѣлываютъ землю
,,для хлѣба и другихъ плодовъ съ большимъ
,,терпѣніемъ, неизвѣстнымъ лѣнивымъ Герман-
,,цамъ; плаваютъ по морю; и суть единствен-
,,ный народъ, которой собираетъ янтарь, на-

(h) Сіе свидѣтельство Тацита приведено сочинителемъ сокращенно. Переводчикъ, почитая драгоцѣнными извѣстія древнихъ писателей о сѣверныхъ народахъ, помѣстилъ изъ Тацита все сіе мѣсто.

„ходимый на отмѣляхъ и берегахъ и называ„ющійся у нихъ glesum, не понимая впрочемъ, „какъ свойственно варварамъ, ни естества, ни „произхожденія онаго. Долго оставался онъ, въ „числѣ прочихъ изверженій морскихъ, безъ вся„каго употребленія, пока роскошь наша не да„ла ему имени. Они продаютъ его въ необдѣ„ланномъ видѣ, удивляясь дорогой цѣнѣ за него „даваемой. Янтарь почитать должно древес„нымъ сокомъ: поелику земныя и крылатыя „насѣкомыя внутри сей накопившейся и сгу„стѣвшей жидкости, просвѣчиваются. Я ду„маю, что какъ на отдаленныхъ краяхъ „востока, такъ и на островахъ и земляхъ „западныхъ находятся общирнѣйшія рощи и „лѣса, въ коихъ благовонныя смолы и баль„замъ (thura balsamague) потѣютъ и будучи „выжаты солнечными лучами падаютъ въ ви„дѣ жидкости въ ближайшія моря, а потомъ „уносятся бурею къ противоположнымъ бере„гамъ. При испытаніи свойствъ янтаря въ ог„нѣ: онъ зажигается какъ ладонъ (tedae) и го„ритъ тучнымъ и пахучимъ пламенемъ, а по„томъ сгущается подобно резинѣ (i).„

Іорнандъ, писатель VI столѣтія, назначаетъ Эстамъ, тѣже самыя жилища, какъ и Тацитъ.

(i) Изъ сего описанія можно заключать, что сочинитель напрасно укоряетъ Днѣпровскихъ жителей, въ притворствѣ передъ Тацитомъ. Самое показаніе ихъ, ничего не содержитъ противуестественнаго.

,,На берегу Океана, говоритъ онъ, гдѣ Висла
,,впадаетъ тремя устьями въ море, обитаютъ
,,различныя племена, близъ коихъ по берегамъ
,,Океана живутъ Эсты.

Кассіодоръ оставилъ намъ, въ V книгѣ *Variorum*, списокъ съ письма Θеодорика Великаго, Короля Остроготскаго къ Эстамъ, въ коемъ благодаритъ онъ ихъ, за присланные ему въ даръ янтари.

Здѣсь оно помѣщается до слова:

,,Отъ прибывшихъ къ намъ, пословъ вашихъ
,,увѣдали мы, что вы, обитающіе на брегахъ
,,Океана, стараетесь соединиться съ нами еди-
,,номысліемъ и дружбою. Весьма пріятно и сла-
,,достно намъ подобное желаніе, и что слава и-
,,мени нашего достигаетъ тѣхъ, коимъ мы не мо-
,,жемъ давать никакихъ повелѣній. Любите же
,,теперь познаннаго того, чьей искали пріязни еще
,,какъ незнакомаго. Симъ искренно привѣтствуя
,,васъ извѣщаемъ, что мы съ благодарностію при-
,,няли янтари, которые вручая намъ послы ваши
,,увѣдомили насъ, что сіе легкое вещество (ha-
,,ne leoissimam materiam) во время прилива Оке-
,,ана къ вамъ приносится. Но что это за ян-
,,тарь? Откуда онъ произходитъ, и для чего, ника-
,,кому краю, кромѣ вашего не достался въ удѣлъ?
,,Посланные признались, что о томъ они ни-
,,чего не знаютъ. Нѣкто Корнелій пишетъ, что
,,на островахъ Океана, истекаетъ изъ дерева

„сокъ, который и называется по сему Succi-„num. Сей сокъ мало по малу, отъ солнечной „теплоты густѣетъ и даетъ прозрачное ис-„копаемое, иногда чермное какъ Сафранъ, „а иногда пламеннаго цвѣта. Упадая близь „моря, посредствомъ прилива и отлива оно „остается на берегахъ вашихъ. Сiе же пи-„шемъ для того, дабы вы не думали, что и „намъ не извѣстно до селѣ то: чего вы не „знаете. И такъ слѣдуйте чаще по тому пу-„ти, который вы себѣ отверзли. Богатыхъ „Государей дружба, всегда выгодна; принимая „малый даръ, они обыкли на оборотъ дарить „гораздо большимъ.„

Кассiодоръ, писавшiй отъ имени Θеодорика, сiе письмо, уповалъ, что онъ совершенно изъяснилъ Эстамъ, качество янтаря, который и для нашихъ Естество-испытателей остается еще не разрѣшимою загадкою. Нѣкоторые думали, что янтарь есть земной тукъ, горной жиръ, или простое горное масло, какъ нефтъ, или горная смола, асфальтъ, кристалъ земной, который вышедши изъ земли отъ солнца и воздуха твердѣетъ. Но всѣ земные туки, минеральнаго произхожденiя; а химическое разложенiе янтаря, извлекая изъ онаго кислую соль, ему одному свойственную, и распительной сокъ, очевидно показываетъ, что произхожденiе его не есть минеральное. Другiе догадываются, что янтарь есть

или клей неизвѣстнаго намъ дерева, или смола сосновая и еловая, которая стремленіемъ воды, будучи унесена въ море и преобразившись посредствомъ солей и газовъ, превращается напослѣдокъ въ то, что мы называемъ янтаремъ. Но изъ какого дерева можно получить кусокъ смолы въ тринадцать фунтовъ?

Какъ тѣ, кои признаютъ янтарь землянымъ тукомъ, такъ и тѣ, кои почитаютъ его смолою, не въ состояніи объявить какимъ образомъ во внутрь его заходятъ пчелки, мурашки и другія маленькія насѣкомыя, которыя находятся только подлѣ прѣсной воды. Не вѣроятно, что бы сіи легкія животныя, садясь на водѣ, доставляющей имъ пищу, могли приставать къ туку, который отогналъ бы ихъ однимъ своимъ запахомъ. Столькоже неимовѣрно и то, чтобы мурашки, или мушки могли забраться въ смолу вытекающую какъ извѣстно весьма медленно въ скважины деревъ и какъ бы процѣживающуюся.

Патренъ, членъ Парижскаго Института и Петербургской Академіи наукъ, догадывается, что янтарь не что иное есть какъ медъ вмѣстѣ съ деревомъ, въ коемъ онъ находился, стремленіемъ воды уносимый въ море, который переработанъ будучи въ ономъ минеральными кислотами, походитъ на земляной тукъ. Наблюденія, чинимыя симъ ученымъ и изъясненія его,

дѣлаютъ сію догадку весьма правдоподобною. Принявъ сіе объясненіе, откроемъ и причину столь большаго количества янтаря, добываемаго при берегахъ Балтійскаго моря, гдѣ находятся въ безчисленномъ множествѣ пчельные ульи. Сей, медоточивый край, былъ уже извѣстенъ во время Астронома Питея. О немъ какъ о богатомъ хлѣбомъ и медомъ упоминаетъ и Страбонъ въ IV книгѣ. Во время путешествія Вульфштана, жившаго при Алфредѣ великомъ, сытной медъ былъ въ Эстумѣ въ такомъ обиліи, что и самые бѣдные люди его пили. Литва и донынѣ богата медомъ, а особливо въ славѣ, Ковенскій липецъ.

Съ Польскаго И. Лобойковъ.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ родился въ Кіевѣ, въ 1681 году, когда положено уже было начало къ великому подвигу просвѣтить Россію; поставить на равнѣ съ просвѣщеннѣйшими Государствами и открыть ей тѣ сокровища, кои невѣжество скрывало отъ народа. Рано открылись въ Ѳеофанѣ природныя дарованія: чрезъ Греческой и Латинской языки познакомился онъ съ образцовыми произведеніями древности, которыя воспламенили духъ Ѳеофана. Образуя вкусъ, онѣ вселили въ него постоянную любовь къ изящному, высокому, и содѣлали его украшеніемъ своего вѣка. Сначала, Ѳеофанъ обучался въ Кіевской Академіи, потомъ (въ 1698) отправился въ Литву, дабы себя болѣе усовершенствовать въ наукахъ, но какъ по причинѣ Греческаго исповѣданія, его затруднялись принять въ Польскія училища, то онъ назвался Уніатомъ и вступилъ въ монашескій Базиліанской орденъ, отъ котораго, за необыкновенные успѣхи и блестящія дарованія, Ѳеофанъ былъ наконецъ отправленъ въ Римскую Академію. Усо-

вершенствовавшись тамъ въ Философіи и Богословіи, чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ возвратился въ отечество и вступилъ въ монашескій санъ. Посвящая совершенно свободные часы наукамъ, онъ вскорѣ превзошелъ въ свѣденіяхъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, и ученѣйщіе люди пріѣзжали къ нему изъ далека, чтобы насладиться его бѣседою и обогатиться новыми познаніями. Петръ Великій, проѣзжая чрезъ Кіевъ замѣтилъ Ѳеофана, осыпалъ его своими милостями и возвелъ (1715) въ достоинство Псковскаго Епископа, назначивъ ему быть при себѣ неотлучно. Не рѣдко, Великій совѣтовался съ Ѳеофаномъ о Государственныхъ дѣлахъ и возлагалъ на него многія важныя порученія; и Ѳеофанъ всегда оправдывалъ надежду Государя. Имъ изданъ *Духовный Регламентъ* и написано предисловіе къ *Морскому Уставу*. Когда пресѣклись дни Петра Великаго, благодѣтеля Россіи и Ѳеофана, при погребеніи его, сей послѣдній вышелъ изъ среды первосвященниковъ и такъ началъ извѣстную его рѣчь: *Что се есть? до чего мы дожили о Россіяне? Петра Великаго погребаемъ!* При сихъ словахъ, горесть прервала гласъ его, онъ облился слезами и съ нимъ вмѣстѣ всѣ предстоявшіе. Екатерина Первая, возложила на него санъ Новгородскаго Архіепископа, въ которомъ онъ и оставался до своей кончины, воспослѣдовавшей въ 1736, на 55 году отъ его рожденія.

За несколько лѣтъ предъ смертію, Ѳеофанъ оказалъ великую услугу отечеству—онъ даровалъ Россіи Ломоносова. Съ береговъ вѣчно покрытыхъ льдомъ, изъ хижины бѣднаго рыбаря, юной Ломоносовъ бѣжалъ въ Москву пріобрѣсти познанія. Ѳеофанъ увидѣлъ юношу, замѣтилъ его великія способности и пораженный ими, принялъ истинное участіе въ судьбѣ и образованіи нашего Пиндара.

Ѳеофанъ въ Россійской словесности занимаетъ и будетъ занимать отличное мѣсто. Чрезъ сочиненія имъ оставленныя, имя его сохранится навсегда отъ забвенія. По времени, въ которомъ Ѳеофанъ жилъ, когда заря просвѣщенія едва еще блистала надъ Россіею, труды его драгоцѣнны. По краснорѣчію своему онъ получилъ отъ современниковъ названіе Златоуста; и по смерти долго еще сохранялось ему сіе лестное имя. Время и успѣхи отечественныхъ писателей, обогатившихъ нашъ языкъ новыми красотами и новою гибкостію, уменшили достоинство сочиненій Ѳеофана. Славянскій слогъ его, перемѣшанный съ простонародными рѣченіями, не имѣетъ ровности и чистоты; но мыслей и чувствъ писателя, время не въ силахъ изгладить. Онѣ всегда будутъ прельщать читателя, не смотря что внѣшній видъ ихъ, отъ измѣненія языка исказится. Оставшіяся сочиненія его состоятъ изъ: 1) над-

гробныхъ словъ, 2) похвальныхъ и торжественныхъ рѣчей, 3) обыкновенныхъ проповѣдей и поученій, 4) историческихъ, 5) стихотворныхъ и другихъ мѣлкихъ сочиненій. Нѣкоторые труды его, писаны на Латинскомъ языкѣ, слогомъ довольно пріятнымъ.

Ѳеофанъ въ Россіи первый проложилъ слѣдъ къ развитію языка, первый изъ нашихъ писателей обладалъ истиннымъ даромъ краснорѣчія, и потому заслуживаетъ полную признательность благодарнаго потомства.

А. Р.

Примѣч. Мы прилагаемъ въ слѣдъ за симъ, письмо Ѳеофана, напечатанное обыкновеннымъ способомъ и съ переводомъ; а въ концѣ книжки, того же письма Литографическій отписокъ, почеркомъ оригинала.

ПИСЬМО НОВОГОРОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА ѲЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

Petitio Tua, Litteris inclusa chartula, expressa (et cur non Latina, miror) duplici me dolore afficit. Primus ille est, quod videor te videre, ubi jam aliquantum meliore potitus sorte, ex mari in littus ascendisses, adhuc cum fortuna tua fluctuare: alter vero, quod cum maxime vellem, minime tamen possim opem tibi ferre. Velim, scias, de hodierno statu meo, qui ita se habet. Perfidus quem fidelissimum putaui hactenus (quod quidem mihi non primum accidit, quia scilicet amicum monitorem non habui ullum hactenus): Basilius eo res meas deduxit, ut non mo-

Прозьба твоя, изъясненная на бумажкѣ, вложенной въ письмо (и дивлюсь, для чего не по Латынѣ) двоякое мнѣ причинила прискорбіе. Первое то, что мнѣ кажется, когда ты достигъ уже участи, нѣсколько лучшей и вышелъ изъ моря на берегъ, и тогда все еще волнуешься со своимъ щастіемъ. А другое, что я хотя весьма желалъ бы, но нимало не могу подать тебѣ помощи Увѣдомляю тебя о нынѣшнемъ моемъ, вотъ какомъ состояніи. Вѣроломный, котораго я доселѣ почиталъ вѣрнѣйшимъ (что со мною не въ первый разъ

do nihil ex singulari meo peculio nihil remanserit; sed me etiam offenderim ære alienoa oneratum ad 1300 Kublorum summam. Ut ergo creditoribus eam exsoluissem, meque tanta molestia et pudore liberassem, coactus fui fere omnem variorem supellectilem meam, quo in censu et oblata mihi a sua Imperatoria. Majestate erant munera, diuendere, idque pretio, ut fit in istis casibus, longe, quam constabat, viliore. Et nunc ne obolum quidem, ut vocant, Personalem habeo: quin et adhuc debita contraho, quo peculiarius debili meæ, quam nosti, valetudini pro itinere consulere veleam. Nam inter ferias Natalis Christi Petropolim pergimus. Nihil ergo superest, quod tibi me excusem. Vale.

случается, отъ того, что до нынѣ я не имѣлъ предостерегающаго меня друга:) Василій довелъ мое хозяйство до того, что не только ничего изъ собственнаго имѣнія моего не осталось, но еще нашелъ я себя въ долгахъ: суммою до 1300 рублей. И такъ, чтобы заплатить ихъ заимодавцамъ и освободить себя отъ такой тягости и стыда, принужденъ я былъ почти всѣ рѣдкія домашнія вещи мои, въ томъ числѣ и пожалованые мнѣ отъ Его Императорскаго Величества подарки, распродать даже гораздо дешевле настоящей цѣны, какъ бываетъ въ такихъ случаяхъ. А теперь не имѣю, какъ говорится ни одной задушной полушки; и даже занимаю еще, чтобы лучше запастись на дорогу, всемъ нужнымъ для слабаго моего, извѣстнаго тебѣ, здоровья. Ибо на праздникѣ Рождества Христова

ѣдемъ въ Петербургъ. А больше мнѣ нечѣмъ тебѣ извиняться. Прощай.

На оборотѣ сего письма подписано, по Латынѣ же, питомцемъ Өеофана Прокововича, Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ, слѣдующее.

Propria manu Theophanis Procopowietz schdula scripta Mosqua ad Dn. Obidowsky Glukowiam, anno 1730.

Собственною рукою Өеофана Прокоповича записка, писанная изъ Москвы къ Гну. Обидовскому въ Глуховъ. 1730 года.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новѣйшія чужестранныя книги.

Географія и Топографія.

Geographische Ephemeriden, etc. Географическія Ефемериды, издан. Т. И. Бертушомъ. Томъ IV. 2-я тетр. въ 8. Веймаръ. Въ *Bureau d' industrie.* Цѣна за четыре тетрадки, 3 Rxd.

Сія тетрадь содержитъ въ себѣ одну записку, о Невгампширскихъ бѣлыхъ горахъ, переведенную съ Англійскаго, соч. Іамеса *Вигглава*

Въ отмѣткахъ замѣчательны: 1) статья объ открытіяхъ корабля Рурика; подъ начальствомъ Лейтенанта *Коцебу*: 2) статистика пашалика Алепа; 3) другая Швеціи; 4) народочисленіе Германскаго Союза; 5) смѣсь и извѣстія.

The imperial Atlas, etc. Имперскій Атласъ, или избранныя карты Имперій, Королевствъ и Государствъ свѣта, съ разграниченіемъ Европейскихъ, согласно съ постановленіемъ Вѣнскаго Конгресса и Парижскихъ трактатовъ. Издалъ Іамсъ Милларъ. въ больш. 4. Лондонъ 1818. у *Whitaker.* 2 ф. стерлинг. 10 шил.

Карты сіи нарочно были гравированы Док. Лизарсомъ въ Единбургѣ. Къ нимъ прибавлены древнія карты наиболѣе употребительныя; Географ. и Физич. введенія и проч. и проч.

Путешествія.

A chronological History of Voyages. etc. Хронологическая Исторія путешествій въ полярныя

страны, предпріятыхъ для открытія пути на сѣверовостокъ, сѣверозападъ, или подъ полюсъ между Атлантическимъ и тихимъ Океанами, отъ древнѣйшихъ времянъ Скандинавскаго мореплаванія, до отплытія послѣдней Экспедиціи, подъ начальствомъ Капитановъ Росса и Букана; соч. Іона *Баррова*. Томъ бол. въ 8. съ картою Арктич. странъ Лондонъ 1819.

Г. *Барровъ* прибавилъ извѣстіе о путешествіи Капитана Букана во внутренность Невгуфдланда: а другое объ открытіи, Капитаномъ Макдональдомъ въ 1588 г. Аніанскаго пролива.

A journal of an expedition, *etc.* Журналъ Экспедиціи, въ неизвѣстную до сего времени часть Астролазіи, отправленной по повелѣнію Англійскаго правительства изъ Юж. Новой сГалліи въ 1817. — Соч, Іона Окслей. т. въ 6. 4. съ картой. Лондонъ, 1819. (*Murray*).

Изящныя искуства.

Стихотворенія.

Diqkles, etc. Легенда въ четырехъ пѣсняхъ, Авторомъ *Ксантипуса*. т. въ 8. Берлинъ, 1818. у *Reimer*, 18 gr.

Авторъ сихъ поэмъ Г. *Богуславскій.*

Ueber die Epochen etc. записки о Эпохахъ подражательныхъ искуствъ у Грековъ, Фридрихомъ *Тиршъ*. 54 стран. въ 4. Минхенъ, 1816. у *Lindauer*. 45 кг.

Night etc. Ночь, поэма описательная Б. *Елліота*. т. въ 8, Лондонъ 1818. у *Longman*.

Hermann etc. Германъ Херускъ, Поэма въ двѣнадцати пѣсняхъ, *Брауна* т. въ больш. 8. Майнцъ, у *Kupferberg*, на велен. 4 flor. 48 rxd.; на простой 3 flor. 5 rxd.

Театръ.

Die Brüder, etc. Братья, трагедія въ четырехъ

дѣйст. съ прологомъ, Ф. Ламотта Фуке. т. 147 стран. въ 8. Тюбингенъ 1818. у Cotta. 1 flor. 30 kr.

Teatro moderno italiano, etc. Новый Италіанской Театръ или собраніе Драматическихъ піэсъ всякаго рода. Тщательное изданіе съ критическими замѣчаніями. Соб. Луиги *Привидали*. Ч. II. т. въ 12. Венеція. 1818. 1 lire 25 c.

Въ семъ томѣ помѣщены: 1) Полиникъ, траг. 2) Ревность Линдора, ком. и 3) Тереза вдова, драма.

Романы.

Schriften, etc. Полныя творенія Густава Шиллинга. Томы 37 50. 14 томовъ въ 8. Дрезденъ. 1817 у *Arnold*.

Всѣ сіи Томы состоятъ изъ романовъ и повѣстей.

Die Beiden Freunde, etc. Два друга, повѣсть Августа Лафонтена. 2. ч. въ 8. Галле. 1818. у Ruff. 3 rxd 8 gr.

Сверьхъ того на горизонтѣ романовъ является длинный рядъ произведеній Англійскихъ писательницъ, Госпожъ: *Портеръ, Пиро, Панатъ, Гиддандай, Пекъ* и проч. и проч.

Музыка.

Violin-schule etc. Скрипичная школа. Ц. Г. Геринга, въ 6. 4. Лейпцигъ. у g. *Fleischer*. 2 rxd.

Деодата, опера въ 5 д. соч. Коцебу, положенная на музыку Б. А. Веберомъ, передѣланная для фортепіано. Берлинъ. у *Schlesinger*, 5 rxd. 10 gr.

Лабиринтъ, или споръ стихій, опера Винтера, передѣланная для фортепіано. Оффенбахъ. у *Endré*. 10 flor.

Праздникъ Лазароніевъ, опера Враницкаго, передѣланная для фортепіано. Оффенбахъ. у того же. 8 flor. 30 kr.

Ельвина, ком. опера, соч. André, передѣланная для фортапіано, Оффенбахъ. у того же. 3 flor. 20 kr.

Древняя Литература

M. T. Ciceronis sex orationum partes ante nostram aetatem ineditae cum antiquo interprete ante nostram aetatem item inedito qui videtur Asconius *Pedianus*, ad Tullianas septem orationes. Accedunt scholia minora vetera. Editio altera, quam ad codices Ambrosianos recensuit emendavit, et auxit ac descriptione codicum CXLIX, vita Ciceronis aliisque additamentis instruxit Angelus *Majus*. том. 350 стр. въ больш. 8 Миланъ. 1817. въ *Imprimérie royale*.

При семъ твореніи приложено прибавленіе, напечатанное подъ названіемъ:

De editionibus principibus Mediolanensibus fragmentorum Ciceronis atque operum Frontonis commentationes, quae sunt appendices editionis alterius fragmentorum Ciceronis. 37 стр. въ больш. 8 Медіоланъ. 1817.

De originibus Tragœdiae et Comaediae graecae, auctore G. *Schneider*. 2. т. въ больш. Бреславль. 1818 *Holaeufer* 8. 1 rxd. 16 gr.

Sammlung, etc. собраніе новѣйшихъ переводовъ, Латинскихъ прозаическихъ писателей, съ приложеніемъ истолкованій. Томъ V: въ больш. 8. Франкфуртъ. 1818. у *Hermann*. 1 flor. 12 kr.

Saggio di Esame critico etc. Критическое изслѣдованіе къ возвращенію Емиліусу Пробусу (Probus) достоинства сочинителя книги, *Vita excellentium imperatorum*, которую привыкли приписывать Корнелію Непоту, (*Cornelius Nepos*) соч. Г. ф. *Ринхъ*. т. въ 8. Венеція. 1818. у *Alvisopoli*. 1. lire 15 c.

Восточная Литература.

The Desateer, etc. Дезатееръ, съ приложеніемъ древнихъ Персид-

скихъ преданій; коментарій и истолкованій древнихъ Персидскихъ словъ, привелъ въ настоящій видъ *Молла Фируцъ Бенъ Моллаковсъ.* 2 ч. въ 4. Лондонъ, 1818. у *Murray.*

Приложенъ Англійской переводъ.

Библейская литература.

Biblia hebraica, olim à christiano *Reineccio* vulgata, post ad fidem recensionis Masoreticæ cum variis lectionibus ex ingenti codicum mss copia a Benjam. *Kennicotto* etc. T. B. de *Rossi* collatarum edita, curantibus J. C. *Doederleinio* et J. H. *Meisnero* Accessit J. Chi *Knappi.* præfatio de editionibus Bibliorum Halensibus. Halle. 1818. *Въ сиротскомъ домѣ.*

На различной бумагѣ; разныхъ изданій, форматовъ и цѣнъ.

Reliquiæ sacræ sive auctorum fere jam perditorum secundi tertiique sæculi fragmenta quæ supersunt. Accedunt epistolæ canonicæ et synodicæ, Nicæno concilio antiquiores. Ad cod. mss. recensuit notis queillustravit Martinus Josephus *Routh* vol. III et IV tum 2 т. въ больш. 8 Оксфордъ 1815 и 1818. Въ Академической типографіи.

Первые два тома были изданы въ 1814. Четвертымъ оканчивается твореніе, которое состоитъ изъ множества отрывковъ и писемъ, первыхъ духовныхъ писателей до Никейскаго Собора.

Исторія.

Nouveau Recueil etc. Новое собраніе главныхъ договоровъ: мирныхъ, торговыхъ, союзовъ, и проч., издан. Г. Мартенсомъ. Томъ I и II. 2 т. въ 8. Геттингенъ 1818 у *Dietrich.* 6 rxd.

Сіи два тома служатъ пятымъ и шестымъ дополненіемъ, собранію мирныхъ договоровъ, симъ авторомъ изданному, и содержатъ въ себѣ, договоры заключенные съ 1808 по 1815 годъ: въ числѣ ихъ

находятся, многіе неизданные или малоизвѣстные.

Седьмой дополнительный томъ, или третій сего новаго собранія содержитъ въ себѣ договоры 1816 и 1817 г, нѣкоторыя прибавленія и оглавленіе хронологическое и алфавитное обѣихъ изданій сей книги. Полное сочиненіе въ 7 томахъ и 7 дополнительныхъ, стоитъ 34 rxd.

Gemaelde der Revolutionen, etc. Картины главныхъ революцій, возмущеній, заговоровъ и проч. выбраны изъ событій славнѣйшихъ народовъ, С. Баура. т. X въ бол. 8. Ульмъ Штетинъ. 1818. I rxd. 8 gr.

Histoire de l' Empire de Russie par M. Karamsin, traduite par M. M. F. Thomas et Jauffret. Paris. De l'imprimerie de A. Berlin. 1819. въ 8. 418. страницъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ *Исторіи Государства Россійскаго*, сочиненной Н. М. Карамзинымъ, Г-да *Жоффре и Сенъ-Тома* предприняли перевесть сіе твореніе Россійскаго Историографа на Французскій языкъ и болѣе года занимались симъ важнымъ трудомъ, подъ руководствомъ самаго Автора. Нынѣ переводъ ихъ приведенъ къ окончанію и первый томъ, уже вышелъ въ Парижѣ. Къ нему прилоложена, хорошо выгравированная карта древней Россіи. Второй томъ также отпечатанъ и въ скоромъ времени будетъ представленъ Публикѣ. Переводчики увѣдомляютъ въ своемъ предисловіи, что извѣстный *Г. Жюльенъ*, занимавшійся въ Парижѣ преложеніемъ той же самой Исторіи, (*) почелъ за безполезное продолжать свой трудъ и совершенно оставилъ оный: будучи увѣренъ, что переводъ, сдѣланный предъ глазами сочини-

(*) Сем. *Сынъ Отечества* прошедшаго 1818 года. No 36 стр. 255.

теля долженъ быть гораздо исправнее и ближе къ подлиннику. Можно надѣяться, что трудъ Г. Г. Жофре и Сенъ-Тома совершенно удовлетворитъ ожиданію просвѣщенной Публики и познакомитъ Европу съ единственнымъ Историческимъ твореніемъ, которымъ можетъ гордиться Россія.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

1.

Общество, уважая въ полной мѣрѣ какъ отличныя познанія и труды въ наукахъ и Отечественной словесности, такъ и стремленіе къ благотворенію, на основаніи §. 33 Высочайше утвержденнаго Устава, въ засѣданіяхъ 25 Августа и 8 Сентября избрало въ Почетные Члены свои:

Ихъ Превосходительства Г. Тайнаго Совѣтника и кавалера Алексѣя Николаевича Оленина и Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и кавалера Сергія Семеновича Уварова.

Гг. Статскихъ Совѣтниковъ и кавалеровъ Николая Михайловича Лонгинова и Григорія Максимовича Яценкова.

Г. Ординарнаго Профессора Императорскаго Московскаго Университета Михайла Трофимовича Каченовскаго и Г. отставнаго Маіора и кавалера Сергія Нилаевича Глинку.

За представленныя въ Общество сочиненія и переводы сообразно съ §. 35 Устава приняты въ Члены Сотрудники:

Коллежскій Совѣтникъ Иванъ Николаевичь Вольгемутъ, Кандидатъ Императорскаго Московскаго Университета Алексѣй Александровичь Владиславлевъ и Коллежскій Секретарь Баронъ Антонъ Антоновичь Дельвигъ.

А на основаніи §. 38 поступили въ Члены-Корреспонденты.

Экстраординарный Профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета и кавалеръ Иванъ Михайловичь Симановъ, отправившійся вокругъ свѣта на кораблѣ *Востокъ*, Титулярный Совѣтникъ Александръ Карловичь Маздорфъ и Сербскій писатель Вукъ Степановичь.

2.

Общество съ чувствомъ вѣрноподданнѣйшаго благоговенія, поспѣшаетъ извѣстить отсутствующихъ Членовъ своихъ и читателей Соревнователя, что оно чрезъ посредство Г. Почетнаго Члена своего Н. М. Лонгинова имѣло счастіе поднести Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ труды свои, издаваемые съ 1818 года въ видѣ Журнала и удостоилось получить благоволеніе Ея Величества и Высочайшее вниманіе къ трудамъ его. Государыня Императрица пожаловавъ за два Экземпляра Соревнователя 200 рублей, благоволила украсить Августѣйшимъ Именемъ своимъ сіе изданіе.

Въ засѣданіи Общества 22 Сентября опредѣлено, пожалованные Ея Императорскимъ Величествомъ 200 рублей причислить къ суммѣ на благотвореніе назначенной, и выдать въ пособіе бѣднѣйшимъ семействамъ ученаго званія.

3.

Общество, сообразно съ §. 22 второй части Устава своего, изъявляя совершенную благодарность Г. Члену-Корреспонденту Андрею Андреевичу Ивановскому и Гжатскому 1. гильдіи купцу И. К. Жукову за пожертвованія, для благотворной цѣли поступившія: отъ перваго 50 руб. а отъ послѣдняго 20 руб., извѣщаетъ читателей Соревнователя, что сіи деньги причислены равномѣрно къ суммѣ, опредѣленной на благотвореніе и употребятся вмѣстѣ съ другими приношеніями согласно съ цѣлію Общества на вспоможеніе неимущимъ ученымъ и семействамъ ихъ.

4.

Изъ пожертвованной на благотвореніе суммы внесено Обществомъ въ здѣшнее Покровское Приходское училище за сына мѣщанина Павлова 5 рублей.

5.

Общество долгомъ поставляетъ изъявить истинную благодарность Санктпетербургскому

Минералогическому Обществу за доставленіе для Библіотеки оваго одного экземпляра, сочиненной Г. Фулономъ книги: о выдѣлкѣ желѣза въ сыродушныхъ печахъ и по Каталанской методѣ.

6.

Г. Дѣйствительный членъ Общества Я. О. Пожарскій представилъ сему Сословію 500 экземпляровъ изданной имъ книги, подъ названіемъ: *Слово о полку Игоря Святославича Удѣльнаго Князя Новагорода-Сѣверскаго*, съ присовокупленіемъ переложеній и примѣчаній, съ тѣмъ, чтобы изъ вырученныхъ за оную денегъ по 5 руб. за экземпляръ, половина употреблена была въ пользу бѣдныхъ сообразно съ цѣлію Общества.

Сословіе сіе, изъявляя совершенную благодарность Г. Члену своему, извѣщаетъ читателей Соревнователя, что книгу сію за упомянутую цѣну, можно получать въ домѣ его Собраній 3 Адмиралтейской части 4 квартала подъ No 254.

Собственно руко[illegible]писка

Преосвященнѣйшаго Ѳ[illegible]офана

Прокоповича

Petitio Tua, literis inclusâ chartulâ, exigua, ([illegible] Latinè, mirorer) duplici me dolore affecit. Primus ille est, quod video Te u[illegible] dubiam aliquantum melioire potitus sorte, ex mari in littus ascendisses, ad[illegible] infortunâ tuâ fluctuare: alter verò, quod cum maximè vellem, minimè tamen po[illegible]rem tibi ferre. Velim, scias, de hodierno statu meo, qui ita se habet. Per[illegible]que fidelissimum putavi hactenus (quod mihi imprimum accidit, quia scilicet am[illegible] monitorem non habui ulsum hactenus:) Basilius eo res meas deduxit, ut non modo nihil ex singulari meo peculio nihil remanserit, sed me etiam offenderim aere alieno oneratum ad 1300 Rublorum summam. Ut ergo creditoribus eam exsolvissem, meque tantâ molestiâ et pudore liberassem, coactus fui ferè omnem variorem supellectilem meam, quo in censu et oblata mihi à Suâ Imperatoriâ Majestate erant munera, divendere, idque pretio, ut fit in istis casibus, longè quam constabat, viliore. Et nunc ne obolum quidem, ut vocant, Personalem habeo: quin et adhuc debita contraho, quo peculiarius debili meo, quam nosti, valetudini pro itinere consulere valeam. Nam inter ferias Natalis Christi Petropolim proficisci. Nihil ergo superest, quod Tibi me excusem. Vale.

Propria Manu Theophanis Procopowicz Schedula Scripta Mosquâ ad D[n] Obeclowsky Glucoviam anno 1730.

Сїе есть собственно рукою свидетелствовано Коноченаго Григорiя Николаевича Менкова, и подлинникъ.

...uenu Cica

...arca —

—

...ině, mirov) dughči
...m aliquantum meli:
...tunâ tuâ fluctuare:
...tibi ferre. Velim, scias,
...delissimum putaui hac:
...nitatem habuisse:

ПРОЗА.

О ПРИРОДѢ, ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ИЗЯЩНЫМЪ ИСКУСТВАМЪ.

Всѣ понятія наши проистекаютъ отъ познанія Природы. Далѣе ее не возносится, ни смѣлый изобрѣтательный умъ, ни пламенное воображеніе. Человѣкъ не творитъ ничего новаго; онъ все почерпаетъ изъ Природы; и самое воображеніе рисуетъ въ картинахъ своихъ предметы видимые, съ нѣкоторыми только перемѣнами.

Созерцаніе безпредѣльной, величественной и безчисленной въ измѣненіяхъ своихъ Природы, образуетъ произведенія ума и воображенія, и возбуждаетъ въ душѣ живое и пріятное ощущеніе. Отъ того созерцаніе Природы, было первымъ источникомъ Поэзіи и всѣхъ изящныхъ искуствъ. Человѣкъ, будучи пораженъ безпредѣльностію

Неба, вѣчнымъ молчаніемъ пустыни, шумомъ водопада, пробуждался отъ дремоты и горѣлъ желаніемъ сообщить другимъ свои чувствованія. Онъ изливалъ въ нестройныхъ звукахъ свое восхищеніе: — родилась Поэзія; онъ грубо чертилъ на пескѣ красоты Природы: — родилась Живопись.

Но всѣ прелести Природы въ душахъ нечувствительныхъ не производятъ никакого впечатлѣнія. Гренландецъ не обращаетъ вниманія на красоту міра, и его сердце, чуждое сильныхъ и пріятныхъ ощущеній, ни чемъ не трогается; ибо въ немъ нѣтъ еще *потребности изящнаго*. Чувства его столь грубы, что онѣ не могутъ быть поражены величественнымъ зрѣлищемъ; душа его столь не образована, что не умѣетъ постигать согласія въ цѣломъ и разнообразія въ частяхъ прекрасной Природы. Онъ взираетъ равнодушно на восхожденіе солнца и остается столь же холоденъ, какъ льды его отечества, которыхъ не могутъ растопить горящіе лучи сего свѣтила.

Человѣческій умъ, проникая въ законы Природы, старался сообразить съ ними

произведенія смертныхъ. Онъ открылъ, что *Гармонія* въ Природѣ украшаетъ цѣлое, — *разнообразіе* усугубляетъ красоту частей, — *движеніе* даетъ жизнь, — *простота* пріятность, — *выраженіе* характеръ. Изъ границъ первоначальныхъ законовъ не выступаетъ Природа, всѣ ея произведенія основываются на единообразныхъ простыхъ началахъ.

Какой великій урокъ Поэту и Художнику! Природа говоритъ сердцу языкомъ понятнымъ: за чѣмъ же *простое*, иногда у нихъ въ великолѣпной одеждѣ, а *великое* не описано кистью пламенною, но съ холоднымъ духомъ? Природа всему назначила предѣлъ, все что преступаетъ ея законы, теряетъ красоту.

Человѣкъ вездѣ человѣкъ и никогда выше самаго себя не возносится; а потому воображеніе тогда только творитъ прекрасное, когда чувства наши постигаютъ оное въ Природѣ; въ противномъ случаѣ, Артистъ производитъ всегда смѣшное, увеличенное и не естественное.

Онъ тогда только можетъ нравиться людямъ образованнымъ, когда заимствуетъ

изъ природы формы и изображенія изящныя, для составленія *идеала*, который, какъ цѣлое, существуетъ только въ воображеніи, а по частямъ въ Природѣ.

Но Художникъ съ самымъ щастливымъ дарованіемъ не можетъ достигнуть своей цѣли, ежели Природа, его окружающая, бѣдна, и въ своихъ изображеніяхъ лишена красивыхъ формъ.

У Грековъ Скульптура достигла высочайшей степени совершенства, ибо они находили въ Природѣ образцы для своихъ произведеній. Греція была отечествомъ красоты. Художникъ съ живымъ характеромъ, съ проницательнымъ умомъ, встрѣчалъ предъ собою ежечасно новыя прелести, которымъ онъ только подражалъ въ своихъ твореніяхъ. — По сей причинѣ, Греческій рѣзецъ произвелъ Венеру, которой и понынѣ не престаютъ удивляться, и возвысилъ искуство до *идеаловъ*. Напротивъ того Египтяне не оставили ни одной статуи прекрасной формы, потому, что ихъ Художники не имѣли предъ собою образцевъ, съ которыхъ бы могли списывать; для нихъ

прекрасная Природа не существовала. Воображеніе ихъ всегда увлекалось за предѣлы естественнаго, и желая представить Боговъ, изображало чудовищъ.

Въ произведеніяхъ искуствъ, все то, что выступаетъ изъ круга Природы и совершенно противорѣчитъ разуму, не можетъ никогда нравиться, хотя бы Художникъ истощилъ всѣ старанія скрыть сей недостатокъ. Но естьли Природа является въ нихъ съ нѣкоторыми легкими перемѣнами, которыя однакожъ не нарушаютъ правдоподобія, въ таковомъ случаѣ искуство пріобрѣтаетъ новую красоту. Сіи перемѣны весьма трудны для людей обыкновенныхъ и требуютъ особенной разборчивости, вкуса и воображенія. Кто во глубинѣ души не постигъ, въ чемъ состоитъ совершенство, тотъ не дерзай брать кисти для изображенія *идеала:* онъ никогда не достигнетъ своей цѣли!

Подражать Природѣ не должно во всемъ; но въ томъ только, что можетъ въ понятіяхъ нашихъ дѣйствительно быть прекраснымъ. Въ произведеніяхъ искуства должно избѣгать всего незанимательнаго, низ-

каго и отвратительнаго, хотя мы часто встрѣчаемъ такіе предметы въ Природѣ. Она не стремится единственно къ прекрасному; она образуетъ свои творенія не только для удовольствія, но и для пользы нашей; и потому не можетъ служить во всемъ образцемъ искуству, котораго главная, единственная цѣль — есть удовольствіе. Мы требуемъ отъ Поэта и Художника, чтобы они при изображеніи самыхъ обыкновенныхъ, даже низкихъ и отвратительныхъ предметовъ, скрывали отъ насъ дурную сторону оныхъ и всегда сохраняли извѣстную степень занимательности и благородства. — Италіянскій Стихотворецъ *Данте*, въ одномъ мѣстѣ своей Поэмы, (*) представляетъ, въ адѣ, Графа Уголина, грызущимъ черепъ свирѣпаго своего непріятеля, который уморилъ его съ голоду. Казалось бы, что такая картина должна произвести отвращеніе въ душахъ чувствительныхъ; но Поэтъ начерталъ ее столь искусно, что она кажется только ужасною. Припомнимъ здѣсь извѣстные стихи Буало:

(*) La Comedia divina. Canto XXXIII.

Il n'est point de serpent, ni de monstre odieux,
Qui par l'art imité ne puisse plaire aux yeux.
D'un pinceau delicat l'artifice agréable.
Du plus affreux objet fait un objet aimable.

Артистъ, который сотворилъ намъ Апполона Бельведерскаго, собиралъ разсѣянныя красоты во всей Природѣ, и изъ оныхъ составилъ въ воображеніи своемъ совершенный *идеалъ*. — Перенесясь мыслію въ жилище Боговъ, онъ старался постичь ихъ, и въ умѣ его развернулось понятіе о безсмертныхъ. — Онъ далъ Апполону Бельведерскому станъ выше человѣческаго, мужество, красоту и величественность въ положеніи. На лицѣ Бога блистаетъ душевное спокойствіе, кажется, что печали жизни ему извѣстны только по слуху. — Смотря на него, говоритъ Винкельманъ, я переношусь въ Делосъ, въ священныя дубравы Ликійскія, въ тѣ мѣста, которыя ощастливлены пребываніемъ Апполона, и красота, мною зримая, кажется, получила движеніе, подобно произведенію рѣзца Пигмаліонова.

Такъ! Въ подражаніи Природѣ должно всегда соединять искуство и выборъ; и по

тому, по словамъ Лонгина: тогда искуство совершенно, когда оно кажется Природою; и обратно тогда Природа прекрасна, когда приближается къ искуству. Люди всегда должны имѣть нѣкоторую степень самолюбія, чтобы въ своихъ произведеніяхъ не быть рабами чужихъ мнѣній, не слѣдовать всегда по одной проложенной дорогѣ; но открывать новые пути, ведущіе ко храму Изящнаго.

Природа, какъ источникъ всего изящнаго, представляетъ вездѣ разнообразіе. Небо, земля, животныя, процзрастѣнія, даже воздухъ, которымъ мы дышемъ, измѣняется въ разныхъ климатахъ. А какъ человѣкъ познанія свои почерпаетъ изъ вещей, представляющихся его взорамъ, то онъ всегда рабъ законовъ, окружающаго его естества, и смотря потому, сколь сильно поражаютъ его сіи предметы, воображеніе его болѣе или менѣе воспламеняется.

Стихотворцы Исландіи всегда единообразны, всегда печальныя мысли занимаютъ ихъ воображеніе; въ пѣсняхъ ихъ нѣтъ блистательныхъ мыслей, вдохновенныхъ сыномъ Эллады, красотъ Греческой Поэзіи и пламен-

ныхъ чувствъ. Обитатели Сѣверныхъ странъ не знаютъ очаровательныхъ прелестей весны, и видятъ всегда Природу дикую и печальную. Снѣга покрываютъ безплодныя поля и на высокихъ мѣстахъ лежатъ даже лѣтомъ. Здѣсь солнце рѣдко показывается въ полномъ сіяніи: одна луна освѣщаетъ долгія и печальныя ночи блѣдными своими лучами. Такова Природа во всѣхъ Сѣверныхъ странахъ: скудна въ произведеніяхъ, угрюма въ картинахъ. Она-то сообщила Сѣверной Поэзіи сей смѣлый, меланхолическій и единообразный характеръ, который только ей свойственъ. — У Шотландскихъ и Ирландскихъ Стихотворцевъ нѣтъ ни одной прелестной картины. Здѣсь только грозныя битвы, унылыя пѣсни Бардовъ и тѣни умершихъ Героевъ, занимаютъ Поэта. Здѣсь нѣтъ замысловатыхъ изобрѣтеній, большой разнообразности, любезныхъ Грацій и сладостныхъ пѣсней Сиренъ Греціи.

Оссіанъ безпрестанно обращается къ шумнымъ вѣтрамъ, сѣдымъ облакамъ, облегающимъ небо Шотландіи, къ пѣнистому морю, къ ужасамъ ночи. Онъ единообразенъ въ мысляхъ, всегда Меланхолія наполняетъ пѣсни его.

Южныя страны свѣта представляютъ смертнымъ Природу во всемъ великолѣпіи: — тамъ величественно текутъ рѣки, омывая цвѣтущія берега; тамъ всегда благоухаютъ произведенія Флоры и зрѣютъ дары Помоны. Жители сихъ щастливыхъ мѣстъ наслаждаются всѣми удовольствіями, свѣтлымъ небомъ, чистымъ воздухомъ. По сему и творенія обитателей Юга отличны отъ Сѣверныхъ произведеній въ видахъ, родахъ и формахъ.

А. Р.

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ Г. БЛАНКЕННАГЕЛЯ ВЪ ХИВУ.

Я пріѣхалъ въ Хиву, 5 Октября, 1793 года, пробывъ въ дорогѣ изъ Оренбурга чрезъ Киргизскія степи 35 дней. Прибытіе въ Хиву.

Квартиру отвели мнѣ близь города, въ домѣ обведенномъ высокою стѣною; у воротъ приставили караулъ, съ повелѣніемъ не выпускать изъ онаго ни меня, ни людей моихъ; и строго наблюдать, чтобы никто, изъ находящихся въ неволѣ Россійскихъ подданныхъ, не приходилъ ко мнѣ. Квартира.

На другой день по утру призвали меня осмотрѣть глаза Фазиль-Бія. Я не мало изумился нашедъ его вовсе слѣпымъ: одинъ глазъ совершенно вытекъ, а другой на- Слѣпой Бій.

полненъ былъ застарѣлою темною водою, такъ, что зрѣніе едвали возвратить ему можно было и чрезъ самую щастливую операцію.

Когда слѣпой Бій спросилъ меня, какого я мнѣнія о его глазахъ, то сказалъ я, не обинуясь, всю правду, что ему весьма не понравилось. Но какъ, между прочимъ, услышалъ онъ отъ меня, что только заражающіяся темныя воды можно иногда лѣкарствами разводить, то и потребовалъ повелительно, чтобъ я употребилъ сіи лѣкарства.

Не видя ни малѣйшей надежды къ излѣченію, я отъ того отказывался; однакоже всѣ мои отговорки ни къ чему не послужили: день отъ дня приступали ко мнѣ съ усильнѣйшими требованіями; наконецъ я принужденъ былъ давать слѣпому Бію лѣкарства.

Умыселъ на жизнь путешественника.

Около двухъ недѣль все было спокойно; какъ вдругъ я увидѣлъ, въ окружавшихъ меня, большую перемѣну. Двое Россійскихъ неволь-

никовъ, нашедъ случай ко мнѣ проникнуть, объявили, что жизнь моя въ крайней опасности; что въ городѣ разславили: будто я не лѣкарь, а шпіонъ; что народъ ропщетъ, для чего къ нему допускаютъ Рускихъ; и что по сему случаю собирался многократно совѣтъ, на которой приглашались всѣ Градоначальники.

Два дни спустя, извѣстили меня тѣже невольники, что въ совѣтѣ предложено было отправить меня безъ всякихъ околичностей на тотъ свѣтъ, чему однако воспротивились Первосвященникъ Кази и начальники городовъ Ургенца и Ганги; что по сильномъ словопрѣніи положено наконецъ немедленно выслать меня въ Россію, но на пути коварно лишить жизни.

На другой день провѣдалъ я отъ приходившихъ ко мнѣ Хивинцевъ, что приказано дѣлать нужныя къ моему отъѣзду приготовленія. Тогда призвалъ я къ себѣ одного изъ довѣренныхъ слѣпаго

Бія, и велѣлъ сказать ему и всѣмъ его совѣщателямъ, что мнѣ извѣстны ихъ умыслы; но не понимаю какъ они дерзнутъ рѣшиться на столь безразсудное предпріятіе; и вѣдали бы они, что за самую малѣйшую непріятность, которая случится мнѣ у нихъ или въ обратномъ пути моемъ, они жестоко наказаны будутъ, отъ пославшей меня могущественной Императрицы.

Дозволеніе видѣть путешественника.

Два дни не получалъ я никакого отвѣта, а на третій извѣстили меня, что карaульнымъ данъ приказъ пропускать всѣхъ въ квартиру мою безъ препятствія? и какъ въ тотъ же день привели ко мнѣ, слѣдовавшихъ со мною изъ Оренбурга лошадей, то и приказалъ я все готовить къ отъѣзду.

Предложеніе путешественника объ отправленіи въ Россію Посольства.

На другой день я послалъ просить слѣпаго Бія о доставленіи мнѣ случая лично съ нимъ объясниться; и получилъ въ отвѣтъ, что онъ самъ ко мнѣ будетъ. По прошествіи трехъ дней прибылъ онъ

ко мнѣ. Я повторилъ ему все, что чрезъ повѣреннаго и сотоварищей его наказывалъ, совѣтуя осторожнѣе и почтительнѣе обходиться впредь съ сильною Россійскою Державою; а для предупрежденія непріятныхъ слѣдствій и забвенія всего прошедшаго, отправить посланца и стараться чрезъ него снискать дружбу и покровительство Россійскаго Двора. По нѣкоторыхъ хвастливыхъ выраженіяхъ съ его, и нѣсколькихъ укоризнахъ съ моей стороны, мы начали получше изъясняться, такъ, что онъ предложилъ мнѣ наконецъ по причинѣ ненастнаго времени провести у нихъ зиму; одобрилъ мой совѣтъ объ отправленіи посланца въ Санктпетербургъ, и условясь обо всемъ, разстался со мною дружески.

Историческое произшествіе въ Хивѣ.

Хотя въ совѣтѣ Хивинцовъ о лишеніи меня жизни и были сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ Градоначальниковъ, однакожъ спасеніемъ моимъ обязанъ я наибо-

лѣе воспоминанію, слѣдующаго въ Хивѣ произшествія.

Лѣтъ за 50, Персидскій Шахъ Надиръ отправилъ въ Хиву Посла со свитою, изъ тридцати человѣкъ состоявшею. Хивинцы, дабы настоящее ихъ состояніе осталось неизвѣстнымъ, умертвили Посла и всю его свиту.

Справедливо раздраженный таковымъ злодѣйствомъ Шахъ, вошелъ самъ съ войскомъ въ Хиву; Хивинскія войска разбилъ, а Хана Илваса и болѣе тридцати главнѣйшихъ чиновниковъ Хивинскихъ повелѣлъ живыхъ закопать въ землю; въ числѣ ихъ былъ Ешметъ Бій, отецъ Фазилъ Бія и дѣдъ владѣющаго нынѣ Инака. Побѣдитель выгналъ Осбековъ изъ Хивы, и далъ сему краю другаго Хана изъ роду Киргизцовъ.

Сей новый Ханъ владѣлъ по смерть Шаха Надира. Но по кончинѣ его, разбѣжавшіеся Осбеки

возвратились въ Хиву; выгнали Хана и призвали къ себѣ другаго изъ Бухаріи; но и сего вскорѣ умертвя, выбрали на его мѣсто инаго изъ поколенія Каракалпацкихъ Хановъ. Съ сими послѣдними Ханами поступали они по своей волѣ.

Таковое мщеніе Шахово, въ критическомъ моемъ положеніи я приводилъ имъ на память, и доказывалъ, что въ случаѣ подобнаго со мною поступка должны они ожидать гораздо большаго наказанія. Сіе ихъ, такъ сказать, образумило и меня спасло.

Успѣхи путешественника въ Медицинской практикѣ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ переговора моего съ Фазилъ—Біемъ, пріѣхалъ ко мнѣ больной Хивинецъ, весьма богатый и старый. Болѣзнь его была застарѣлая водяная. Я представилъ ему всю важность болѣзни и трудность излѣченія ея, но онъ возразилъ, что я непремѣнно долженъ его вылѣчить; въ противномъ случаѣ по справедливости

признанъ буду не за лѣкаря, а за лазутчика.

Лѣкарства мои по щастію такое произвели дѣйствіе, что чрезъ три недѣли увѣрялъ онъ меня и всѣхъ, что уже совершенно здоровъ.

Излѣченіе сіе надѣлало много шуму, и подало поводъ больнымъ искать моей помощи; ихъ приходило ко мнѣ множество, такъ что съ половины Декабря, по исходъ Февраля, покуда достало у меня лѣкарствъ, каждый день имѣлъ я отъ сорока до пятидесяти таковыхъ посѣщеній.

Чрезвычайное щастіе помогло мнѣ вылѣчить болѣе трехъ сотъ человѣкъ; а какъ я ничего не бралъ за лѣченіе, то сіе доставило мнѣ нѣкоторыхъ друзей, сколько варвары оными быть могутъ: чѣмъ пользуясь имѣлъ я возможность собрать нѣкоторыя свѣденія о ихъ землѣ, однакожъ не иначе какъ съ помощію тамошнихъ Россійскихъ невольни-

ковъ; изъ нихъ вывезъ я въ Россію тринадцать человѣкъ.

Назначеніе Посланника въ Россію.

Когда полагалъ я, что въ разсужденіи Медицины довольно оправдался, то и потребовалъ, чтобы меня извѣстили, кого со мною въ посланцы назначаютъ. Запросъ сей былъ причиною разныхъ совѣщаній, однакожъ за двѣ недѣли до отъѣзда моего назначенъ былъ посланцомъ Ейвасъ-Мугамметъ-Бій.

Предметы посольства.

Сему посланцу препоручено было исходатайствовать глазнаго Оператора, уменшеніе пошлинъ въ Астрахани, возвращеніе конфискованныхъ тамъ около тысячи червонныхъ, и позволеніе вывести нѣсколько тысячь пудъ желѣза; а напротивъ того Россійскому Двору обѣщать все, что Ея Императорское Величество требовать соизволитъ.

При семъ долженъ я замѣтить, что Хивинцамъ нельзя ни въ чемъ вѣрить. Вѣроломство у нихъ обыкновенно; въ разсужденіи же Христіанъ

почитается и за богоугодное еще дѣло. А какъ притомъ ежедневно должно у нихъ опасаться внутреннихъ безпокойствъ; то во время оныхъ все приходитъ въ такое замѣшательство, что нельзя и думать о исполненіи данныхъ ими обязательствъ и договоровъ.

Подарки путешественнику.

За десять дней до отъѣзда моего изъ Хивы, принесены мнѣ были подарки, они состояли изъ кафтана, кушака, шапки, одной лошади и девяноста червонныхъ, да для переводчика и всѣхъ прочихъ людей дано по кафтану. Надѣясь, что все для дороги моей Хивинцами приготовлено, употребилъ я тѣ девяносто червонныхъ на выкупъ двухъ невольниковъ; но послѣ съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что никакихъ издержекъ для отправленія меня въ Россію Хивинское Правительство на свой счетъ не приняло.

У путешественника подмѣнили лошадей.

По прибытіи моемъ въ Хиву, начальствующіе раздѣлили по себѣ

приведенныхъ мною семнадцать лошадей, съ тѣмъ, чтобъ выкормить ихъ къ моему отъѣзду; но изъ нихъ получилъ я только одну, а на мѣсто другихъ дали мнѣ тамошнихъ сельскихъ. Чувство чести никогда не обитало въ душѣ Хивинской; о семъ я въ бытность мою у нихъ имѣлъ случай удостовѣриться.

О заложеніи города и крѣпости на Мангислакскихъ берегахъ, для обезпеченія торговли, не могъ я предложить Хивинскому Правительству; во первыхъ, потому что Хивинскіе Осбеки, ничего столько не опасаются, какъ приближенія Россіянъ; а во вторыхъ, потому что они въ Мангислакѣ власти и вліянія имѣютъ менѣе, нежели мы. О Мангислакѣ.

Но вскорѣ по разрѣшеніи ко мнѣ свободнаго входа, познакомился я съ двумя Трухменскими Начальниками изъ Мангислака; въ разговорахъ моихъ съ ними не пропускалъ я случая, представить имъ выгоды отъ ближайшей ихъ связи съ Рос-

сіею. Они приводили ко мнѣ потомъ и другихъ пріѣзжавшихъ въ Хиву Начальниковъ, которые всѣ согласно меня увѣряли, что естьли на обратномъ пути въ Россію я могу ѣхать на Мангислакъ, то они намѣрены отправить со мною посланцевъ съ прошеніемъ къ Ея Императорскому Величеству о принятіи ихъ въ Россійское подданство, и что въ доказательство ихъ вѣрности, согласятся охотно на построеніе у нихъ города и крѣпости, и на взятіе отъ нихъ аманатовъ.

Предложеніе о посольствѣ въ Россію отъ Трухменцовъ.

Отправленіе на Мангислакъ не было подвержено затрудненію и 12 Марта выѣхалъ я съ караваномъ изъ Хивы. Но по прибытіи моемъ въ первыя кибитки Мангислакскихъ Трухменцовъ узналъ, что не задолго предъ тѣмъ произошли великіе между двумя поколѣніями раздоры, которые готовились они рѣшить оружіемъ; и потому спѣшилъ я перебраться на корабль прибыв-

шій за нѣсколько дней на Кендинскую Косу. Тутъ я пробылъ еще десять дней для того, что увѣрили меня о скоромъ окончаніи ихъ междоусобія; послѣ чего они хотѣли назначить посланцевъ, однакожъ не могши долѣе дожидаться, принужденъ я былъ отправиться и безъ нихъ.

О подданствѣ Мангислакскихъ Трухменцовъ.

Что Мангислакскіе Трухменцы дѣйствительно желаютъ вступить въ Россійское подданство и имѣть на своемъ берегу городъ и крѣпость, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, потому, что подъ покровительствомъ Россіи избавятся они отъ непрестанныхъ угнѣтеній и страха, причиняемыхъ имъ Киргизцами, предъ коими они весьма безсильны; а въ построенномъ въ ихъ землѣ городѣ, удобнѣе имъ будетъ доставать для себя хлѣбъ, который они получаютъ нынѣ изъ Астрахани съ великими затрудненіями.

О народѣ Киргизскомъ.

Киргизскую меньшую орду, между Оренбургомъ и Аральскимъ озеромъ находящуюся, составляетъ

народъ кочевой. Сила у нихъ все рѣшитъ: наисильнѣйшій не только бываетъ правъ, но въ большее еще чрезъ то приходитъ уваженіе. Кто изъ нихъ оказалъ болѣе грабежей, тотъ получаетъ почетное названіе *батыря*, слово, означающее богатыря. У нихъ нѣтъ другаго отличія; самъ Ханъ ихъ ничего не значитъ, и подданные поступаютъ съ нимъ, каждый по своему расположенію. Все, что человѣку льститъ на семъ свѣтѣ: честь, уваженіе и благосостояніе, поставляется у нихъ въ однихъ грабежахъ и воровствѣ.

Караваны, которые должны проходить степями, отъ ихъ необузданности всегда подвержены опасности, быть ограбленными; избавляются же отъ сего, и то на удачу, наймомъ нѣсколькихъ изъ сильнѣйшихъ ихъ племянъ, которыя берутъ ихъ подъ свое охраненіе.

Сія же необузданность ихъ причиною, что они воровски вторгаются въ границы наши, захваты-

ваютъ въ плѣнъ людей, отгоняютъ скотъ и прочее.

Средства, употребляемыя нынѣ къ удержанію ихъ отъ грабительства, и ко внушенію въ нихъ мысли о могуществѣ Россіи: ласковость, кротость, великодушіе, — добродѣтели, вовсе имъ неизвѣстныя, — суть недостаточны; а еще менѣе подарки, которые имъ даются.

Они хвастаясь сими подарками, приписываютъ ихъ одному страху, который будто бы они на насъ наводятъ своими набѣгами; пріѣзжающіе изъ нихъ въ Хиву и въ Бухарію, точно такъ сіе разглашаютъ, и въ доказательство, что они не союзники Россіи, меньше же еще подданные ей, представляютъ приводимыхъ къ нимъ ежегодно на продажу, большее или меньшее число плѣнныхъ Россіянъ.

И такъ, для обузданія ихъ и внушенія мысли о могуществѣ Россіи, потребны совсѣмъ другія средства;—

правосудіе, сопряженное съ благоразумною строгостію. Когда они зимою собираются на кочевье, то легко къ нимъ подойти можно, и наказать ихъ по желанію, за причиняемыя обиды.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СУВОРОВЪ и КУТУЗОВЪ.

Оба стремилися ко славѣ и достигли оной; но разными путями. Оба во многомъ походили другъ на друга; во многомъ же ни мало. Саллустій оставилъ намъ изображеніе отличительныхъ чертъ Цесаря и Катона. Сіи такъ же были велики, похожи одинъ на другаго; но въ противуположностяхъ. — И я представляю здѣсь двухъ Россіянъ, Суворова и Кутузова. Служеніе подъ непосредственнымъ обоихъ начальствомъ доставляло мнѣ случаи видѣть ихъ на самомъ сраженіи, гдѣ душа каждаго стремилась къ побѣдѣ, ко славѣ. Тамъ одно мгновеніе рѣшаетъ судьбу войска и судьбу Полководца. Въ сіе-то роковое мгновеніе оба были Героями. Я видѣлъ ихъ предъ начатіемъ сраженія, въ томительномъ положеніи, когда Военачальникъ приготовляя битву, истощеваетъ всѣ душевныя свои способности и усилія, старается предугадывать

шаги своего непріятеля и придумываетъ средства къ предупрежденію всѣхъ его замысловъ. Тутъ хочетъ онъ быть свыше человѣка, не оставляя ничего случаю. — Глазамъ моимъ предстоятъ они во всемъ величіи и блескѣ, въ торжественную минуту побѣды. — Россійское *ура* возвѣщаетъ оную. Поле сраженія наше. — Оно устлано трупами падшихъ. — Мы по нимъ преслѣдуемъ, поражаемъ бѣгущихъ. Войска, Знамена, Орлы, Крѣпости предъ нами падаютъ. — И Суворовъ и Кутузовъ плачутъ отъ радости, отъ восторга. — Оба благоговѣютъ предъ Царемъ Царей, которому Единому подобаетъ всякая хвала, честь и поклоненіе; оба спѣшатъ повергнуть Престолу Царя своего соподвижниковъ своихъ, все войско; призираютъ знаменитыхъ ранами и предаютъ съ молитвою землѣ, на брани побіенныхъ. Оба Начальники, отцы своихъ воиновъ! — Ихъ видѣлъ я въ тихомъ уединеніи, гдѣ на лаврахъ подъ бременемъ славы своей, размышляли они о суетѣ міра сего, содрогались отъ единой мысли, что все величіе ихъ куплено цѣною крови не-

счетныхъ тысячь жертвъ. — Здѣсь они Человѣки! —

Взгляните на обѣихъ, какая разность въ наружности! Одинъ истощенный, все лице покрыто морщинами, посѣдѣвшій какъ лунь. — Другой ровесникъ его, сохраняетъ всю свѣжесть и полноту лица; нѣтъ ни одной морщины, глава только нѣсколько покрывается сѣдинами. — Старикъ Суворовъ, бѣгаетъ, прыгаетъ, скачетъ верьхомъ, не сходитъ во время сраженія съ лошади. — Старикъ Кутузовъ выступаетъ медленными шагами, тяжесть тѣла заставляетъ его ѣздить въ покойной повозкѣ, только рѣдко садится онъ на лошадь. — Тотъ встаетъ съ своей соломы съ первыхъ пѣтуховъ, доволенъ суровою солдатскою пищею, зеркаловъ и всякой роскоши врагъ. — Сей охотникъ до вкусныхъ блюдъ и винъ, любитъ пороскошествовать въ великолѣпныхъ палатахъ и покоиться на мягкомъ лонѣ. — Оба стараются быть непроницаемыми. Суворовъ прикрываетъ себя странностями, въ которыхъ неподражаемъ; Кутузовъ тонкостію въ обращеніи. — Въ бесѣдѣ Суворовъ кратокъ, отрывистъ, одною рѣдкою

мыслію изумляетъ и восхищаетъ; на письмѣ Спартанецъ. — Кутузовъ плѣняетъ всѣхъ даромъ слова, своею замысловатостію, пріятнымъ расказомъ; на письмѣ любитъ блистать. — Въ храмѣ одинъ читаетъ Апостолъ, поетъ на крилосѣ, неутомимъ въ безпрестанныхъ земныхъ поклонахъ съ коленопреклоненіемъ. — Другой съ должнымъ благоговѣніемъ стоитъ неподвижно и молится. — При Дворѣ Суворовъ боится скользкаго паркета, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, не хочетъ походить никакъ на придворнаго, а показываетъ себя простымъ солдатомъ, забавляетъ и колетъ. — Кутузовъ зная силу царедворца, сообразно съ обстоятельствами не щадитъ ничего, чтобы въ пользу свою уловить слабую сторону.— Тотъ въ обращеніи съ женщинами неловокъ, убѣгаетъ ихъ и кричитъ: „*Отъ нихъ потеряли мы рай!* „Дышетъ лишь славолюбіемъ. — Сей поклонникъ ихъ, въ кругу прекраснаго пола находитъ свой рай, тлѣетъ и нѣжитъ свои чувства. — Оба ученики Румянцова; ознаменовываютъ храброе служеніе свое Отечеству памятниками подъ знаменами героя Задунайскаго. Ядро поражаетъ Суво-

рова въ плечо и ногу. — Пуля Кутузова въ глазъ. — Промыслъ Всевышняго хранитъ ихъ для славы и величія Россіи. — Любовь и довѣренность подчиненныхъ пріобрѣтаютъ они различно. Одинъ покоряетъ себѣ сердца, какъ и города приступомъ: обниметъ, поцѣлуетъ, перекреститъ; и солдатъ и Офицеръ отъ начальника своего въ восторгѣ. — Другой осаждаетъ сердца, и тѣшится преодолѣніемъ. — Одинъ быстръ какъ Цесарь — другой медленъ какъ Фабій. *Быстрота, глазомѣръ, натискъ* тактика нашего Цесаря. *Спѣши медленно* нашего Фабія. — Одно слово *ретирада* приводило Суворова въ гнѣвъ и изступленіе. Австрійскій Генералъ Меласъ, тѣснимый подъ Требіею Французами, присылаетъ въ отчаяніи къ нему за повелѣніемъ, куда отступать? отвѣтъ: *въ Піаченцу*, то есть, разбить непріятеля и прогнать его за Піаченцу. — Кутузовъ отступленіемъ своимъ отъ Браунау до Ольмица едвали не превзошелъ Моро на Рейнѣ. — Въ превратностяхъ щастія одинъ кричитъ, другой молчитъ и вздыхаетъ. — Суворовъ на Альпійскихъ горахъ оставленный союзниками, окруженный отвсюду не-

пріятелемъ, и, преданный всѣмъ лютостямъ жребія, кричитъ: „Измѣна! Измѣна!" Бросается въ ровъ:" Бѣгите, оставте меня, здѣсь мой гробъ!" И въ пропастяхъ побѣда исторгается штыками. — Кутузовъ съ скорбнымъ молчаніемъ отдаетъ врагу Первопрестольный градъ, и донесеніе, что потеря Москвы не есть потеря Россіи, окропляется его слезою. — Одинъ съ горстію людей низлагаетъ всюду враговъ. — Италія освобождена. — Онъ умираетъ. — Другой съ Россіею противоборствуетъ цѣлой почти Европѣ. — Враги погибаютъ, изгнаны, отечество торжествуетъ. — Онъ умираетъ. —

Рымникскій — Италійскій, Кутузовъ — Смоленскій дѣйствовали въ разныя времяна, съ разнымъ числомъ войска и въ разныхъ обстоятельствахъ. Тотъ былъ вездѣ побѣдителемъ. — Россійскому Престолу покорилъ неприступныя крѣпости и новыя Царства. — Сему побѣдителю предоставлено спасеніе Отечества. — Незабвенны слова Суворова: *„Тщетно двигается на Россію вся Европа. Она найдетъ тамъ Ѳермопилы, Леонида и свой гробъ.*

Наконецъ, оба они имѣли одинаковую со всѣми славными Полководцами участь, и объ нихъ спрашиваютъ: были ли они столько искусны, сколько щасшливы? Сіе рѣшитъ потомство.

N. N.

Suum cuique decus posteritas rependit.

Тацитъ.

ИЗМАИЛЪ И МАРІАМА.

(*Изъ Voyage dans le Levant du Comte H. Forbin.*)

„Terret solitudo et tacentes loci . . . .“

Послѣ обѣда Арабы сѣли въ кружокъ и каждый въ свою очередь началъ разсказывать различныя повѣствованія. По движенію и перемѣнамъ въ лицахъ, можно было заключать о важности предмета.

Къ вечеру они сдѣлались внимательнѣе. Я узналъ причину сей перемѣны: всѣ готовились слушать трогательное повѣствованіе Абу-Дауда. „Нѣсколько разъ повторялъ мнѣ сію повѣсть набожный Дервишъ изъ Яфы, и теперь я самъ могу сообщить ее столь же вѣрно, какъ и Святый Отецъ.“

Во время раздоровъ, происходившихъ между степными Арабами и Мотзалламомъ (*)

(*) Градоправитель.

Іерусалимскимъ, Измаилъ, юный Шеикъ, сынъ Ахмета Бахирскаго, отличный своими доблестями, былъ взятъ въ плѣнъ воинами Мотзаллама въ засадѣ близь Бекааской долины. Отецъ его былъ Начальникомъ знатнѣйшаго въ Баръ-Ель-Хамѣ (*) племяни Уахидіевъ. Измаилъ защищался подобно свирѣпому льву, котораго онъ часто поражалъ среди песчаныхъ степей Моака и Карака. Тяжело раненаго съ трудомъ принесли его въ Іерусалимъ. Онъ былъ положенъ въ палатахъ Градоправителя подлѣ обширной колонады. Смертная блѣдность распростерлась по смуглому лицу его, померкшему отъ солнца, но сохранившему все величіе и красоту. Оледенѣлые члены предвѣщали близкую кончину того, кто былъ оградою необозримой степи и ужасомъ Сиріи. Кровь струилась изъ ранъ. Но чего не могло произвести состраданіе, то совершила гнусная корысть. Мотзалламъ, въ надеждѣ получить знатный выкупъ за единственнаго сына Шеика Уахидіевъ, призвалъ Драгомана (**) мечети въ Обѣтованной Землѣ, славив-

(*) Сирія.

(**) Толмачь, переводчикъ.

шагося тогда искуствомъ врачеванія. „Гакимъ! (*) сказалъ онъ ему; ты получилъ отъ неба даръ исцѣлять людей: народъ видитъ въ тебѣ втораго Авероеса; ввѣряю тебѣ сего узника. Естьли ты въ состояніи продолжить его жизнь, я отправлю его въ твое жилище. Клянись представить мнѣ сего невольника въ двадцатый день мѣсяца Коня. Естьли не исполнишь сей клятвы, естьли узникъ сокроется отъ бдительнаго твоего надзора, головою своею будешь отвѣчать мнѣ за нерадѣніе. Возврати ему жизнь — и половина выкупа будетъ твоею наградою.“

Драгоманъ преклонилъ чело къ землѣ, осмотрѣлъ раны Шеика, и положивъ руку на грудь свою, потомъ на бороду и на главу, сказалъ: „Великій Мотзалламъ! да исполнится все по твоему велѣнію: предоставь мнѣ только сего узника и я содѣлаю его стоющимъ всего выкупа, какого только ожидать можешь!“

Умирающій былъ перенесенъ въ жилище Драгомана Юганна-Бенъ-Темима. Человѣколюбіе оживляло сердце сего Христіанина.

(*) Лѣкарь.

Онъ жилъ близь вратъ Св. Стефанія, на пути скорби (*). Садъ дома его, окруженный развалинами стѣны Овчей купели (**), простирался до самаго рва.

Маріама, прелестнѣйшая изъ дѣвъ Палестинскихъ, услышала стукъ, узнала голосъ Бенъ-Темима, отца своего, отворила дверь, огражденную подобно дверямъ каждаго Христіанина въ Іерусалимѣ, и съ удивленіемъ узрѣла невольниковъ, несущихъ почти бездушное тѣло юнаго Шеика. „Я представляю тебѣ, дочь моя, несчастнаго,“ сказалъ Драгоманъ; — и состраданіе изобразилось на небесномъ лицѣ Маріамы. „Ты видишь грознаго Вождя Бедуиновъ, сына Ахметова, Шеика Уахидіевъ!“ — „Такъ сей-то юноша, возразила дѣва, былъ столь ужасенъ для Вифлеемлянъ? — Прости ему, родитель мой! Вспомни исторію Самаритянина. Ахъ! естьли бы твое искусство спасло его!“ — „Поспѣши, сказалъ Бенъ-Темимъ,

(*) Такъ называется въ Іерусалимѣ дорога, по которой шествовалъ Іисусъ въ день своего страданія.

(**) Овчая купель, гдѣ Спаситель исцѣлилъ разслабленнаго.

принести бальзаму Закумскаго и приготовь перевязки изъ полотна чистаго.“

И дѣва спѣшитъ исполнить приказъ сей. Измаила кладутъ на мягкій диванъ Драгомана. Маріама изготовила перевязки: стоя на колѣняхъ поддерживаетъ ослабѣвшую голову юноши и съ трепетомъ ожидаетъ рѣшенія судьбы Измаиловой изъ устъ своего родителя. Увы! послѣдній вздохъ готовится излѣтѣть изъ устъ страдальца. Тщетно волнуется дѣвственная грудь Маріамы: она не возжигаетъ свѣтильника жизни. Неутѣшная замѣчаетъ малѣйшее движеніе, едва мелькающую искру жизни. Въ первый разъ еще она устремляетъ взоръ на мущину и смотритъ съ живымъ состраданіемъ на закрытые глаза Бедуина, коихъ длинныя черныя рѣсницы осѣняютъ блѣдныя ланиты. Глубокая язва зіяетъ на груди Измаила: Бенъ-Темимъ признаетъ ее смертельною. Маріама содрогается и прижимаетъ къ сердцу бремя, ею поддерживаемое. Юноша страждетъ; — онъ уже нечуждъ для дѣвы прекрасной; рука ея держитъ перевязки, которыя должны остановить кровь, стремящуюся по разсѣчен-

ной чалмѣ Бедуина. Слезы, которыхъ Маріама не въ силахъ удержать, падають на чело юноши. Цѣлительный бальзамъ возбудилъ его отъ послѣдняго сна смерти; онъ открываетъ глаза и взоръ устремляется на красоту неизъяснимую. „О Магометъ! произноситъ изнуренный болію, наконецъ и я нахожусь въ очаровательномъ раю твоемъ.“ — „Матерь Божія! восклицаетъ Маріама, онъ живъ: да будетъ Имя Твое благословенно! Исцѣли сего невѣрнаго: безъ Тебя помощь наша ничтожна!“

Въ продолженіе болѣзни, Бенъ-Темимъ и дочь его не оставляли ни на минуту сына Ахметова. Днемъ и ночью онъ видѣлъ Маріаму, исполненную чувствованій кроткаго состраданія, блиставшаго во всѣхъ чертахъ ея лица. Утѣшительныя слова подавали пріятную надежду на будущее пламенному юношѣ, удрученному гораздо болѣе благодѣяніемъ, нежели мыслію о постыдномъ невольничествѣ.

Съ каждымъ днемъ Измаилу возвращались прежнія силы и чувствительное его сердце приносило дань признательности за сохраненіе жизни. Любви и благодарности была

исполнена душа его. Едва началъ онъ переступать и Маріама провождала его подъ смоковницу, осѣнявшую вѣтьвями домъ Бенъ-Темима. Ей пріятно было, сидя подлѣ юнаго Шеика, повѣствовать о войнахъ ея соплеменниковъ, о мщеніи Уахидіевъ противъ вѣроломнаго Гаццара, о подробностяхъ семейственныхъ и удовольствіяхъ жизни пустынной. Вечеръ заставалъ ихъ въ сладостныхъ разговорахъ, отъ которыхъ отвлекались они только пѣніемъ Муэцциновъ, призывавшихъ на молитву Мусульманъ съ высоты Минаретъ пышной мечети Дель-Гарема.

,,Маріама! говорилъ Аравлянинъ, ты заставила меня забыть моего родителя, Пророка и мой родъ. Посреди сихъ возвышенныхъ мрачныхъ стѣнъ, сокрывающихъ отъ меня самое небо, прелестные глаза твои служатъ мнѣ вмѣсто звѣздъ, за которыми безпрестанно слѣдуетъ взоръ мой. Или кости мои, подобно легкому праху, развѣются вѣтромъ Іаминскимъ; или раскину я для тебя въ степи моей шатеръ брачный. Увидя тебя, вострепещутъ отъ радости отецъ и мать мои; весь родъ Уахи-

діевъ облобызаетъ край одеждъ Бенъ-Темима; и юныя дѣвы Кабилегскія будутъ спорить въ почести омыть прахъ ногъ вашихъ." — Въ радости и смущеніи отвѣчала Маріама, что она Христіанка; что сама судьба разлучаетъ ихъ. „Увы! прибавила она съ горестнымъ предчувствіемъ, можетъ быть смерть будетъ единымъ моимъ утѣшеніемъ."

Между тѣмъ Паша Дамасскій, алкавшій сокровищъ Мотзаллама Іерусалимскаго, призываетъ его къ своему Дивану, упрекаетъ въ грабительствахъ и повелѣваетъ снять съ него голову, единаго взора которой вчера еще страшилась вся Іудея. Правленіе Іерусалимомъ поручено было любимцу Паши, который за дарованную милость хотѣлъ отплатить своему повелителю приличнымъ даромъ. Онъ раззорилъ монастырь Св. Гроба Господня и многіе монастыри Армянскіе и Греческіе. Двадцать богатѣйшихъ Евреевъ пали подъ ударами Чаушей, и Іерусалимъ востѣналъ среди смятеній. „Выслушай меня, сынъ Ахмета! сказалъ Драгоманъ ввѣренному попеченіямъ его Шейку. Я далъ клятву хранить тебя послѣднему

Мотзалламу; но не обязывался оною его преемнику: воспользуйся всеобщимъ смятенiемъ, естьли силы твои тебѣ позволяютъ. Завтра, съ появленiемъ солнца выйди изъ города вратами Наби-Даудскими (*); сокройся въ пещерахъ Гацельдамскихъ; гробы будутъ для тебя священнымъ убѣжищемъ; съ осторожностiю направь къ степи путь свой. Самъ Богъ, пославшiй тебя въ мой домъ, да покровительствуетъ твоему побѣгу и да продлитъ дни твои, какъ дни предковъ, кровь которыхъ течетъ въ твоихъ жилахъ!" — При сихъ словахъ Марiама вздрогнула и сосудъ съ питьемъ выпалъ изъ рукъ ея.

„Спаситель мой! возразилъ Измаилъ, и ты можешь желать моего удаленiя, тогда какъ гибель угрожаетъ тѣмъ, коихъ сердце мое никогда не покинетъ? Свирѣпый Абдалла уже преслѣдуетъ всѣхъ мощныхъ мужей въ Iерусалимѣ; но когда сей новый Мотзалламъ принесетъ въ жертву Дромадера: то остановится ли рука его заклать овна и снять волну съ слабаго агнца? . . Онъ воспомянетъ о битвѣ Тиберiадской;

(*) Врата Давыдовы.

ему, повѣдаютъ что Измаилъ въ плѣну, и тогда никакая цѣна не искупитъ моей жизни: *кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!* Тогда же потребуетъ отъ тебя отчета въ узникѣ, и уста твои, привыкшіе всегда вѣщать истину, что повѣдаютъ ему? . . . Удалимся отсюда вмѣстѣ, или, естьли имѣешь ко мнѣ вѣру, я поспѣшу къ моему родителю; онъ предстанетъ предъ Фарана съ дѣтьми своего поколѣнія, кроткими какъ стадо дикихъ козлищь, свирѣпыми какъ львы пустынные; я самъ приведу верблюда послушнаго, которымъ легко будетъ управлять Маріамѣ. Вы соединитесь съ ними при входѣ въ долину Газскую и веселые клики встрѣтятъ васъ у сыновъ Уахидіевыхъ. Мы будемъ ожидать васъ въ теченіи трехъ послѣднихъ дней мѣсяца Зефировъ; на вершинахъ Евора недремлемо буду я наблюдать за вашимъ появленіемъ.“

„Родитель мой! воскликнула Маріама, обнимая его колѣна, мысль Измаилу внушена самимъ небомъ: вчера предъ олтаремъ Св. Дѣвы молилась я и сердце предузнало все предложенное теперь симъ юношею. Сокроемся отъ нападеній варваровъ. Со

временемъ рука Божія развѣетъ ужасную бурю; Всемогущій сохранитъ въ благости свой народъ. Заклинаю тебя, удалимся не теряя ни минуты."

Пораженный благоразумнымъ совѣтомъ и скорбію дочери, Бенъ-Темимъ согласился на ея просьбу. Были сдѣланы нужныя распоряженія и Измаилъ возвѣстилъ о намѣреніи своемъ отправиться въ путь.

„Сынъ Бахировъ! да насладится взоръ твой, узрѣвъ станъ Ахметовъ, какъ восхищается взоръ утомленнаго путника при видѣ Оазисовъ!" (*) Но внезапно разрушились всѣ предпріятія. Смятеніе въ Іерусалимѣ сдѣлалось общимъ, и Бенъ-Темимъ не могъ рѣшиться отпустить своего гостя. Онъ самъ принужденъ былъ укрываться во рвахъ и ожидать благопріятнѣйшей минуты. Въ одинъ день, преодолѣвъ всѣ препятствія, спокойно возвращался онъ къ Маріамѣ, какъ внезапно былъ схваченъ Спагами. (**) Обнаруженный вѣроломными Греками, онъ представленъ былъ предъ Мотзаллама; — и Маріама болѣе не зрѣла его.

(*) Плодоносныя степи.
(**) Конные воины.

Все, чѣмъ обладалъ Бенъ-Темимъ, досталось въ руки похитителей. Неутѣшная дщерь повергласъ къ ногамъ верьховнаго правителя Иноковъ Обѣтованной Земли, заклиная возвратить ей родителя. Воины окружили монастырь и угрожали служителямъ олтарей. „Дочь моя! сказалъ Маріамѣ верьховный пастырь: Господь посылаетъ на насъ казнь лютую и ты первая жертва Его гнѣва. Излей скорбъ свою предъ тѣмъ, который въ сихъ мѣстахъ, по собственному произволу, испилъ чашу смерти до послѣдней капли. О дщерь Святыя Церкви! Отецъ твой болѣе уже не существуетъ.“

Несчастная еще не знала сей горестной потери. Бездыханна упала она на помостъ. Жены Христіанскія окружили ее, когда она пришла въ чувства. Онѣ со слезами противились намѣренію представить ее Градоправителю. Сей властелинъ, извѣстясь о красотѣ юныя дѣвы, хотѣлъ представить ее Пашѣ Дамасскому, какъ достойную его Одалиску. Настоянія и золото монаховъ отклонили на нѣкоторое время сіе намѣреніе. Они надѣялись избавить юную Христіанку отъ всѣхъ опасно-

стей, вввривъ ее набожнымъ женамъ Вифлеемскимъ. Но вскорѣ узнали, что городъ отданъ на расхищеніе Метуалисамъ и что монастырь Іерусалимскій и церковь Св. Гроба Господня будутъ разграблены въ тотъ же вечеръ. Съ сей минуты каждый помышлялъ только о бѣгствѣ. Жены, дѣти, всѣ сокрылись въ подземныя гробницы Царей и Судей. Отважные Христіане перешли черезъ стѣны, закопали священныя остатки Мощей и драгоцѣнные сосуды въ въ пещерѣ Іереміи и въ глубинахъ Силоамскихъ.

Въ уныніи, безъ опоры, безъ пристанища, Маріама возвращается къ Измаилу, омраченному горестію. Онъ, узнавъ о смерти Бенъ-Темима и видя отчаяніе его дочери, дышетъ только мщеніемъ. „Ты отправишься въ путь, говорила она ему, естьли Богъ даруетъ силы. Я обо всемъ уже предувѣдомила Настоятеля монастыря. Юзефъ, одинъ изъ числа Янычаръ, долженствующихъ охранять монаховъ, будетъ споспѣшествовать твоему бѣгству. Онъ хотѣлъ сокрыться въ развалинахъ Вифаніи, куда Арабы Силоамскіе приведутъ къ нему верблюда

Едва ночь облечетъ мракомъ долину Іфсаоа-тову, ты найдешь своего путеводителя: онъ будетъ ожидать тебя до часу девятаго. Да благословитъ Господь странствіе твое и да сопутствуетъ тебѣ повсюду! Вспомни иногда о Бенъ-Темимѣ и злополучной его дочери!" — „Ты предлагаешь мнѣ бѣгство, а сама не послѣдуешь за мною?" — „Я Христіанка! Мнѣ не возможно быть твоею супругою; но естьли ты любишь меня Измаилъ, то щади жизнь и насладись счастіемъ въ степи своей; для Маріамы же будетъ прибѣжищемъ Гробъ Господень! — Потомъ, собравшись съ духомъ, и прерывающимися отъ рыданій словами, прибавила она: „забыть свой долгъ и зрѣть тебя лишеннаго жизни — есть единая горесть, которой я не въ силахъ была бы перенести; все прочее для меня не составляетъ уже ничего." — „И ты могла мыслить, что я оставлю тебя," говорилъ Измаилъ съ видомъ мрачнымъ, снимая оружіе; кажется, я не подавалъ тебѣ поводу подозрѣвать меня въ толь ужасномъ вѣроломствѣ? Или желаешь ты искушать меня? Ахъ! къ чему послужитъ мнѣ жизнь въ отдаленіи отъ тебя? Но что я

узналъ? Ты можешь жить безъ Измаила! Нѣтъ, я остаюсь и клянусь Пророкомъ, что никакое могущество не отвлечетъ меня отъ Маріамы!" — „Ты остаешься, а смерть тебѣ угрожаетъ, возразила дѣва!"— „Я не страшусь ее, отвѣчалъ Измаилъ."— „Но тебя ожидаютъ отецъ и мать твои, ожидаетъ народъ, коимъ ты управляешь?" . . „Я остаюсь, повторилъ онъ." — „Уже ли ты не знаешь несчастный, что я не въ силахъ пережить тебя?" — „По крайней мѣрѣ я научу тебя умирать, сказалъ Измаилъ!" — Послѣднія слова, произнесенныя со всемъ выраженіемъ страсти, имѣли силу: онѣ рѣшили судьбу Маріамы.

„Что осталось мнѣ предпринять, Всемогущій Боже! произнесла юная дѣва, повергаясь на колѣни. Я покидаю землю, орошенную кровію отца моего. Не попущу погибнуть Измаилу. Ему приноситъ жертву сію злополучная сирота. Ахъ! естьли бы живъ былъ мой родитель: другой священнѣйшій долгъ привязывалъ бы меня къ нему. Но теперь одна въ цѣломъ мірѣ, оставленная, беззащитная, къ кому прибѣгну я? . . . Могули видѣть смерть Измаила и въ воображеніи

слышать рыданіе многочисленнаго его семейства? — Судьба Маріамы не заключаетъ въ себѣ ничего важнаго: такъ пусть живетъ Измаилъ и, можетъ быть, въ благополучіи. — Измаилъ! сохрани жизнь твою; я слѣдую за тобою. О Дѣва Святая! будь милосерда къ намъ; меня одну накажи гнѣвомъ своимъ, ежели мы преступны!“ —

Не теряя времяни Измаилъ и Маріама, благопріятствуемые заревомъ пожаровъ, сокрушающихъ Армянскія Гостинницы, пробираются между алоевыми плетнями окрестныхъ садовъ; приходятъ къ стѣнѣ, окружающей Іерусалимъ; перебираются чрезъ нее, вспомоществуемые Христіанами, обратившимися также въ бѣгство; страшатся, чтобы ихъ не примѣтили, не услышали: малѣйшій шорохъ могъ бы имъ измѣнить. Въ первый еще разъ познаетъ Измаилъ страхъ и ускоряетъ побѣгъ. Привыкшая къ спокойной жизни восточныхъ женъ Маріама едва можетъ слѣдовать за своимъ возлюбленнымъ. Уже видна башня Виѳаніи. Сынъ Ахмета, удрученный пріятнымъ для него бремянемъ, почитаетъ себя обладателемъ Маріамы. Она благодаритъ Небо,

и странники приближаются къ развалинамъ, подаютъ условленный знакъ; но никто не отвѣчаетъ имъ, все безмолвствуетъ. Ночь становится мрачнѣе. Проводникъ и верблюдъ исчезли. Измаилъ повторяетъ знакъ и ничего не обрѣтаетъ увы! девятый часъ прошелъ уже.

Что дѣлать? какъ пройти шестьдесятъ миль по пути суровому, по горамъ и степямъ, безъ помощи, безъ запасовъ, дабы встрѣтить при исходѣ пески сыпучiе, палимые жаромъ солнечнымъ? Для любви все казалось возможнымъ: Измаилу легко было увѣрить Марiаму, что должно еще продолжать путь. „Я знаю источникъ, протекающiй на половинѣ дороги въ земляхъ моего племяни. Тамъ, близь сего источника, ростутъ финиковыя дерева; ты вкусишь плода сего. Я понесу тебя на рукахъ моихъ. Для странствiя нашего довольно двухъ дней. Естьли оставятъ тебя силы, ты снова обрѣтешь ихъ на груди моей."

Чистѣйшая, священнѣйшая невинность облекала ихъ своею дѣвственною ризою. Она укрощала пламень душъ ихъ, въ которыхъ царствовало скромное довѣрiе, божественная прелесть и очарованiе первой

любви! Маріама легко повѣрила Измаилу. Они оставляютъ безмолвныя равнины, дабы въ прохладѣ ночи продолжать свое странствіе. Тщетное желаніе! Маріама чувствуетъ себя уже утомленною, нѣжныя ноги ея изъязвлены колючимъ терніемъ. Измаилъ видитъ ея усилія, ея страданія, и сердце его раздирается горестію. Онъ беретъ ее на руки и медлѣнно ступаетъ по острымъ кремнямъ, раздирающимъ его ноги. Восходящее солнце открываетъ передъ ними степь; необоризримая равнина песковъ краснѣетъ отъ первыхъ лучей солнца; нѣтъ ни дерева, ни малѣйшей тѣни. Измаилъ, одушевляемый новымъ жаромъ, не изъявляетъ унынія: степь для него есть отечество и образъ свободы. „Ободрись Маріама! говоритъ онъ; еще прежде наступленія вечера узримъ мы источникъ Енгадди; а завтра будемъ у моего родителя.“ — Оживленная сими словами Маріама старается скрыть свое изнеможеніе. Она идетъ, оперщись на Измаила; но вскорѣ силы ей измѣняютъ и она лишается чувствъ. Измаилъ снова беретъ ее на руки. При окончаніи столь продолжительнаго дня,

истощенный Арабъ чувствуетъ себя ослабѣвшимъ едва только усматриваетъ вершину пальмъ Енгаддскихъ. Онъ не въ состояніи уже дойти до нихъ прежде наступленія ночи; между тѣмъ Маріаму видитъ почти умирающею. Томимая жаждою, она едва можетъ произнесть слово. За него умираетъ она! Мысль сія возбуждаетъ силы Бедуина: онъ идетъ, останавливается и снова начинаетъ путь. Страхъ лишиться обожаемаго предмета покрываетъ лице его холоднымъ потомъ. Съ трепетомъ прижимаетъ онъ драгоцѣнное сокровище къ стѣсненной груди. Еще нѣсколько шаговъ — и они у желаннаго источника. Наконецъ достигаютъ и изнеможенные повергаются на песокъ.

Измаилъ почерпаетъ руками воду изъ источника и освѣжаетъ уста Маріамы. Мѣдленно открываетъ она очи, омоченныя слезами; тщетно желаетъ скрыть слезы сіи подъ принужденною, едва примѣтною улыбкою. Заботясь о судьбѣ Измаила, она только имъ однимъ занимается. „Увы! говоритъ дѣва юная; безъ меня ты не былъ бы утомленъ путемъ труднымъ!" — Она

упрекаетъ, ищетъ случая обвинить себя, сострадая о предметѣ ею любимомъ.

Подъ Финиковыми деревами отдыхаютъ они день и ночь. Измаилъ садится у ногъ Маріамы. Онъ видитъ безпокойный сонъ ея; съ ужасомъ и изумленіемъ внимаетъ несвязнымъ словамъ, ею произносимымъ. Пріятная прохлада ночей восточныхъ, казалось, сближала человѣка съ небомъ. Гармонія сихъ таинственныхъ часовъ сопровождаема была воплями существа страждущаго или пѣніемъ признательнаго. Подобно огненной колесницѣ катились по горизонту быстрые лучи и блѣднопалевымъ цвѣтомъ позлащали легкія облака, висѣвшія надъ высотами нагорными. Необразованныя массы сіи представлялись духами небесными, защищающими чадъ земли противу покушеній духа мрачнаго. Сочные плоды финиковые и вода чистая возвратили потерянныя силы Измаилу; но дщерь Іерусалимская не обрѣтетъ ихъ уже болѣе! Трепеща о судьбѣ юнаго Шейка, она желаетъ продолжать странствіе. Наставшій третій день показался для нихъ сноснѣе. Измаилъ принесъ воды и финиковъ, освѣжившихъ грудь засохшую.

Напослѣдокъ они встрѣтили Арабовъ — Пастырей, которые, будучи тронуты ихъ положеніемъ, предложили молоко кобылицъ своихъ и опресноки. Старѣйшина ихъ, связанный союзомъ дружества съ Арабами Уахидіями, взялся быть проводникомъ сихъ несчастныхъ странниковъ. Они направили путь къ долинѣ Гармской; пастырь помогалъ имъ взбираться на вершины Габарскія, переходить источники Соэтскіе и пустыни Хевронскія. „Дщерь моя! говорилъ онъ Маріамѣ, надѣйся на Господа; онъ посылаетъ тебя къ намъ на паствы Эдомскія. Ему угодно было взять у меня дочь любимую, единственную опору моей старости: ты собою воспомянешь мнѣ о ней. Удрученный горестію любитъ подобнаго себѣ несчастливца. Опрись на меня, о слабая трость полей нашихъ! Вмѣстѣ будемъ сопротивляться бурному вѣтру.“ И Маріама едва можетъ слѣдовать; очи ея уже не проливаютъ слезъ. Къ вечеру проницательный взоръ проводника открылъ на высотахъ нѣсколькихъ конныхъ Арабовъ. Онъ сокрылъ своихъ путниковъ за скалою и полетѣлъ къ Арабамъ. При видѣ Пасты-

ря, съ быстротою молніи пустились Бедуины съ холмовъ „О питомцы пустыни! воскликнулъ старецъ, не вы ли чада благородной Кабилехіи Уахидскія, правительницы Бозора и Еблаты?" . . „Ты зришь ихъ передъ собою, воскликнули всѣ въ одинъ голосъ." — Старецъ возвратился къ Измаилу который, ввѣривъ ему драгоцѣнный залогъ свой, поспѣшилъ предувѣдомить родителя и привести верблюда. Вскорѣ возвращается онъ и повергаясь на колѣна предъ Маріамою, утѣшаетъ ее: „ободрись, сестра моя возлюбленная! Племя мое ожидаетъ тебя; я возвращу тебѣ родителя."

Маріаму посадили на смирную кобылицу; Арабы помогали Измаилу поддерживать дѣву безсильную. Нѣсколько разъ лишалась она чуствъ до прибытія въ долину Гармскую, гдѣ престарѣлый Шеикъ вышелъ имъ на встрѣчу съ женою своею и дочерьми. Еще издали кричалъ ему Измаилъ: о Шеикъ Уахидіевъ! О родителей мой! Вотъ Ангелъ, сохранившій твоего сына: да убіешь ты въ честь его верблюда новорожденнаго и принесешь хлѣба и соли." Тутъ повѣдалъ онъ ему о бѣдствіяхъ дщери Христіанки, и сле-

зы омочили почтенную браду сына Бахирова. Но увы! Смерть уже гнѣздилась въ сердцѣ Маріамы. Тщетно старались ее развлечь юныя сестры Измаиловы. Онѣ сопровождали ее къ колодцамъ Ливанскимъ; или сидя подъ древами фиговыми, дщери степей Аравійскихъ повѣствовала ей о горести своей во время отсутствія брата и превозносили благодѣянія Бенъ-Темима. По возвращеніи въ шатеръ, мать Измаила, съ безпокойствомъ ожидавшая ихъ, принимала Маріаму въ объятія и называла ее своею дочерью. Все, что услаждало и облегчало болѣзнь Маріамы, было приносимо изъ Газы. „Какъ бѣдны мы въ степи сей, говорила она; но за то сердца наши всегда отверсты для дружества, какъ плоды гранатовые среди долинъ Аскалонскихъ открыты для лучей солнечныхъ; лучи сіи, позлащая ихъ, дѣлаютъ пріятными.“

Сильно тронута была Маріама столь простымъ, но искреннимъ участіемъ. Она любила юнаго Шейка. Благочестіе и мысль о будущей жизни возмущали иногда душу юной Христіанки, рожденной у подошвы Священной Голгофы. Безпрестанно слышала она призывный голосъ отца своего.

Внутреній жаръ и отсутствіе сна снѣдали ее, и упоенный любовію Измаилъ видѣлъ Маріаму приближающеюся медленнымъ шагомъ къ смерти. Ожесточенный противу судьбы своей, онъ скитался вокругъ стана и ропталъ подобно рыкающему льву, уязвленному ядоносною стрѣлою охотника. „Великъ Господь, говорилъ тогда Ахметъ своему сыну! Онъ далъ въ шатрѣ моемъ убѣжище голубицѣ. Вѣрь, сынъ мой, сему благополучному для Уахидіевъ предзнаменованію! Спокой душу твою, возмущенную какъ волны моря пространнаго!"

Тщетны были всѣ попеченія. Въ одинъ день глава Маріамы склонилась на грудь; послѣдній вздохъ излѣтѣлъ изъ увядшихъ устъ ея и душа вознеслась къ престолу Всемогущаго. Посохли корни, питавшіе жизнь сего слабаго дерева. Смерть отца, гласъ вѣры и первая любовь — все соединилось, дабы погубить сей блистательный цвѣтъ юности и красоты.

Посреди всеобщаго отчаянія и стѣнаній, Измаилъ оставался безмолвенъ и не проливалъ слезъ. Престарѣлый Шеикъ сопровождалъ похороны. Онъ зарылъ смертные ос-

шапки дѣвы Христіанской подъ высокими пальмами и въ могилу положилъ съ нею крестъ, которой всегда носила сія злополучная на сердцѣ. Не возможно описать горести Измаила — питомца дикой природы! Напрасно дряхлый отецъ предлагалъ ему пищу, напрасно говорилъ объ участи, которая предназначена его племяни, и о войнахъ, которыя ему угрожали: онъ не внималъ ничему и оставался безмолвенъ. Между тѣмъ спокойствіе цѣлаго племяни Уахидіевъ было возмущено Агою Газскимъ. Собрался совѣтъ старцевъ и единодушно положилъ всѣмъ обитателямъ степи Мефаатской позади Мертваго моря переселиться въ землю Моавитскую. Уже всѣ помышляли о семъ переселеніи, какъ вдругъ при захожденіи солнца узрѣли въ воздухѣ кровавый кругъ; небо пожелтѣло и солнце проливало последній багровый свѣтъ; исчезла тѣнь, и птицы, касаясь земли, стаями полетѣли къ западу; воздухъ покрылся непроницаемымъ мракомъ. Неколебимыя пальмы склонили къ песку вѣтви свои. Малѣйшій вѣтеръ потрясалъ ими. Ужасъ царствовалъ во всей природѣ и жалобный ревъ зверей возвѣ-

щалъ приближеніе убійственнаго вѣтра Семума, ужаснаго посреди степей обнаженныхъ. Встрѣчая съ примѣтнымъ удовольствіемъ приближеніе сего губителя, Измаилъ обнимаетъ могилу Маріамы, разметаетъ песокъ, снимаетъ покровъ съ юныя дѣвы и съ жадностію разсматриваетъ черты, которыя и самая смерть щадитъ еще. Кажется, Маріама привѣтствуетъ друга своего улыбкою; кажется, говоритъ ему: приди о мой возлюбленный! Оставь землю, исполненную огорченій, и переселись въ жилище мира. „Прими, дѣва усопшая, восклицаетъ Измаилъ, прижимая уста свои къ охладѣвшему челу Маріамы, прими непорочный поцѣлуй супруга; земныя оковы мои разрушены: я соединюсь съ тобою на всегда! „Съ восторгомъ, исполненнымъ нетерпѣнія, ожидаетъ Измаилъ смерти, долженствующей смѣшать прахъ его съ прахомъ предмета любимаго. Кровавое облако приближается отъ востока; свирѣпый ураганъ возмущаетъ покоившуюся степь; глубокій песокъ волнуется подобно бурному морю; высочайшія пальмы исторгаются съ корнемъ; въ нѣсколько минутъ засыпается цѣлая стѣпь, и — Измаилъ ис-

чезаетъ посреди сего ужаснаго разрушенія.

Тотъ, до котораго молитва сердецъ, исполненныхъ скорби, достигаетъ скорѣе, чѣмъ куреніе фиміама; тотъ, который судитъ сокровеннѣйшія мысли человѣка, — тотъ, конечно пожелалъ соединить сіи благородныя, чистыя души въ селѣніяхъ вѣчныхъ, рѣченныхъ радостей! —

Ал. Дуропъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КАЗНЬ ЛАОКООНА.

Изъ второй пѣсни Виргиліевой Энейды.

Въ тѣ роковые часы, къ совершенному нась устрашенью,
Новое зрѣлище, золъ обнимаетъ насъ трепетомъ хладнымъ.
Лаокоонъ, во жрецы Посидону предъизбранный Рокомъ,
Тучнаго въ жертву быка приносилъ съ умиленной мольбою.
Вдругъ отъ Тенедоса къ намъ, по смирившейся моря равнинѣ,
(Вспомня сіе, трепещу!) въ необьятныхъ кольчатыхъ извивахъ,
Чревомъ налегши на Понтъ, два ужасные змія стремятся:
Выю подъявши изъ волнъ, и напрягши багровые гребни,

Дерзостно гордой главой надъ поверхностью водъ возносились.
Въ морѣ далеко хвосты ихъ влачатся, какъ цѣпи безмѣрны:
Грозно сѣдые валы, возмущенные ими клокочутъ.
Вмѣстѣ ко брегу приплывь, устремляются зміи изъ моря;
Полныя крови, огня раздраженныя очи сверкаютъ;
Въ пламенной пасти, шипя, смертоносны вращаются жала.
Въ ужасѣ, съ крикомъ бѣжимъ. И къ безстрашному Лаокоону
Грозно зміи понеслись; и два юноши, чада жрецовы,
Первые встрѣтили смерть: обьвивая чешуйчатымъ чревомъ,
Люты чудовища, ихъ и тѣснили и рвали кусками
Внутренность юныхъ сихъ жертвъ, упиваяся жадно ихъ кровью.
Къ чадамъ на помощь спѣшитъ ихъ отецъ съ копіемъ рукометнымъ:
Самъ онъ зміями вездѣ во мгновеніе ока опутанъ.
Дважды облегши чресла и обвившися дважды вкругъ шеи,
Сплетшись узлами, главы вознесли надъ главою страдальца.

Тщетно онъ длани напрягъ, покушаяся узы расторгнуть.
Кровью и ядомъ покрытъ, осквернившимъ священную повязь,
Дикій страданія вопль къ небесамъ непреклоннымъ возноситъ.
Такъ, избѣжавъ алтарей, оглашаетъ окрестности ревомъ
Волъ, пораженный въ чело, ослобѣвшія длани ударомъ.
Окованъ, тѣснимъ, изъязвленъ, жрецъ духъ испустилъ;. — Бездыханный
Трупъ оставляя, зміи обратилися къ храму Паллады,
Тамо, у ногъ Божества, подъ щитомъ его, гордо ложатся.

Орестъ Сомовъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ТИТГЕВОЙ УРАНІИ.

I.

Безсмертіе.

Среди могилъ, опустошенье
Лежало съ мертвой тишиной.
Раздранны облака въ порывистомъ стремленьѣ
Сребрились изрѣдка луной;
И будто блѣдное въ эѳирѣ привидѣнье,
Надъ всею сумрачной страной
Блуждало звѣздъ небесныхъ ополченье.
И страшный мракъ ночной
Смущалъ унылый духъ Ликофрона младаго,
Сидящаго въ тоскѣ у камня гробоваго.

*

„Мелида! „онъ возвалъ:“ ахъ! Можетъ быть
твой духъ,
Какъ искра въ воздухѣ потухъ!
Безсмертія священное желанье
Есть, можетъ быть, одно пріятное мечтанье.
Изящное проходитъ такъ какъ дымъ;

Какъ въ рощѣ пыль съ цвѣтка, теряется драгое!
Повѣдай, Существо премудрое, благое,
Почто мы названы подобіемъ Твоимъ? . . .
И льзя ль, чтобь праха горсть Божественное
скрыла! . .
Иль цѣль творенія обширная могила?" . . . .

*

И се скорбящій зритъ: туманный небосклонъ
Багрянымъ заревомъ внезапно освѣтился;
И облачный покровъ на части раздѣлился;
Блаженство ощутилъ въ душѣ печальной онъ!
Какъ юная, цвѣтущая Природа,
Прелестна радуга средь голубаго свода,
Разсыпала сафиръ и злато и опалъ;
И Горній Духъ ему вѣщалъ:
Изъ слезъ сіи врата соткались разноцвѣтны;
Не меркнетъ блескъ души, стенанія не тщет-
ны!" —

II.

Добродѣтель.

Ночные мраки разстилали
Надъ всей Природой свой покровъ:
Какъ очи свѣтлыя Всевышняго, взирали
Небесные огни на красоту луговъ.
И съ смутною душой, порокомъ отягченный,
Эльпиноръ шелъ сквозь мракъ свя-
щенный,

Къ тому убѣжищу, въ тотъ тихій, темный
гротъ,
Гдѣ отъ дневныхъ трудовъ, заботъ
Младая Хлоя отдыхала.
Малѣйшій споръ стихій въ Природѣ изчезалъ,
Эльпиноръ лишь одинъ спокойствія не зналъ;
И буйная душа его алкала
Невинность погубить.
Его преступнаго намѣренья свидѣтель,
Сонмъ яркихъ звѣздъ надъ нимъ не преставалъ
свѣтить!..
Но, какъ мила и какъ ужасна добродѣтель!
Уже приблизиться ко гроту онъ хотѣлъ,
Какъ нѣкій шопотъ, вздохъ его остановляетъ.
Онъ вслушивался и блѣднѣлъ:
Тамъ Хлоя Небо умоляетъ
О жизни матери своей,
Которая дышала лишь для ней —
И въ дочери одно имѣла утѣшенье!
Вдругъ тайное оцѣпенѣнье,
Какъ предъ святилищемъ, что посрамить хо-
тимъ,
Сковало мысль злодѣя.
Блескъ, ночи освѣтилъ пространство передъ
нимъ:
Онъ зритъ, съ трудомъ владѣя
И чувствами, и разумомъ своимъ
Прелестную, молящуюся Хлою.
О добродѣтель! предъ тобою,

Какъ и предъ Богомъ мы должны, благоговѣть!
Страшась, чтобы небесна Сила
Своею молніей его не поразила,
Онъ скрылся, трепеща и тѣнь свою узрѣть.

Н. Розенмейеръ.

ПОСЛАНІЕ КЪ М. Н. СУШКОВУ.

Отъ Васъ почтеннѣйшій Михайло Николаичь,
Я грамотку въ стихахъ исправно получилъ!
Храмой десятникъ мой, усердный Ермолаичь,
Взявъ съ почты, мнѣ ее вручилъ.
Пріятно очень мнѣ, что и въ Столицѣ нашей,
Въ кругу разсѣянья, вы помните меня;
И знать желаете, какъ поживаю я
Съ моей женою Пащей?
Финансы каковы? Игра удачналь мнѣ?
Даю ли я пиры, иль самъ на нихъ бываю?
Пишу ли басенки, изрядноль попиваю,
И веселюсь ли я на Волжской сторонѣ? —
У насъ съ женою ладъ; подъ часъ и побранимся,
Но тотчасъ помиримся.
А въ заключеніе размолвки небольшой,
Я, пользуяся мировой,
Стихи свои проворно собираю,
И ихъ женѣ читаю.
Тутъ дѣлать нечего! Она
Ихъ выслушать съ терпѣніемъ должна.
И, надобно сказать, терпѣнье сохраняетъ!
Хотя признаться и зѣваетъ,

Но всякой стихъ отмѣнно похваляетъ!
А я и радъ! —
Финансами все также не богатъ!
И видно вѣчно мнѣ — (таковъ удѣлъ Поэта!—)
Въ связи съ фортуною не жить!
Поэтуль денежку копить?
Онъ — выше этаго предмѣта!
Игры я больше не веду.
Случается, что къ картамъ подойду,
Желая поиграть, но — справяся съ
тираномъ,
(То есть: съ моимъ карманомъ),
Отъ обольщенія тогда же отойду.
Пировъ я не даю, и ихъ не посѣщаю.
А басни сочиняю.
Подъ часъ и горское вино,
Въ бесѣдѣ искренней, изрядно попиваю.
Притомъ всегда воспоминаю
О тѣхъ, давнымъ давно
Протекшихъ вечерахъ, въ которые мы съ вами,
Иль, занималися Жуковскаго стихами,
Иль, завлеченные Цимлянскаго парами,
Экспромты сочиняли сами.
Но время то прошло: какъ быстръ его полѣтъ!
Ужъ васъ въ Симбирскѣ нѣтъ!
Ужъ вы въ Петрополь, въ столицѣ развлеченья,
Въ странѣ забавъ и утѣшенья,
Идете мудрому Ликургу въ слѣдъ!
А я — все тотъ же я! Какъ Созій Моліера!

Лишь только съ розницей — *другаго* нѣтъ *меня*!
О! Вѣрно не было примѣра,
Чтобы другой такой несчастливой былъ *Я*!
Съ родными разлученъ! Вѣстей не получаю:
Здоровыль, живыли? И слуху нѣтъ объ нихъ!
Напрасно грамоты къ нимъ прозой посылаю . . .
Нѣтъ! Видно не читаютъ ихъ!
Чтожъ дѣлать? Такъ и быть! Поможетъ ли
роптанье?
Нисколько! Лучше же съ терпѣніемъ сносить,
Назначенное мнѣ страданье!
И временемъ для развлеченья пить. —
О ты Волшебница! Бутылка съ Горскимъ ми-
лымъ,
Ты даръ единственный унылымъ!
Явись теперь, явись передомной!
Мнѣ нуженъ нектаръ твой!
Вкуся его, на крыльяхъ воображенья,
Перенесусь въ страну рожденья!
И тамъ найду родныхъ,
Найду друзей моихъ!
Обѣгаю мѣста, знакомыя мнѣ съ дѣтства,
Въ которыхъ я, во время малолѣтства,
Иль пестрыхъ бабочекъ пугалъ,
Иль пятилиственникъ искалъ, —
Знакъ щастія! Какъ няня мнѣ твердила:
Ахъ, няня, няня! Ты мечтой меня манила:
Я пятилиственникъ срывалъ! . . .
Но—гдѣ же щастіе? . . . Въ твоемъ воображеньѣ,

Въ душѣ твоей; —
А въ участи моей
Однѣ лишь огорченья! —
О вы мечты! Мечты! Я сталъ письмо писать,
Но увлеченный вашей силой,
Окончилъ — чемъ? Элегіей унылой!
Нѣтъ, лучше перестать!
Супругѣ вашей — вамъ, здоровья пожелать;
И подписать:
Имѣю честь пребыть покорнѣйшимъ слугою,
Маздорфъ, гонимый злой судьбою. —

. . . .

Симбирскъ.

ТАИРЪ.

Восточная Притча.

При дворѣ у Нуширвана
Зара прелестью цвѣла,
И Персидскаго Дивана
Украшеніемъ была.
Съ нимъ любовь она вкушала,
Съ нимъ и трономъ управляла.
„Есть ли равенъ кто со мной
Въ счастіи своей судьбой?
Говорилъ Таиръ младой, —
Первый въ городѣ счастливецъ,
(Такъ тогда носился слухъ): —
Я Султана лучшій другъ,
Зары первый я любимецъ!" —
„Очень радъ, мой милой сынъ,
„Что доволенъ ты судьбою;
„Но страшися — мигъ одинъ —
„И къ тебѣ судьба спиною!
Говорилъ ему отецъ,
Старый опытный мудрецъ:
„Въ мірѣ все непостоянно,
„Особливо при Дворѣ;

„И любимецъ обласканной
„Не всегда въ своей порѣ:
„Ласка, милости вельможи,
„Ахъ, повѣрь мнѣ очень схожи
„Съ яснымъ, но осеннимъ днемъ:
„Хоть и свѣтитъ солнце въ немъ,
„Но ничуть не согрѣваетъ!
„Тожъ и при Дворѣ бываетъ.“
Какъ сказалъ, такъ и збылось:
Не надолго удалось
Зарѣ быть одной любимой,
И фортуною хранимой;
Видѣть Зюльму предъ собой,
Нушервану полюбилось:
Зара нехотя сокрылась
Отъ соперницы такой.
Съ нею и Таиръ блаженный
Въ мигъ отставку получилъ;
И счастливъ еще онъ былъ,
Что льстецами обнесенный,
Онъ *чалму* отъ нихъ укрылъ!

ВЕСНА.

О сколь любезна мнѣ Весна,
Сопутница веселья, наслажденій!
Сколь сладостна душѣ она
Въ часы прелестныхъ сихъ явленій,
Когда на сводѣ голубомъ
Вдругъ искра солнца загорится:
И небо озарится
Златымъ его лучемъ!
Тогда въ какомъ я восхищеньѣ
Встрѣчаю солнца восхожденье!

Вѣсна любезна также мнѣ,
Когда полдневною порою,
Томимый жаромъ и тоскою
Иду я отдохнуть въ отрадной тишинѣ
Подъ ивою вѣтвистой,
Гдѣ вьется ручеекъ сребристой;
И пѣсни соловей поетъ.
Тогда прохладой оживленный;
Я забываю шумный свѣтъ,
Восторгомъ сладкимъ упоенный.
Но восто разъ Весна милѣй

Для сердца, для души моей,
Какъ солнце сядетъ за горою,
Потухнетъ свѣтлый день:
И въ сумракѣ вечерня тѣнь
Протянется по полю пеленою,
Горящимъ пурпуромъ зардѣютъ небеса
И ляжетъ на траву блестящая роса.
Тогда, какое восхищенье
Свирѣли пастуха внимать;
И стада видѣть возвращенье!
Но можноль все то описать,
Что чувствуешь въ пріятномъ упоеньѣ?

О сколь еще мила Весна
И тѣмъ, что первая она
Мнѣ сердце къ радостямъ раскрыла;
И рѣдкимъ счастьемъ наградила.
Весной я Лизу повстрѣчалъ,
Весною я любовь узналъ,
Весною первое признанье
И въ вѣрности обѣтъ я далъ;
Тогда и сердца трепетанье
Почувствовалъ въ груди моей.
Но ахъ! Прошла Весна моихъ счастливыхъ дней;

Угрюма осень наступила;
Меня всѣхъ радостей и счастія лишила.
Теперь одинъ съ своей мѣчтой
На все минувшее взираю я съ тоской,

И жду Весны опять . . . . Свершится ль ожиданье.

Придет ли гость желанный сей,
Чтобь облегчить страданье
Души моей? . . . .

Ал. Дуропъ.

ОЖИДАНІЕ.

Ночь сошла: все тихо,
Тихо и прохладно!
Ясно блещутъ звѣзды
На высокомъ небѣ . . . . —
Тонетъ свѣтлый мѣсяцъ
Въ голубомъ потокѣ; —
Дремлютъ надъ истокомъ
Тополи и вязы . . . . —
Вотъ и часъ свиданья!
Гдѣ же обѣщанья? —
Гдѣ пастушка Лина? —
Не самаль сегодни
Молвила: „Алексисъ!
Погоди не множко:
Вотъ полягутъ люди,
Зоркіе сосѣди:
Позамолкнетъ въ селахъ;
Потемнѣетъ въ полѣ.
И тогда, дружокъ мой!
Ожидай свиданья
На веселомъ мѣстѣ,
На шелковой травкѣ:

Ну, тебяль учить мнѣ!
Самъ ты знаешь Липу
Подъ которой, помнишь,
Мы видались прежде! . . .
Ахъ, за чѣмъ такъ сладко
Говорить ей было? —

— Ждетъ пождетъ Алексисъ,
Ждетъ онъ . . . не дождется;
Смотритъ и не видетъ:
Милой нѣтъ, какъ нѣтъ:
Лина не приходитъ!
Лина не пришла! —

Вотъ алѣетъ небо
Утренней зарею;
Зашумѣло въ селахъ;
Заблеяли овцы:
Рогъ зоветъ ко стаду . . . .
Милой нѣтъ, какъ нѣтъ:
Лина не приходитъ!
Лина не пришла!

И пастухъ пѣняя
Говоритъ: „ какъ грустно
„Ждать и не дождаться!
„Нѣтъ въ передъ не будетъ,
„Нѣтъ ужъ не заманишь,
„Сладкими словами!"
Но тотчасъ опомнясь,
„Ахъ, сказалъ, все тоже
Будетъ, какъ и было!

Все на то же мѣсто;
Я приду не вольно.
Завтрежъ, какъ задремлютъ
Въ шалашахъ и селахъ . . . .
Грустно дожидатся;
(Я не спорю въ этомъ),
Но еще грустнѣе,
Какъ придетъ, быть можетъ,
Что готовъ бы долго
Ждать, хоть не дождаться:
Да не кого будетъ
На свиданье ждать.

Ѳ . . . .

ШАРРАДА.

На тучныхъ пажитяхъ Авзоніи цвѣтущей —
Раздвинувъ злачные брега, —
Часть первая моя шумя кропитъ луга;
И поитъ пышные града и скромны кущи —
Страну событій и чудесъ.
И въ зеркалѣ ея высокой сводъ небесъ
Безоблаченъ, чуть зыблясь, почиваетъ;
И въ рощѣ Лавровой златой Лимонъ мелькаетъ . . . . . .
Моя *вторая часть*,
Надъ небомъ и землей свою простерла власть;
Всему законъ — ея всемощны произволы:
Воззритъ — и сонмы звѣздъ блѣднѣютъ и дрожатъ.
Речетъ — и царства въ прахъ! Низвержены престолы! . . . .
Коснется безднамъ — и кипятъ!
Велитъ — и цѣпью горъ глубоки станутъ долы . . . . .
А цѣлое мое ни пышностью парчей,
Ни блескомъ крупныхъ перлъ, ни искрометна злата,

Не скроешь ты *Оргонъ*! Мой сынъ и сынъ
разврата,
Отъ зоркихъ Божескихъ очей . . . . .
Сбери кругомъ себя весь блескъ честей и славы,
Испей всѣ прелести и нѣги и забавы,
Сдвинь море и взнеси до неба пышной домъ:
Нигдѣ не избѣжишь моей *второй* ты *части*:
Твою преступну грудь грызутъ строптивы
страсти
И на чело твое давно прицѣленъ громъ.

Ѳ. Глинка.

СМѢСЬ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПИСЬМА Г. ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА П. А. ГАРИЖСКАГО.

. . . .

„Уже я сего дня на Кавказскихъ Минеральныхъ водахъ у горы Мачуки близь крѣпости Константиногорска и близь Черкесовъ и Кабардинскихъ ауловъ. Вчера случилось здѣсь особенное для меня произшествіе. Въ ночь на 24 число сего мѣсяца было большое землетрясеніе, отъ чего многія зданія повредились, въ особенности у Шотландскихъ Колонистовъ, живущихъ отъ Константиногорска въ 4 верстахъ. Здѣшніе жители никогда столь сильнаго землетрясенія не запомнятъ, хотя онѣ здѣсь весьма нерѣдки, ибо въ теченіи 10 лѣтъ было здѣсь 7 землетрясеній.“ —

Съ отличнымъ почтеніемъ и проч.

Горячія воды близь Константиногорска. 26 Іюля 1819.

Примѣч. при семъ письмѣ доставлена статья о Таганрогѣ, которая въ слѣдъ за симъ помѣщена.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЬМА О ТАГАНРОГѢ.

Естьли положеніе приморскихъ городовъ имѣетъ нѣчто привлекательное въ сравненіи съ городами, лежащими во внутренности страны; то это безъ сомнѣнія заключаетъ въ себѣ и Таганрогъ преимущественно предъ тѣми, кои видѣлъ я на пути своемъ отъ С. Петербурга до самаго Кавказа. Находясь на берегу Азовскаго моря, славившагося въ Исторіи древнихъ народовъ, онъ представляетъ какъ бы то мѣсто, которое устроено для пріобрѣтенія сокровищъ востока; ту точку, куда стекаются и чрезъ которую проходятъ другія линіи, сливающіяся между собою и отражающія, какъ бы въ стеклѣ, разнообразные цвѣты солнечнаго свѣта. Отъ самаго Харькова, или лучше сказать, отъ Кіева, видъ страны совершенно измѣняется и для взора изрѣдка уже встрѣчается что либо занимательное и разнообразное. Слободско-Украинская Губернія составляетъ преддвѣріе къ пространнымъ и обнаженнымъ равнинамъ, на коихъ рѣдѣютъ однѣ токмо степныя растенія. пасутся стада, томящихся жаждою Малороссійскихъ воловъ и токмо на разстояніи трид-

*

цати и болѣе верстъ лежатъ уединенныя деревни на пологости горныхъ равнинъ, по коимъ тихо протекаютъ горные ручьи; что невольно напоминаетъ о степныхъ источникахъ и плодоноснѣйшихъ мѣстахъ (Оазахъ), въ обширнѣйшихъ пустыняхъ міра лежащихъ. Жаль, что большая часть жителей Россіи занимаетъ среднюю полосу ея, между тѣмъ какъ всѣ полуденныя страны остаются невоздѣланными, необитаемыми и даже пустынными; да и потребно много времяни на то, чтобы необработанныя страны южной Россіи пришли въ то положеніе, въ которомъ находится вся сѣверная часть оной. Страна приходитъ тогда въ цвѣтущее состояніе, когда жители оной, по мѣрѣ своего распространенія, болѣе и болѣе воздѣлываютъ мѣста, ожидающія превращенія и всегда готовыя возблагодарить своего воздѣлателя.

Отдаляясь отъ цвѣтущихъ Губернскихъ городовъ, ни одно мѣсто не можетъ разсѣять мрачности, окружающей странника при единообразномъ и скучномъ видѣ степей, кромѣ Таганрога, пріятнаго по своему мѣстоположенію и гдѣ природа, какъ бы сжалясь надъ путешественникомъ, являетъ ему новыя картины пробуждая и обновляя его чувства. Уже за десять верстъ не доѣзжая города открывается Азовское море. Приближаясь къ оному мгновенно измѣняется отдаленность. Вмѣсто про-

тяженныхъ холмовъ представляется равнина, а за оною бѣлѣющіяся зданія города и крѣпостный валъ, облегающій берегъ морскаго залива. Кто изобразитъ прелестный видъ сего города, веселость его жителей, свободу, которою пользуются приморскіе обитатели, разнообразные костюмы и непринужденныя тѣлодвиженія иноземцовъ — Азіатскихъ народовъ — вмѣстѣ съ пріятными ощущеніями странствующаго, который послѣ скучнаго и тягостнаго пути по необитаемымъ мѣстамъ, начинаетъ вновь вкушать сладостную необходимость общества? Сень-Піерръ, описывая роскошнѣйшіе виды и явленія природы, уступаетъ во многомъ мирному обитателю Руссо, котораго нѣжная и легкая кисть, въ изображеніи свойствъ и общественной жизни, глубоко врѣзываетъ яркія свои черты въ душу и чувства человѣка, и сильно склоняетъ его къ безмятежному общежитію въ нѣдрахъ семейственнаго счастія. Любя перваго, я не вольно увлекаюсь къ послѣднему, и насладившись величественными зрѣлищами природы, бѣгу вкусить отраду семейства и успокоиться въ его объятіяхъ.

Таганрогъ, портовый городъ Екатеринославской Губерніи, или по древнимъ записямъ Троицкая крѣпость, лежитъ на возвышеннѣйшемъ и со всѣхъ сторонъ открытомъ мѣстѣ подъ 47° 12′ 40″ сѣверной широты и подъ 56° 18′ 45″ долготы по Парижскому меридіану. Онъ

образуетъ мысъ, вдавшійся въ Азовское море, въ которое, на разстояніи отъ онаго въ 30 верстахъ, впадаетъ Донъ; и чрезъ которое въ ясную погоду совершенно видна Азовская крѣпость. Сей мысъ отдѣленъ отъ морскаго берега до устья или Лимана Міуси ретраншементомъ, гдѣ находится застава. Крѣпость же, подъ именемъ Троицкой, заложена Петромъ Великимъ по взятіи Азова въ 1698 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде ея построена была каменная башня, окруженная землянымъ валомъ и служившая маякомъ, для идущихъ съ моря судовъ. Бастіоны, равелины и батареи, лежащія на крутомъ и на 15 сажень возвышенномъ берегу доказываютъ, что она построена по совершенному и полному фортификаціонному плану и содѣлана неприступною для набѣговъ Татаръ на Таганрогскій полуостровъ. Въ сѣверной части оной находятся зданія, правильныя улицы, изъ коихъ двѣ простираются вдоль морскаго берега на разстояніи двухъ верстъ, а прочія пересѣкаютъ оныя и идутъ къ морю, отъ чего оно видно въ срединѣ города со всѣхъ сторонъ. Но жаль, что прелестный видъ моря стѣсненъ и зданія выстроены вовсе не по тому плану, по которому городъ можно бы было расположить; большая часть домовъ во первыхъ находитс въ низменной, а не нагорной части онаго; а во вторыхъ что крайніе изъ нихъ къ берегу обращены

не всѣ лицемъ къ морю: слѣдовательно жители не наслаждаются тѣми величественными картинами, которыя представляетъ открытый понтъ, иногда возмущаемый волнами синяго Дона и грозными бурями Чернаго моря, или при мертвой тишинѣ, отражающій яркія звѣзды въ мрачной глубинѣ водъ. При основаніи города мѣстное начальство не распорядилось, чтобы на самомъ краю высокаго морскаго берега находилась дорога, въ коей зданія обращены были фасадами. Въ какомъ видѣ представился бы тогда Таганрогъ, приближающемуся къ нему мореплавателю! Но за всемъ тѣмъ городъ выстроенъ довольно правильно; въ немъ считаютъ нынѣ 423 дома. Нѣкоторые построены изъ плитняга, (*) находящагося во множествѣ въ Екатеринославской Губерніи, другіе изъ кирпича, остальная же часть оныхъ деревянные. Домы изъ плитняга построенные почитаются весьма для здоровья вредными. Нынѣ предполагается въ Таганрогѣ построить отъ 30 до 40 каменныхъ домовъ съ того времяни, какъ Государь Императоръ въ проѣздъ чрезъ сей городъ соизволилъ утвердить существованіе здѣшняго порта. Обширныя площади, украшенныя многочисленными каменными и деревянными лавками и магазинами, представляютъ для взо-

(*) Сію породу камня называютъ *аршиннымъ камнемъ*. Онъ состоитъ изъ слежавшихся морскихъ раковинъ; выкапывая оный изъ земли, пилятъ на зданія въ аршинъ длиною.

ра плѣнительную картину. Находящіяся въ семъ городѣ 280 лавокъ и 124 магазина доказываютъ процвѣтающую въ немъ торговлю, дѣятельность и богатство жителей.

Кромѣ сего построены по восточному обыкновенію каменныя гостинницы, гдѣ, за совершеннымъ недостаткомъ постоялыхъ дворовъ и свободныхъ квартиръ, пристаютъ пріѣзжающіе для торга Греки, Турки, Армяне, Италіанцы, Французы и проч. Церквей находится четыре; изъ коихъ двѣ Греческія каменныя и одна Католическая, одинъ Греческій монастырь подъ названіемъ Александро - Іерусалимскій, который построенъ иждивеніемъ Г. Варвація, извѣстнаго по своимъ благотворительнымъ заведеніямъ. Онъ стоилъ до 350 тысячь рублей. Нынѣ еще заложенъ каменный Соборъ, подлѣ деревяннаго, съ прекрасною и видною колокольнею, которая приведена къ совершенному окончанію. Гостинницы Греческія, о коихъ я упомянулъ, заслуживаютъ особенное примѣчаніе: тамъ сходятся богатые и имянитые купцы и граждане бесѣдовать о своихъ дѣлахъ и заключать условія. По обыкновенію восточному сидятъ они на софахъ или на коврахъ поджавши ноги и курятъ табакъ, пьютъ прохладительные напитки: цѣлый день гостинницы не бываютъ пусты. По видимому, всѣ восточные народы любятъ бесѣды: ибо кромѣ вечера ни одного Грека, ни одного Турка не найдешь дома: они дѣлятъ время со своими

пріятелями въ гостинницѣ или на торжищахъ; а семейство оставляютъ заниматься хозяйствомъ, дѣлить время со скукою: — таковъ восточный обычай. Улицы въ Таганрогѣ вымощены щебнемъ и мѣлкимъ прибрежнымъ камнемъ, такъ что въ самую глубокую осень никогда въ городѣ не бываетъ грязи.

Главное украшеніе города составляетъ биржа. Когда пожелаешь посѣтить сіе прекрасное мѣсто, то надлежитъ спускаться въ низъ съ горы по дорогѣ, идущей отъ городскихъ строеній до самаго морскаго берега. Дорога сія стоила до 10.000 рублей, не взирая на то, что работали казеннные люди. Длинная проспектива, по сторонамъ коей простираются вдоль берега два ряда каменныхъ магазиновъ, толпа пріѣзжихъ купцовъ разныхъ націй и необыкновенная дѣятельность работающихъ людей при переноскѣ съ кораблей товаровъ, мгновенно поражаютъ взоры. Какое занимательное зрѣлище для того, кто никогда не бывалъ въ большихъ приморскихъ городахъ, гдѣ торговля находится въ цвѣтущемъ состояніи. Таганрогъ есть не токмо одно изъ важнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ для Россіи мѣстъ въ отношеніи внѣшней его торговли съ иностранными державами, но безъ сомнѣнія можетъ облегчить перевозъ товаровъ во внутреннія губерніи и даже изъ самой Ѳеодосіи или Керчи. Торговля здѣсь начала процвѣтать съ 1792 года — современи заключенія

мира съ Турціею. Портъ Таганрогскій важенъ еще потому, что многія Сибирскія произведенія, какъ то: желѣзо, масло и прочее, отправляются чрезъ оный въ малую Азію, Европѣйскую Турцію и другія земли: ибо не токмо плодородіе окрестъ-лежащихъ странъ представляетъ для сего неистощимый запасъ, но даже содѣйствуетъ сему и сообщеніе рѣкъ Дона, Донца и Волги (*). Г. Сумароковъ замѣчаетъ, (**) будто Таганрогъ никогда не можетъ придти въ цвѣтущее состояніе, имѣя для торговли столько затрудненій и неудобствъ, что привозимые и отвозимые товары идутъ не въ своей цѣнѣ и всегда должны подвергаться задержанію въ карантинѣ: думая, что одна Керчь въ состояніи отвратить съ пользою всѣ сіи неудобства. Что она служитъ вратами Азовскому морю, и естьли бы по уничтоженіи въ Таганрогѣ порта открытъ былъ оный въ семъ городѣ, то Азовскіе берега содѣлались бы ею безъ всякихъ карауловъ огражденными; присмотръ въ одной точкѣ привелъ бы Россію къ безпечности о чумѣ; Таврида, коей благосостояніе толико важно для Имперіи, ощутила бы вскорѣ надежное средство къ своему оживленію; а Таганрогъ, переводя туда свои,

---

(*) Pallas Bemerkungen auf seiner Reise in die süden. Statthal. d. R. Reichs.

(**) Смотри досуги Крымскаго судьи или второе путешествіе въ Тавриду Павла Сумарокова. Часть II, стр. 106.

а оттуда чужія произведенія, не почувствовалъ бы конечно въ торговлѣ упадка. Сіе мнѣніе, какъ бы не казалось справедливымъ, но оно не можетъ быть подтверждено основательными доказательствами. Во первыхъ, естьли для Россіи выгоднѣе имѣть портъ при Черномъ морѣ для того, чтобы чума не могла ворваться въ предѣлы ея, то извѣстно, что въ Таганрогѣ съ давняго времяни не знаютъ о моровой язвѣ; и въ послѣдній разъ, когда она здѣсь была, перешла изъ Астрахани, а не изъ заморя; а во вторыхъ и то, что Таганрогъ имѣетъ болѣе выгодъ, отъ впадающихъ рѣкъ въ Азовское море для отправленія товаровъ во внутреннія губерніи Россіи; и по сему нѣтъ никакой для отечества нашего выгоды, переводить торговлю, существующую съ древнѣйшихъ времянъ, съ одного мѣста на другое, безъ всякихъ основательныхъ на то причинъ и ослаблять народъ тамъ, гдѣ издавна онъ силенъ и богатъ. Таганрогъ можно почесть первымъ источникомъ всей коммерціи по Азовскому морю и главнымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ произведеній здѣшнихъ странъ, отпускаемыхъ чрезъ Фанагорійской проливъ. Со времени открытія въ семъ году коммерціи по 10 число Іюля мѣсяца, прибыло къ здѣшнему порту 293 Россійскихъ, Турецкихъ, Греческихъ, Англійскихъ, Австрійскихъ, Сардинскихъ и Гишпанскихъ кораблей, кои нагружены были большею

частію виномъ, ромомъ, курительнымъ табакомъ, деревяннымъ масломъ, сухими фруктами и другими товарами въ небольшомъ количествѣ. Вышло же изъ сего порта 138 кораблей, нагруженныхъ пшеницею, железомъ, икрою, масломъ, кожами, пенькою и другими произведеніями. Главное неудобство здѣшняго порта есть то, что корабли по мѣлководію не могутъ подходить къ самой биржѣ, но должны выгружаемы быть отъ оной въ немаломъ разстояніи; къ городу же подъѣзжаютъ на мѣлкихъ судахъ. Говоря о торговлѣ, не льзя не пожалѣть, что при нынѣшнемъ ея распространеніи, нѣтъ здѣсь страховой Конторы для кораблей.

Городъ имѣетъ въ окружности до 8 верстъ; число же жителей простирается въ ономъ до 9 тысячь человѣкъ, изъ коихъ большая часть суть Греки, переселившіеся, лѣтъ за тридцать тому назадъ, изъ Константинополя.

Многіе дворяне изъ сосѣдственныхъ мѣстъ закупили также въ городѣ домы, или строятся вновь.

Теперь упомяну о казенныхъ и общественныхъ заведеніяхъ, служащихъ къ украшенію города и къ пользѣ жителей. Во первыхъ, заслуживаетъ примѣчаніе *Карантинъ*. Онъ лежитъ отъ города въ 6 верстахъ, видъ его съ моря представляетъ пріятную картину. Четыре выскокія лѣстницы идутъ внизъ до са-

маго моря, гдѣ пристаютъ мореплаватели для снабженія себя съѣстными припасами. Въ карантинѣ соблюдается особенная чистота и порядокъ; но домы, гдѣ содержатся пріѣзжающіе, неудобны. Весьма желательно, чтобы сіе для порта Таганрогскаго необходимое заведеніе получило иное устроеніе и видъ, и было распространено по мѣрѣ увеличенія числа, пріѣзжающихъ для торга купцовъ. Срокъ пребыванія въ Карантинѣ перемѣненъ по новому положенію, и вмѣсто 40, назначено четырнадцать сутокъ, что весьма достаточно при нынѣшнемъ надзорѣ карантинныхъ смотрителей. Во вторыхъ, *Городской Острогъ*, построенный въ управленіе нынѣшняго Градоначальника. Онъ почитается, по удобности размѣщенія и заведенному въ немъ порядку, изъ первыхъ въ Россіи: мѣстоположеніе его довольно пріятно, а порядокъ и чистота въ ономъ соблюдаемые приводятъ каждаго въ удивленіе. Острогъ заключается въ четырехъ отдѣленіяхъ, занимаемыхъ преступниками; въ немъ помѣщена также баня и кухня. Кромѣ того, устроена небольшая церковь, гдѣ арестанты изъ ближайшихъ комнатъ могутъ слушать службу Господню. Въ семъ острогѣ содержится нынѣ до 76 человѣкъ. Подсудимыхъ находилось здѣсь нѣкогда до 170. — Число ужасное по числу жителей Таганрога. Однако сіе не должно приводить въ недоумѣніе, ибо по заведенному въ семъ остро-

тѣ порядку, многіе содержались изъ внутреннихъ губерній Россіи. Къ симъ заведеніямъ можно также причислить *домъ для призрѣнія бѣдныхъ*, пожертвованный Г. Варваціемъ. Въ немъ содержится до 12 человѣкъ мужска и женска пола; кроватей на 14 человѣкъ; бѣлья и обуви довольно, а бѣдные содержатся чисто.

Въ заключеніе сего должно нѣчто сказать объ окрестностяхъ Таганрога. Плодоноснѣйшія мѣста оныхъ простираются отъ Самбека до Кальміуса и далѣе за рѣчкою Бердою, а отъ Азовскаго моря къ сѣверу, (до сѣвернаго Донца) много полей, ожидающихъ воздѣланія. Помѣщики всюду стараются о разведеніи фруктовыхъ садовъ, къ чему земля весьма удобна, ибо деревья произрастаютъ къ удивленію весьма скоро и приносятъ различные плоды, какъ то: персики, сливы и проч. Въ особенности заслуживаютъ здѣсь примѣчаніе туτовыя деревья, кои находятся во множествѣ. Избы строятся, по недостатку дерева, изъ дикаго известковаго камня и глины, а гдѣ и сего нѣтъ, то изъ необженаго кирпича, или тростника. Въ самомъ Таганрогѣ не рѣдко отапливаютъ домы буріаномъ и кизякомъ: ибо за квадратную сажень дровъ платятъ здѣсь по 40 рублей. Цѣна бревнамъ, пригоняемымъ съ Волги и Дона, также непомѣрная: одинъ брусъ длиною въ 3 сажени стоитъ отъ 7 до 8 рублей. Во многихъ мѣстахъ около Таганрога ломаютъ каменный уголь и

жгутъ известь. Близь Міуса Кринки и Сѣвернаго Донца видны слѣды сей породы камня, годнаго къ употребленію. Все пространство къ сѣверу отъ Азовскаго моря, между рѣкъ Бердою и Дономъ, занимается известковыми увалами, образующими большею частію всѣ приморскіе берега. Мысъ, на коемъ построенъ городъ Таганрогъ, состоитъ изъ глины и песку. Вода въ Азовскомъ морѣ несолона, по причинѣ впаденія въ оное рѣки Дона, и лѣтомъ бываетъ зеленовата, почему простолюдимы называютъ оное цвѣтущимъ. Льдомъ рѣдко покрывается, хотя въ глубину оно токмо отъ 25 до 30 саженей. Вѣтры и бури бываютъ сильныя.

И. Garижскій.

ПЕРЕЧЕНЬ ПИСЬМА ИЗЪ ДРЕЗДЕНА.

Два письма изъ Риги и Варшавы удовлетворили любопытство ваше о путешествіи моемъ; теперь остается дополнить, хотя вкратцѣ, о тѣхъ предметахъ кои видѣлъ я за границею царства Польскаго.

Какъ скоро я выѣхалъ изъ Кемпена, то Прускій орелъ возвѣстилъ мнѣ, что я въ Шлезіи, и нахожуся на кряжѣ земли совершенно новомъ. Поля вездѣ хорошо обработанныя, прекрасныя селенія, не въ дальномъ другъ отъ друга разстояніи, удостовѣрили меня о изобиліи и трудолюбіи жителей. Первый городъ Бреславль: высокіе домы о нѣсколькихъ жильяхъ, узкія улицы, непомѣрное множество толпящагося народа одушевляло и приводило въ движеніе картину, для молодаго Путешественника плѣнительную: Прусскія войска, содержащія караулы и за городомъ расположенныя, придавали ей новой блескъ. Я былъ въ театрѣ: заплатилъ за свое мѣсто два гульдена, то есть рубль двадцать копѣекъ; видѣлъ тамъ Его Величество

Короля Прусскаго, который въ то время былъ въ Бреславлѣ для маневровъ тридцати тысячнаго корпуса. Теперь ожидайте перемѣны декорацій въ самой натурѣ. Съ городскаго валу видна вдали на горизонтѣ гора Цетенбергъ и вся цѣпь горъ Богемскихъ, по которымъ мнѣ путешествовать должно было. Отселѣ дорога пойдетъ самая романическая или живописательная. Ужасныя скалы. гранитныя горы, между коихъ со всѣхъ сторонъ представляются взорамъ обработанныя поля и плодовитые сады. Я ѣхалъ пять или шесть часовъ чрезъ густые лѣса, покрывающіе дикія скалы Цетенберга, по выѣздѣ изъ которыхъ увидѣлъ прекрасную долину Изерталъ, гдѣ начинаются Богемскія горы, на верхъ коихъ надобно было подниматься три часа сряду, но дорога такъ выдѣлана, что никакой нѣтъ опасности, даже я не могу сказать съ Русскимъ стихотворцемъ, что лошади

Остановилися среди пути
И отказалися берлинъ везти.

Съ вершины открывается видъ глубокой долины, на которой построенъ городокъ, называемый Шмидебергъ, при подошвѣ горы Шнееконне, то есть, снѣжной головы. Признаюсь, что гора сія изъ города казалась мнѣ не выше Пулковской, но плавающія облака подъ ея вершиною, что мнѣ въ первый разъ еще случилось видѣть, удостовѣрили меня въ настоящей ея высотѣ. На самомъ верху горы, надъ обла-

жами, построена церковь, въ которой каждогодно одинъ только разъ, въ назначенный день, отправляется Богослуженіе. Послѣ того проѣзжалъ я чрезъ Бунцлау, гдѣ славный Князь Кутузовъ-Смоленскій кончилъ знаменитые и полезные дни свои. Проѣзжая также чрезъ Бауценъ, видѣлъ поле сраженія бывшаго въ 1813 году. Прощайте.— Еще къ вамъ писать буду, какъ осмотрюсь, теперь только что пріѣхалъ.

* * *

30 Авг. 1819.
Дрезденъ.

ЕВРЕИ ВЪ АФРИКАНСКИХЪ ВАРВАРІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Докторъ Науди писалъ изъ Мальты, отъ 15 Октября 1816 года, Лондонскому Обществу Миссіонеровъ слѣдующее:

На сѣверо-Африканскихъ берегахъ находится множество Евреевъ, особенно въ Тунисѣ, Триполи и Алжирѣ. Они вообще зажиточны потому, что имѣютъ въ своихъ рукахъ почти всѣ торговые обороты и дѣла, въ которыхъ Турки смыслятъ очень не много.

Нигдѣ въ цѣлой Варваріи, Еврейская нація не находилась въ такомъ уваженіи, не пользовалась такою свободою, какъ въ Алжирѣ до 1804 года. Въ семъ, памятномъ для Евреевъ году возникъ въ окрестностяхъ города мятежъ, не справедливо имъ приписанный. Начальниками бунта были члены Правительства и дѣйствовали съ вѣденія самаго Дея. Выдать Евреевъ за начинщиковъ мятежа, они нашли лучшимъ способомъ чрезъ сіе избавиться отъ платежа должныхъ имъ большихъ суммъ денегъ. Рѣшеніе Дея было таково: „естьли бы не было съ Евреями денежныхъ

связей, то не случилось бы бунта: слѣдовательно они виновники возмущенія." Ихъ начали преслѣдовать, пытать, предавать ужаснѣйшимъ истязаніямъ: живыхъ распинали на крестѣ, сожигали, засѣкали до смерти и проч.

Сіе принудило Евреевъ въ большемъ числѣ переселиться изъ Алжира въ другія владѣнія Варваріи, и особенно въ Тунисъ. Духовные ихъ признавали сіе наказаніемъ отъ неба опредѣленнымъ и предпринимали путь въ Палестину и въ окрестности Іерусалима, считая близкимъ отъ сего гоненія, день возстановленія ихъ народа.

Теперь Евреевъ въ Алжирѣ около 9.000 душъ. Они раздѣляются въ городѣ на многія Синагоги. Старшина, изъ нихъ же избираемый, управляетъ ими съ властію деспота. Избирается онъ самимъ Деемъ и власть его распространяется на всѣхъ Евреевъ Алжирской области. Сіи Евреи богаче и образованнѣе прочихъ, въ сѣверной Африкѣ находящихся.

Они вообще не придерживаются уже нынѣ, съ такимъ упорствомъ своихъ предразсудковъ, какъ прежде. Изъ поступающихъ въ Христіанскую вѣру, по большей части становятся самыми дѣятельными членами Церкви и людьми весьма способными къ назиданію духовнаго блага своихъ собратій. — Примѣромъ тому служатъ многія добронравныя семейства Евреевъ-Христіанъ, которыя много споспѣшествуютъ распространенію Царства Іисуса Христа между

ихъ соотечественниками въ различныхъ странахъ Азіи и Африки.

Одинъ Еврей изъ Тадуста, древняго города въ Марокко, увѣрялъ меня, что проповѣдникъ, благочестивый и дѣятельный, могъ бы сдѣлать между его соотечественниками большее приращеніе вѣрныхъ. Тадустъ, состоящій нынѣ почти изъ 500 Еврейскихъ семействъ, былъ въ началѣ прошедшаго столѣтія раззоренъ до основанія, и выстроенъ вновь одними Евреями. Сей Тадустинецъ, здѣсь (въ Мальтѣ) находящійся, близокъ теперь Царствія Божія и скоро познаетъ истиннаго Мессію.

(*изъ Morgenblatt.*)

Роскошь Арабовъ.

Въ Багдадѣ (1087 г.) Во время пиршества по случаю бракосочетанія Селгинскаго Султана Малека съ дочерью Абассидскаго Калифа Мостади издержано одного сахару до 80.060 фунтовъ.

Въ имуществѣ, взятомъ въ казну послѣ Министра, лишеннаго жизни по повелѣнію Селгинскаго Султана Магомета (1154 г.) найдено между прочимъ, 13.000 червленныхъ полукафтаньевъ.

Великолѣпная мечеть воздвигнутая Сирійскимъ (поколѣнія Омміадовъ) Калифомъ Валидомъ въ Дамаскѣ, стоила 40 милліоновъ рублей. Въ ней привѣшено было къ цѣпямъ изъ чистаго золота 600 лампъ изъ того же металла. Свѣтъ отъ оныхъ былъ таковъ, что одинъ изъ преемниковъ Валида приказалъ замѣнить золото желѣзомъ; дабы необычайный блескъ не развлекалъ молящихся.

Въ прибытіе посольства отъ Греческой Императрицы Зои къ Калифу Моктадею, (поколенія Абассидовъ), гвардіи Калифовой находилось подъ оружіемъ 160.000 человѣкъ; сверхъ того 40.000 бѣлыхъ и 30.000 черныхъ евнуховъ съ 700 придверниковъ въ богатѣйщихъ одеждахъ находились при входѣ во дворецъ. Рѣка Тигръ была покрыта великолѣпными судами; а дворецъ внутри и съ наружи былъ украшенъ 12.500 драгоцѣнныхъ ковровъ и такимъ же числомъ кусковъ дорогихъ шелковыхъ матерій. Среди зала для пріема назначеннаго, стояло дерево изъ чистаго золота съ пятнадцатью вѣтвями, покрытыми множествомъ искуственныхъ птицъ, подражавшихъ своимъ пѣніемъ природному.

(*Отъ туда же.*)

БИБЛІОГРАФІЯ.

Новѣйшія Французскія Книги.

Естественная Исторія.

Les Enfans voyageurs etc. Дѣти путешественники или маленькіе ботанисты. Соч. *Гжи. Генардъ Баронессы Мере*: съ прекрасными виньетами, числомъ около 200. 4 тома въ 18 у *Eymery*. Цѣна 8 fr.

Книга занимательная, написана для наставленія Юношества въ ботаникѣ. Прежде изданія въ свѣтъ, сочинительница вручила его на судъ, извѣстному Г. Дефонтеню, члену Королевскаго Институтa, у котораго она слушала ботаническія лекціи. Сей ученый призналъ трудъ ея полезнымъ и самъ прошелъ всю ботаническую часть онаго. Многіе другіе Академики, также читали рукопись и нашли, что предметы расположены весьма удачно. Небольшія повѣсти, въ семъ сочиненіи помѣщенныя доставятъ юношеству пріятное чтеніе послѣ полезнаго урока. Впрочемъ надобно замѣтить, что сіи украшенія не затемняютъ полезныхъ истинъ, и нимало не вредятъ главному содержанію; а потому люди зрѣлаго возраста, для пріобрѣтенія свѣдѣній въ ботаникѣ, могутъ съ пользою читать сочиненіе Гжи Генардъ.

Исторія.

По сей наукѣ вышли во Франціи въ началѣ нынѣшняго года многія любопытныя сочиненія: вотъ изъ нихъ особенно достойныя замѣчанія.

Графъ Дюмасъ, Ген. Лейтенантъ Королевской Арміи издалъ 7 и 8 томы своего сочиненія *Précis des évènemens militaires etc.* Изображеніе военныхъ произшествій или Историческіе опыты о компаніяхъ съ

1799 по 1814 годъ, съ картами и планами.

Въ сихъ двухъ томахъ подробно и красноръчиво описана компанія 1802 года.

Генералъ Воданкуръ напечаталъ, въ двухъ частяхъ, Исторію Французской войны въ Германіи въ продолженіи 1813 г. *Histoire de la guerre soutenue par les Francois en Allemagne en* 1813.) 2. Т. въ 4. у *Barrois l'ainé.* 25—28 fr.

Онъ раздѣлилъ ее для большей удобности на четыре эпохи; и въ началѣ подробнаго повѣствованія о военныхъ дѣйствіяхъ, помѣстилъ вступленіе, въ которомъ бросилъ быстрый взглядъ на предшествовавшія произшествія. — Самое повѣствованіе отличается ясностью и краткостью, какую только возможно было сохранить при описаніи столь многихъ разнообразныхъ предметовъ.

Histoire de la guerre d'Espagne et du Portugal etc. Исторія Испанско-Португальской войны съ 1807 по 1813 годъ. 2. тома въ 8. Съ приложеніемъ карты войны. у *Germain Mathiot* 12 fr.

Сочинитель сей книги Англійскій Полковникъ *Джонъ-Іонасъ*; а издана съ присовокупленіемъ замѣчаній *Г. Бошаномъ*. Французскіе Журналисты обвиняютъ автора, въ небольшемъ пристрастіи, коего столь трудно избѣжать при описаніи современныхъ происшествій, но въ то же время сознаются, что это единственный недостатокъ, которымъ можно упрекнуть сію Исторію.

Біографія.

Vie de Jacques II etc. Жизнь Іакова II. Короля Англійскаго, составленная по собственноручнымъ его запискамъ, съ приложеніемъ наставленій сыну и духовнаго завѣщанія сего Государя, напечатанныхъ по подлиннымъ Фамиліи Стуартовъ запискамъ, которыя хранятся въ замкѣ Карлтонъ, бывъ туда доставлены преподобнымъ I. С. *Кларкомъ*, Членомъ Королевскаго Общества, Королевскимъ Исторіографомъ и проч. Перев. съ Англійскаго I. Коенъ. 4 Тома въ 8, съ портретомъ. у *Artus Bertram.* цѣна 24 fr.

Смѣсь.

Въ Парижѣ напечатанъ переводъ *Путешествія въ малую Азію и Курдистанъ*, классическая книга *Г. Кинейра*, о которой всѣ ученые согласно отзываются съ отличною похвалою. Хотя извѣстія сообщенныя путешественникомъ о сихъ отдаленныхъ странахъ наиболѣе занимательны для Географовъ, но и другіе читатели найдутъ въ нихъ много новаго и любопытнаго. Должно сожалѣть, что путешественникъ лишился части своихъ записокъ, похищенныхъ со всемъ его блаcкарбомъ морскими разбойниками въ Персидскомъ заливѣ.

Въ Парижѣ вышло (1818 г.) новое изданіе театра *Шенье*, которое превосходитъ прежнія во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ потому, что Авторъ передъ смертью сдѣлалъ значительныя поправки въ лучшихъ своихъ трагедіяхъ, напечатанныхъ при его жизни. Во вторыхъ, оно заключаетъ многія, весьма занимательныя піэсы, до сихъ поръ еще не извѣстныя публикѣ, какъ то: *Филиппъ II*, *Тиверій*, *Брутъ и Кассій*, и весьма любопытную статью *о театральной вольности*. Наконецъ въ семъ изданіи помѣщено превосходное *жизнеописаніе покойнаго сочинителя*, приписываемое Г. *Дону*. (Dounou).

Графъ Сегюръ издалъ вторую часть книги: *Galérie morale et politique* (нравственная и Политическая Галерея). Благосклонный пріемъ первому тому сего сочиненія, котораго въ весьма короткое время разошлось два изданія поощрялъ Автора: сія часть выборомъ статей, правильностью мыслей и достоинствомъ слога, не уступаетъ предъидущей.

Въ семъ году напечатано новое сочиненіе Гжи. Жанлисъ подъ названіемъ *Voyages poétiques d'Eugène et d'Automne.* Всѣ сіи поѣздки состоятъ изъ описанія пріятнѣйшихъ садовъ въ окрестностяхъ Парижа, (выключая статьи: *посѣщеніе могилы отца Лашези*). Гжа. Жанлисъ къ изображенію сихъ очаровательныхъ мѣстъ присоединила сказки и повѣсти, въ коихъ видѣнъ ея извѣстный талантъ въ семъ родѣ. Но чтобъ оправдать названіе сей книги, она помѣстила въ ней отрывки изъ разныхъ поэтовъ и нѣкоторыя собственныя стихотворенія, нестоющія однакожъ ея прозы.

Сверхъ того въ недавнемъ времени напечатанъ еще новой романъ въ 2 частяхъ сей неутомимой Писательницы, подъ названіемъ: *Les Parvénus ou les aventures de Julien Delmours, écrites par lui-même*

Гжа. *Дюфренуа* занимается въ Парижѣ изданіемъ *Дамской Библіотеки*, (Bibliothèque pour les Dames), которая будетъ состоять изъ 72 томовъ. Въ трехъ вышедшихъ уже въ свѣтъ, помѣщены мѣлкія сочиненія Греческихъ писателей переложенныя въ прозѣ на Француской языкъ разными переводчиками, съ примѣчаніемъ Издательницы.

УЧЕНЫЯ ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ теченіи 1818 года въ Лондонѣ вышло достойное вниманія сочиненіе подъ заглавіемъ:

The principles of population, etc. Изслѣдованіе началъ народонаселенія, соч. М. Георгъ Прувесъ. Т. въ 8. 1818.

Сіе сочинение написано въ опровержение началъ, по сему предмету предложенныхъ Малтусомъ.

Андрей Мустоксиди, Ученый, извѣстный изданіемъ многихъ Греческихъ Авторовъ, возвратился изъ Вѣны въ Венецію и занимается окончаніемъ своихъ

Illustrazione Corcirese.

Первый томъ сего сочиненія вышелъ въ Миланѣ, въ 1811, вторый въ 1817. Третій будетъ въ себѣ содержать описаніе Корцирскихъ монетъ; сія часть заставила Автора предпринять путешествіе въ Вѣну, чтобы осмотрѣть Императорскій Кабинетъ медалей.

Г. Мустоксиди, родомъ изъ Корциры, былъ возведенъ отъ своихъ соотечественниковъ въ званіе *Исторіографа Іоническихъ острововъ*; но Англичане, завладѣвъ Корфою, уничтожили сіе мѣсто, и *Мустоксиди* удалился въ Венецію.

Вѣнской Политехнической Институтъ возведенъ на равную степень съ Университетомъ. Сіе

заведеніе имѣетъ три главныхъ предмета: 1) преподаваніе; 2) быть Музеумомъ Художествъ и ремеслъ; 3) служить мѣстомъ сношенія отечественной промышленности.

Часть преподаванія состоитъ изъ трехъ отдѣленій: 1) школа, въ которой обучаются древнимъ и новымъ языкамъ, Исторіи, Математикѣ и проч.; 2) Коммерческое училище; 3) Техническое училище, гдѣ преподаютъ теорію тѣхъ частей Математики и Физики, которыя касаются художествъ и ремеслъ.

Въ Берлинскомъ Университетѣ считали съ 20 Октября 1817 по 19 Октября 1818, всѣхъ студентовъ 550; изъ нихъ 84 по Богословіи; 190 по Юриспруденціи; 154 по Медицинскому Факультету; и 123 по Философіи.

Октября 18, 1818. Въ Ахенѣ, Прусской Король утвердилъ постановленіе Университета въ Боннѣ. Онъ образованъ въ составѣ по Берлинскому, изъ пяти Факультетовъ: 1) Богословской Католической, 2) Богословской Протестантской, 3) Этико-Политической, 4) Медицинской 5) Философической. По сему послѣднему всегда будутъ преподавать два Профессора; одинъ Католическаго исповѣданія, а другой Протестантскаго. Въ преподаваніи прочихъ наукъ различіе исповѣданій остается безъ вниманія.

Для Университета, назначенъ въ Боннѣ городской замокъ и деревня Поппельсдорфъ. Для неимущихъ студентовъ, будутъ заведены кассы и безденежные пенсіоны, а для Профессорскихъ вдовъ капиталъ. Доходовъ Университету, примѣрно полагается 86 000 Прусскихъ талеровъ.

Бонской Университетъ, младшій изъ всѣхъ

Германскихъ Католическихъ Университетовъ, онъ основанъ въ 1718.

Король подарилъ ему драгоцѣнную библіотеку Дюисбургскаго Университета, который уничтоженъ.

До сего времени неизвѣстно было имя изобрѣтателя *лампъ безъ пламени*; нѣкоторые приписывали сіе *Сиръ Гумфри-Дави*.

Г. Еллисъ, въ письмѣ къ Г. Кари художнику физическихъ снарядовъ въ Лондонѣ, говоритъ, что онъ еще въ Сентябрѣ 1817 придумалъ и привелъ въ дѣйствіе способъ сохранять, неопредѣленное время, ясно раскаленною платинную проволку. Въ Августѣ 1818, онъ приспособилъ онную къ лампѣ съ виннымъ спиртомъ: степень свѣта отъ сего была такова, что онъ на разстояніи фута отъ проволки могъ удобно видѣть время на часахъ. Онъ показалъ сей опытъ Докт. Вилькинсону, который и повторялъ его при своихъ Физическихъ урокахъ.

Іосифъ *Бакзекъ*, механикъ въ Прагѣ, изобрѣлъ паровыя судно и повозку; онъ дѣлалъ надъ ними многіе опыты, которые, всѣ совершенно были удачны.

Въ Моравіи, часовой мастеръ Антонъ *Леберзоргеръ*, изобрѣлъ способъ подниматься въ судахъ противъ теченія рѣкъ безъ помощи силы животныхъ, также не употребляя ни паровъ ни огня. Ему дано право изключительно пользоваться симъ изобрѣтеніемъ десять лѣтъ.

Австрійскій механикъ Іосифъ Маѳей Тюммель изобрѣлъ гидравлическую машину, которая посредствомъ 20 — 30 ведръ воды и силою двухъ человѣкъ, можетъ содер-

жать въ безпрерывномъ дѣйствіи всякаго рода мѣльницу, и поднимать въ одну секунду, съ помощію одного человѣка 25 кубическихъ футъ воды на вышину 12 футъ. Ему также дано десятилѣтнее изключительное право.

Печатный станъ новаго изобрѣтенія, за которой Г. Бенслей получилъ въ Лондонѣ патентъ, находится въ полномъ дѣйствіи. Имъ отпечатывается 900 оттисковъ, съ обѣихъ сторонъ, въ одинъ часъ.

Первая книга вышедщая изъ сего стана есть переводъ Нѣмецкаго сочиненія Профессора *Блуменбаха* подъ названіемъ: *The Elements of Physiology.*

Вѣнской Профессоръ Докт. I. Н. *Іаэнюггеръ* открылъ, что отъ пережиганія въ закрытыхъ сосудахъ землянаго угля, получаются прекраснѣйшія красильныя вещества, могущія собою замѣнять иностранныя, дорогою цѣною выписываемыя краски. Онъ дѣлалъ публично, съ совершеннымъ успѣхомъ, опыты въ химической лабораторіи въ Вѣнѣ, въ присутствіи Ерцъ-Герцоговъ Іоанна и Ренира, Графа Іоринскаго и другихъ чиновниковъ.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

1.

Въ 16 день Октября Общество имѣло чрезвычайное засѣданіе. Г. Предсѣдатель открывъ оное печальнымъ извѣстіемъ о кончинѣ Г. Попечителя сего сословія Его Сіятельства Графа Сергія Козмича Вязмитинова, послѣдовавшей 15 Октября въ среду, въ краткомъ словѣ въ честь покойнаго Попечителя произнесенномъ, исчислилъ главнѣйшіе подвиги воинственной и мирной жизни сего истиннаго вельможи, въ которомъ Отечество лишилось усерднѣйшаго и полезнѣйшаго сына, Науки ревностнаго покровителя, а бѣдные и несчастные твердаго заступника. *Путемъ правды и усердія* (*) неутомимо шествовалъ онъ въ продолженіи 55 лѣтняго служенія своего Отечеству, смерть застигла его посреди трудовъ и попеченія о благѣ Гражданъ, и о немъ можно сказать: *Мужъ исполненный долготою дней скончался въ малѣ.* Во изъявленіе послѣдней дани безпредѣльнаго усердія Общества и

(*) Слова въ гербѣ на Графское достоинство.

преданности къ незабвенному въ памяти его Попечителю — мужу знаменитому доблестями и добродѣтелями, былъ отряженъ отъ Общества Г. Секретарь А. А. Никитинъ, для сопровожденія тѣла покойнаго въ монастырь Александра Невскаго. — Общество раздѣляя съ отсутствующими Членами своими душевное прискорбіе и печаль о столь великой для него потерѣ, извѣщаетъ ихъ, что Г. Почетный Членъ правящій должность Директора Общей Канцеляріи Министерства Полиціи А. Г. Волковъ, находившійся не отлучно при покойномъ Графѣ, по предложенію Общества, принялъ на себя трудъ составить краткое жизнеописаніе Его Сіятельства.

2.

За представленныя въ Общество сочиненія и переводы сообразно съ §. 35 Устава принятъ въ Члены-Сотрудники Г. Коллежскій Секретарь Дмитрій Васильевичь Сахаровъ. Въ день принятія его 13 Октября произнесъ онъ въ засѣданіи Общества рѣчь *Объ успѣхахъ Просвѣщенія въ новѣйшія времена*, которая съ удовольствіемъ помѣщена будетъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Соревнователя.

3.

Общество, сообразно съ §. 22 второй части Устава своего извѣщаетъ читателей Соревнователя, что оно излишне присланныя при от-

ношеніи Его Превосходительства Г. Екатеринославскаго Гражданскаго Губернатора И. Х. Калагеоргія за экземпляры сего журнала деньги 12 рублей причислило къ суммѣ на благотвореніе опредѣленной.

4.

Изъ дарованной Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею Елисаветою Алексѣевною суммы, выдано Обществомъ 50 рублей въ пособіе вдовѣ Титулярной Совѣтницѣ Софьѣ Ледуховской, обремѣненной шестью малолѣтными сыновьями. Бѣдственное состояніе сей вдовицы, имѣющей о трудолюбіи и похвальномъ поведеніи своемъ свидѣтельство Витебскаго Гражданскаго Губернатора и Губернскаго Маршала, заслуживаетъ особенное вниманіе всякаго друга человѣчества.

5.

Издаваемый обществомъ журналъ *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія*, продолжаться будетъ и въ слѣдующемъ 1820 году.

Въ составъ онаго входятъ:

I. *Науки и Художества.*

Словесность древняя и новая; — изслѣдованія о свойствѣ языковъ; — древности; — Описанія земель и народовъ; — Историческія отрывки и Біографіи знаменитыхъ мужей; — Ученыя путешествія; — Разныя разсужденія, рѣчи и вообще все любопытное по части наукъ и искуствъ; — Новыя изобрѣтенія, открытія и т. п.

II. *Изящная проза.*

Живописныя путешествія; — Изображеніе Характеровъ, повѣсти и пр.

III. *Стихотворенія.*

IV. *Смѣсь.*

1. Библіографія, или извѣстія и сужденія о книгахъ, также извлеченія изъ оныхъ.

2. Извлеченія изъ разныхъ журналовъ.

3. Записки Общества.

Сверхъ сего прилагаемы будутъ къ журналу по временамъ и по приличію портреты, карты, чертежи и ноты.

Принявъ означенныя главныя статьи въ основаніе журнала, Общество, избѣгая всѣхъ излишнихъ обѣщаній, постарается въ слѣдующемъ году сдѣлать изданіе свое сколько возможно занимательнымъ и обратить преимущественно вниманіе на все отечественное.

Доставляемыя Обществу отъ постороннихъ лицъ сочиненія и переводы, соотвѣтствующіе цѣли сего изданія, помѣщаемы въ ономъ будутъ съ удовольствіемъ.

Каждый мѣсяцъ выходитъ одна книжка, содержащая отъ 8 до 10 листовъ. Три таковыхъ книжки составятъ часть. Общество приняло вѣрныя мѣры, дабы книжки журнала выходили со всею исправностію въ надлежащее время.

Цѣна годовому изданію 25 рублей, а съ доставленіемъ на домъ и пересылкою въ другіе го-

рода 3о рублей; на полгода же 15, а съ доставленіемъ 18 рублей. Но какъ вырученныя изданіемъ симъ деньги назначаются на пособіе ученымъ и учащимся, то желающіе содѣйствовать сей благотворной цѣли, могутъ вносить за экземпляръ и болѣе означенной суммы.

Имена *подписавшихся* и *благотворителей* припечатаются при всякой части.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: Въ домѣ Собраній Общества подъ No 254, 3 Адмиралтейской части, 4 квартала на Вознесенскомъ проспектѣ; также въ книжной лавкѣ братьевъ Слёниныхъ и въ Библіотекѣ Г. Плавильщикова.

Въ Москвѣ: У содержателя Университетской книжной лавки Г. Ширяева.

Въ Казани: У Г. Члена-Корреспондента Петра Сергѣевича Кондырева.

Въ Одессѣ: У Г. Дѣйствительнаго Члена Карла Ивановича Кеппена.

Иногородныя особы могутъ также адресоваться въ Газетныя Экспедиціи С. Петербургскаго и другихъ Почтамтовъ.

Желающіе получить журналъ *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія* за 1818 и 1819 годы съ платою той же суммы, могутъ относиться прямо въ Общество, или въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію.

ИМЕНА МѢСТЪ и ОСОБЪ,

благоволившихъ подписаться на сей Журналъ.

Въ Ораніенбаумѣ.

Его Благородіе Яковъ Михайловичь Евреиновъ.

Въ Уржумѣ.

Уржумской Г. Уѣздный Судья Мильчаковъ.

Уржумской Г. Исправникъ Соловецкой.

Въ Нолинскѣ.

Нолинской Г. Исправникъ Маклаковъ.

Въ Царевосанчурскѣ.

Яранскаго уѣзда Водозерскаго удѣльнаго приказа крестьянинъ Осипъ Христолюбовъ.

Въ Липецкѣ.

Г. Подполковникъ Борисъ Карловичь Бланкъ.

Въ Екатеринославлѣ.

Екатеринославской Г. Уѣздный Преводитель Дворянства Папчинской.

Г. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Невѣровскій.

Г. Маіоръ Синельниковъ.

Г. Надворный Совѣтникъ Савицкой.

Г. Титулярный Совѣтникъ Савицкой.

Въ Оренбургѣ.

Его Превосходительство . . . . . . Ракуза.

Г. Штабсъ Капитанъ, Петръ Константиновичь Кромида.

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

Книжка 7.

Стр.	*Строк.*		*читай.*
12.	9	башень	башен
13	21	до Неменя	до Немена
22	6	ихъ очей ихъ	изъ очей ихъ
—	23	предписаныхъ	предписанныхъ
23	1	Ребъ	Рекъ
27	5	*Украшать*	*украшать*
29	21-22	пламенная любовь къ отечеству	сія благородная страсть
30	13	невиннаго!	невинной!
—	22-23	Очарованіе	очарованіе
32	14	у дѣлъ	удѣлъ
35	24	суть	есть
37	16	Однакожь	однакожъ
39	13	и что ужаснѣе отвергаютъ	и что ужаснѣе, отвергаютъ
—	25	отымаютъ	отнимаютъ
40	въ прим.	Llorente	Lorente
41	12	Однакожь	Однакожъ
42	11	однакожь	однакожъ
44	26	такого права	такого права,
47	13	вѣтренныя	вѣтреныя
—	20	густые	густыя
—	24-25	презѣнны	презрѣнны
56	22	Однакожь	Однакожъ
59	1	создѣздіе	созвѣздіе
62	26	*Полуксъ*	*Поллуксъ*
63	10	изъ созвѣздій	изъ созвѣздій,
75	10	межь	межъ
79	7	песрти	персти
92	2	здѣсв	здѣсь

Стр.	Строк.		читай.
96	19-20	почилъ	получилъ
100	7-8	Богословія	Богословіи
—	10-11	предмѣтахъ	предметахъ
101	4	вразсужденіи	въ разсужденіи
104	25	Всяотстройка	Вся отстройка
105	27	нравстенности	нравственности
106	10	въ обычаи	въ обычаѣ
108	11	двѣстѣ	двѣсти
—	18	вышшую	высшую
—	21	просвѣцеія	просвѣщенія
—	28-29	руководствоваись	руководствовались
110	13	неоставилъ	не оставилъ
—	16	разные свѣтскіе	разныя свѣтскія
111	2	Пручіе	Прочіе
—	3	въ прикодскихъ	въ приходскихъ
—	28	свѣдѣніями	свѣденіями
113	10	неоднакратныя	неоднократныя
117	13	потому	по тому

Книжка 8.

125	3	порабащенія	порабощенія
128	17	вверхь	вверхъ
139	16	единствянный	единственный
175	15	занималась	занимались
—	26	разговорамъ.	разговорамъ?
187	18	подъ бременемъ, лѣтъ-	подъ бременемъ лѣтъ
188	15	Честновой	Честоновой
—	21	отъ Маіора, Аглаева!	отъ Маіора Аглаева!
—	26	съ притворныаъ	съ притворнымъ
193	4	ѣздовой	Ѣздовой
195	10	попросить	попросить
—	11	услышить	услышишь
200	6	взгядомъ	взглядомъ
—	14	детская	дѣтская
202	10	зыбъ	зыбь

Стр.	строк.		читай.
212	4	провѣли	провели
213	14	дщеръ	дщерь
232	8	бѣседою	бесѣдою
—	22	рѣчъ	рѣчь
236	4	alienoa	alieno
—	5	Kublorum	Rublorum
237	8-9	schdula	schedula
239	30-31	правительАтва	правительства
243	11	вышелъ	вышель
—	12-13	прилоложена	приложена
245	18	Нилаевича	Николаевича
247	23	изяввить	изъявить

Книжка 9.

268	25	По прибытi	По прибытiи
286	19	ява	язва
287	23	днемь	денъ
289	23	востѣналъ	возстѣналъ
293	10	скорбъ	скорбь
295	1-2	Iфсаоатову	Iосафатову
—	6	ино гда	иногда
297	6	жизнъ	жизнь
298	6	обрѣтаетъ	обрѣтаетъ.
—	9	встрѣтитъ	встрѣтить
299	12	необоризримая	необозримая
300	2	ослабѣвшимъ ѳдва	ослабѣвшимъ — и едва
—	19-20	Мѣдленно	Медленно
303	18	чуствъ	чувствъ
—	22	родителей	родитель
304	5	къ колодцимъ	къ колодцамъ
—	7	повѣствовала	повѣствовали
305	3	мѣдленнымъ	медленнымъ
308	8	рѣченныхъ	неизрѣченныхъ
310	16	объвивая	обвивая
312	7	въ порививстомъ	въ порывистомъ

Стр.	*строк.*		*читай.*
317	7	предмѣта	предмета
—	26	въ Петрополь	въ Петрополѣ
326	2	Липу	липу
327	6	дожидатся	дожидаться
334	28	находитс	находится